ISSN 2313-6715
(ONLINE)

ПРОЛОГ

Журнал о праве

PROLOGUE

Law Journal

2022
1 (2) 3 4

ПРОЛОГ: ЖУРНАЛ О ПРАВЕ

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

http://www.prolaw38.ru/

Основан в 2013 г. | **№ 2 • 2022** | **Выходит четыре раза в год**

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

ИЗДАТЕЛЬ

Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Главный редактор — С.И. Суслова, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, заместитель директора по научной работе Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), д-р юрид. наук, доцент (Иркутск, Россия).

Заместитель главного редактора — А.М. Бычкова, начальник отдела научных исследований Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), эксперт Федеральной службы РФ по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, канд. юрид. наук, доцент (Иркутск, Россия).

Ответственный секретарь — Ю.Н. Румянцева, заведующая кафедрой гражданского и предпринимательского права, ст. науч. сотр. отдела научных исследований Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), канд. юрид. наук, канд. экон. наук (Иркутск, Россия).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Л.В. Андриченко — д-р юрид. наук, проф., заведующая центром публично-правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (Москва, Россия).

Н.П. Асланян — д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры международного права Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия (Краснодар, Россия).

В.Ф. Васюков — д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова (Орел, Россия).

Е.Л. Васянина — д-р юрид. наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук (Москва, Россия).

В.А. Витушко — д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры правового обеспечения экономической деятельности Академии управления при Президенте Республики Беларусь (Минск, Беларусь).

В.Ю. Войтович — д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры теории и истории государства и права Ижевского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Ижевск, Россия).

Б.Я. Гаврилов — д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России (Москва, Россия).

Р.Х. Гиззатуллин — д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры финансового и экологического права Института права Башкирского государственного университета (Уфа, Россия).

О.П. Грибунов — д-р юрид. наук, проф., директор Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации (Иркутск, Россия).

В.А. Гуреев — д-р юрид. наук, проф., проректор по научной работе Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Москва, Россия).

О.А. Дизер — д-р юрид. наук, доцент, заместитель начальника института (по научной работе) Белгородского юридического института МВД РФ им. И.Д. Путилина (Белгород, Россия).

Л.А. Душакова — д-р юрид. наук, доцент, заведующая кафедрой административного и служебного права Южно-Российского института управления — филиала РАНХиГС (Ростов-на-Дону, Россия).

Н.Н. Егоров — д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры криминалистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

Р.Н. Жаворонков — д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры трудового права и права социального обеспечения Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА) (Москва, Россия).

С.А. Карелина — д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры предпринимательского права юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

А.Я. Кодинцев — д-р юрид. наук, канд. ист. наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Санкт-Петербург, Россия).

О.Ю. Косова — д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста РФ) (Иркутск, Россия).

А.В. Малько — д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Поволжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), заслуженный деятель науки Российской Федерации (Саратов, Россия).

А.В. Морозов — д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры компьютерного права и информационной безопасности МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

Т.И. Отческая — д-р юрид. наук, проф., заведующая кафедрой организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА) (Москва, Россия).

С.В. Пархоменко — д-р юрид. наук, проф., главный научный сотрудник Института правовых исследований Байкальского государственного университета (Иркутск, Россия).

И.М. Середа — д-р юрид. наук, проф., заведующая кафедрой уголовного права и криминологии Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Иркутск, Россия).

А.П. Скиба — д-р юрид. наук, профессор, начальник кафедры уголовно-исполнительного права юридического факультета Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Рязань, Россия).

Т.В. Соловьева — д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии (Саратов, Россия).

С.Ю. Суменков — д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Юридического института Пензенского государственного университета (Пенза, Россия).

И.С. Шиткина — д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры предпринимательского права юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

Адрес редакции и издателя: 664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, д. 4, тел. (3952) 79-88-99,
e-mail: prolaw38@mail.ru

© Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России).

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл № ФС77-64776 от 2 февраля 2016 года.

Сайт: http://www.prolaw38.ru/.

ISSN 2313-6715 (online).

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям 12.00.01, 12.00.02, 12.00.03, 12.00.08, 12.00.15. Дата включения — 9 декабря 2020 г.

Всем статьям присваивается идентификатор цифрового объекта DOI (digital object identifier).

Электронная версия журнала размещена на платформе Научной электронной библиотеки — www.elibrary.ru.

Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях; высказываемые ими взгляды могут не отражать точку зрения редакции.

Перепечатка материалов журнала допускается только по соглашению с редакцией. Любые нарушения авторских прав преследуются по закону.

PROLOGUE: LAW JOURNAL

DIGITAL SCIENTIFIC PEER-REVIEWED JOURNAL

http://www.prolaw38.ru/

FOUNDED IN 2013 г. **№ 2 • 2022** **PUBLISHED FOUR TIMES A YEAR**

FOUNDER

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«The All-Russian State University of Justice»

PUBLISHER

Irkutsk Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice

Editor-in-Chief — Svetlana I. Suslova, Dr. Sci. (Law), Ass. Professor, Professor of the Civil and Business Law Department, Deputy Director for Scientific Work, Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (Irkutsk, Russia).

Deputy Editor-in-Chief — Anna M. Bychkova, PhD in Law, Ass. Professor, Head of the Research Department, Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice, Expert of the Federal Service for Communications, Information Technology and Mass Media Supervision (Irkutsk, Russia).

Executive Secretary — Yulia N. Rumyantseva, PhD in Law, PhD in Economics, Head of the Civil and Business Law Department, Senior Researcher of the Research Department, Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (Irkutsk, Russia).

EDITORIAL BOARD

Lyudmila V. Andrichenko — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Center for Public Law Studies, the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia).

Natalia P. Aslanian — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the International Law Department, North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice (Krasnodar, Russia).

Vitaliy F. Vasyukov — Dr. Sci. (Law), Ass. Professor, Professor of the Criminalistics and Preliminary Investigation Department, Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia (Orel, Russia).

Elena L. Vasyanina — Dr. Sci. (Law), Ass. Professor, Leading Researcher of the Administrative Law and Process Sector, the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Vladimir A. Vitushko — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Economic Activity Legal Support Department, the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus (Minsk, Belarus).

Valery Yu. Vojtovich — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Theory and History of State and Law Department, Izhevsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (Izhevsk, Russia).

Boris Ya. Gavrilov — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Control of Crime Investigation Agencies Department, the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow, Russia).

Ravil Kh. Gizatullin — Dr. Sci. (Law), Ass. Professor, Professor of the Financial and Environmental Law Department, the Institute of Law, Bashkir State University (Ufa, Russia).

Oleg P. Gribunov — Dr. Sci. (Law), Professor, Director, Irkutsk Law Institute (Branch), University of Prosecutor's Office of the Russian Federation (Irkutsk, Russia).

Vladimir A. Gureev — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Scientific Research, All-Russian State University of Justice (Moscow, Russia).

Oleg A. Dizer — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Deputy Head of the I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for scientific work) (Belgorod, Russia).

Lesya A. Dushakova — Dr. Sci. (Law), Ass. Professor, Head of the Administrative and the Official Law Department, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (SRIM RANEPA/Institute) (Rostov-on-Don, Russia).

Nikolay N. Egorov — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Criminalistics Department, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

Roman N. Zhavoronkov — Dr. Sci. (Law), Ass. Professor, Professor of the Labour Law and Social Security Law Department, Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia).

Svetlana A. Karelina — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Business Law Department, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

Aleksander Ya. Kodintsev — Dr. Sci. (Law), PhD in Historical Sciences, Ass. Professor, Professor of the Theory and History of State and Law Department, St. Petersburg Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (St. Petersburg, Russia).

Olga Yu. Kosova — Dr. Sci. (Law), Ass. Professor, Professor of the Civil and Business Law Department, Irkutsk Institute (branch), All-Russian State University of Justice (Irkutsk, Russia).

Alexandr V. Malko — Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the State and Legal Disciplines Department, Povolzhsky Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (Saratov, Russia).

Andrey V. Morozov — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Computer Law and Information Security Department, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

Tatyana I. Otcheskaia — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Judicial and Prosecutorial Activities Department, Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russia).

Svetlana V. Parhomenko — Dr. Sci. (Law), Professor, Chief Researcher of the Institute of Legal Studies, Baikal State University (Irkutsk, Russia).

Irina M. Sereda — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Criminal Law and Criminology Department, Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (Irkutsk, Russia).

Andrey P. Skiba — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Criminal Executive Law Department at the Faculty of Law, the Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russia).

Tatyana V. Solovieva — Dr. Sci. (Law), Ass. Professor, Professor of the Civil Procedure Department, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia).

Sergei Yu. Sumenkov — Dr. Sci. (Law), Ass. Professor, Professor of the State and Legal Disciplines Department, the Law Institute, Penza State University (Penza, Russia).

Irina S. Shitkina — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Business Law, Lomonosov Moscow State University (Moscow).

Publisher and Editor Address: Nekrasova st., 4, 664011, Irkutsk, Tel.: +7(3952)79-88-99
e-mail: prolaw38@mail.ru

© The All-Russian State University of Justice

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Registration number Эл № ФС77-64776 of February 02, 2016.

URL: prolaw38@mail.ru.

ISSN-Online 2313-6715.

Included in the catalogue of peer-reviewed scientific publications, which should publish basic scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences on the scientific specialties12.00.01, 12.00.02, 12.00.03, 12.00.08, 12.00.15. Date of inclusion — December 9, 2020.

All articles are assigned DOIs (digital object identifier).

The online version of the Journal is powered by the Scientific Electronic Library — www.elibrary.ru.

The authors are fully responsible for the compilation and presentation of information contained in their papers; their views may not reflect the Editorial Board´s point of view.

No part of the Journal materials can be reprinted without permission from the Editors.

ПРОЛОГ: ЖУРНАЛ О ПРАВЕ

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

http://www.prolaw38.ru/

Основан в 2013 г. **№ 2 • 2022** **Выходит четыре раза в год**

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ПРАВА

Витушко В.А. Становление и развитие социального права 7-16

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Спирин М.Ю. Формальная оболочка источника права и проблемы толкования её нормативного содержания (с позиций Ганса Кельзена и современной немецкой теоретической юриспруденции) 17-23

Баринов П.С., Катомина В.А. Институты гражданского общества: общетеоретический аспект 24-31

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Шутова В.Н. Правовая безопасность Российской Федерации: проблемы понимания и оценка современных угроз..... 32-39

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Самусевич А.Г. Неопределенные сроки в административном процессе: проблемы реализации..... 40-47

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Лабмаев Ж.Т. Эффективное осуществление права собственности и нормы гражданского законодательства 48-56

Марценюк А.Г. Защита единственного жилья при банкротстве гражданина: проблемы правоприменения 57-64

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Сергеева А.А., Питулько К.В. Дискриминация в спорте: понятие, правовая природа и методы противодействия 65-74

КРИМИНАЛИСТИКА

Егоров Н.Н. Криминалистические аспекты производства наглядно-образных способов фиксации доказательств 75-82

ВОЕННОЕ ПРАВО

Глухов Е.А. Управление путем отдачи устных приказов в ракурсе воинских правоотношений 83-93

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Норбоева Т.В. Роль Специального докладчика по токсичным веществам СПЧ ООН в международном управлении в сфере обращения с химическими веществами 94-104

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Матяшова Д.О. Злонамеренное использование искусственного интеллекта обсудили в рамках XIII международного IT-форума 105-114

PROLOGUE: LAW JOURNAL

DIGITAL SCIENTIFIC PEER-REVIEWED JOURNAL

http://www.prolaw38.ru/

Founded in 2013 г. **№ 2 • 2022** **Published four times a year**

CONTENTS

CURRENT ISSUES OF LAW DEVELOPMENT

Vitushko V.A. Formation and Development of Social Law 7-16

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

Spirin M. Yu. Formal Shell of the Source of Law and Problems of Interpretation of its Normative Content (from the Position of Hans Kelsen and Modern German Theoretical Jurisprudence) 17-23

Barinov P.S., Katomina V.A. Institutes of civil society: general theoretical aspect 24-31

CONSTITUTIONAL LAW

Shutova V.N. Legal Security of the Russian Federation: Problems of Understanding and Assessment of Modern Threats 32-39

ADMINISTRATIVE LAW

Samusevich A.G. Indefinite Deadlines in the Administrative Process: Problems of Implementation 40-47

CIVIL LAW

Lambaev Z.T. Efficient Exercise of Property Rights and Civil Law 48-56

Martseniuk A.G. Protection of the Sole Dwelling in the Possession of the Bankrupt Citizen: Law Enforcement Issues 57-64

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

Sergeeva A.A., Pitulko K.V. Discrimination in Sport's Sphere: Concept, Legal Nature and Methods of Counteraction 65-74

CRIMINALISTICS

Egorov N.N. Criminalistic Aspects of Production of Visual-Figurative Methods of Evidence Recording 75-82

MILITARY LAW

Glukhov E.A. Administration by Giving Verbal Orders from the Perspective of Military Legal Relations 83-93

INTERNATIONAL LAW

Norboeva T.V. The Role of the Special Rapporteur on Toxic Substances of the UN HRC in International Legal Governance of Chemical Substances 94-104

SCIENTIFIC LIFE

Matyashova D.O. Malicious Use of Artificial Intelligence Discussed in the Framework of the XIII International IT-forum 105-114

УДК 340.11; 346; 347

В.А. Витушко
Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Республика Беларусь
ORCID: 0000-0003-1381-1841
ResearcherID: GLS-5241-20220

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПРАВА

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2022. — № 2. — С. 7—16.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2022.2.1.
Дата поступления 28.04.2022, дата принятия к печати 15.06.2022, дата онлайн-размещения 30.06.2022.

АННОТАЦИЯ

При всей общности правовой идеологии постсоветских государств, вставших на рыночные условия социально-экономического развития и конституционно объявивших себя социальными, у них существенные различия правовых систем. Развитие межгосударственного взаимодействия в рамках Союзного государства Беларуси и России, а также ЕАЭС, требует глубокой гармонизации права этих стран. Институционной платформой гармонизации права может стать его социализация, идея которой зародилась в Европе в конце XIX в. Ее целью было обуздание буржуазного индивидуализма и эгоизма. К настоящему времени она трансформировалась в направлении сбалансированного сочетания интересов всех слоев общества, их партнерства и сотрудничества. Применительно к условиям современного состояния правовых систем постсоветских государств, на примере гражданского права, излагаются основные принципы его социализации. К основным началам предмета социального гражданского права отнесены принципы: единства имущественных и личных неимущественных отношений; междисциплинарного подхода к регулированию гражданских отношений; межотраслевого правового регулирования гражданских отношений. К основным началам метода отнесены: единство общенаучной и гражданско-правовой методологии; солидарность, паритет, согласование прав, обязанностей и законных интересов личности, третьих лиц и общества; индивидуализация и конкретизация гражданских отношений. Иные элементы системы гражданского права должны строиться на принципах: взаимосвязи институтов и иных элементов системы гражданского права; неразрывной связи неопределенного числа гражданских правоотношений; единства гражданских прав, обязанностей, дозволений, запретов и предписаний.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Социализация; гармонизация; правовая система; система права; институционная платформа; принципы социального права; предмет; метод; структура; единство; неразрывная связь; сотрудничество; солидарность; права; законные интересы; обязанности; дозволения; запреты; предписания.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ Витушко В.А. Становление и развитие социального права // Пролог: журнал о праве. — 2022. — № 2. — С. 7—16. — DOI: 10.21639/2313-6715.2022.2.1.

UDC 340.11; 346; 347

V.A. Vitushko
Academy of Public Administration
under the President of the Republic of Belarus,
Minsk, Belarus
ORCID: 0000-0003-1381-1841
ResearcherID: GLS-5241-2022

FORMATION AND DEVELOPMENT OF SOCIAL LAW

PUBLICATION DATA *Prologue: Law Journal*, 2022, no. 2, pp. 7—16.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2022.2.1.
Received 28.04.2022, accepted 15.06.2022, available online 30.06.2022.

ABSTRACT Law ideology of the post-soviet states that have been participating in market conditions of social and economic development and that have declared themselves by the constitution as social may seem equal. However, their law systems are not the same. Development of interstate interaction in the frames of the Union State of Belarus and Russia as well as the EAEU requires deep harmonization of the law systems of those countries. Socialization may serve as institutional platform of the law systems harmonization. The idea of socialization was born in Europe in the end of the XIX century. Its purpose was to curb bourgeois individualism and egoism. Nowadays it has been transformed in the direction of balanced combination of interests of all the layers of the society, its partners and collaboration. When applied to the conditions of the modern state of law systems of the post-soviet states, if we take the civil law as an example, main principles of its socializations are described. There are the following principles that are related to the basis of the subject of the civil law: the unity of property and personal non-property relations; interdisciplinary approach to the regulation of civil relations; intersectional legal regulation of civil relations. The main basics of the methods are the unity of the general scientific and civil legal methodology; solidarity, parity, coordination of rights, obligations and legal interests of the person, second parties and society; individualization and specification of civil relations. Other elements of the system of the civil law should be based on the following principles: interconnection of the institutions and other elements of the system of the civil right; the indissoluble connection of an indefinite number of civil legal relations; unity of civil rights and obligations, permissions, prohibitions and regulations.

KEYWORDS Socialization; harmonization; legal system; system of law; institutional platform; principles of social right; subject; method; structure; unity; indissoluble connection; collaboration; solidarity; rights; legal interests; obligations; permissions; regulations.

FOR CITATION Vitushko V.A. Formation and Development of Social Law. *Prologue: Law Journal*, 2022, no. 2, pp. 7—16. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2022.2.1.

Развитие научных основ естествознания с XVI в., в особенности — принципа относительности Галилея, представлений о гармонии, единстве и взаимосвязи природных тел и явлений — способствовали зарождению взглядов на природу и общество как целое, состоящее их взаимосвязанных частей. В рамках данных взглядов в первой половине XIX в. зародилась органическая теория, разветвлявшаяся, в частности, на такие научные направления как органическая теория юридических лиц и органическая школа в социологии. Органические теории рассматривали социальные явления как аналоги природных явлений. Так, теория юридических лиц рассматривала этих лиц, как аналогов человеческой плоти, способных проявлять собственную волю и самостоятельно участвовать в гражданском обороте. Органическая социология также рассматривала все социальные явления как взаимосвязанные части тела человека. Последующее естествознание и обществоведение (в том числе — и правоведение) параллельно развивали *представления о комплексном характере, единстве и взаимосвязи природных и социальных явлений*. Так, европейской и российской правовой доктриной была отвергнута древнеримская догма о делении права на частное и публичное. Было установлено, что при ущемлении прав и интересов одной личности нарушаются интересы всего общества [12, с. 66, 74, 189 и др.].

В начале XX в. продолжалось развитие представлений о взаимосвязи, единстве явлений природы, общества и права. Достаточно сказать о зарождении учения В.И. Вернадского и его немецких последователей о ноосферах, единстве природы и социума [18, с. 78]. В физике была разработана теория относительности А. Эйнштейна, закрепившая представления о единстве пространства и времени, материи и энергии, иных явлений природы. Это означало перелом в мышлении людей, отказывавшихся от аристотелевской метафизики, утверждавшей об обособленности небесного и поднебесного мира, иной абсолютизации и обособленности явлений окружающей действительности и переходивших к пониманию относительной обособленности явлений природы и общества, релятивизму. Среди правоведов термин релятивизм впервые использовал профессор А.И Покровский в своей монографии «Основные проблемы гражданского права» 1916 г. [15]. В конце XIX — начале XX в. французский профессор права Леон Дюги разработал теорию «социального функционализма», согласно которой личность не имеет более субъективных прав. У личности есть лишь обязанность служить интересам общества. Теория социального функционализма стала основой социализации права. Она была противопоставлена господству буржуазного индивидуализма и эгоизма, а также представлениям об антагонизме интересов личности и общества. Предполагалось, что *социализация государства и права должна установить единство и взаимосвязь интересов личности и общества*.

Одним из первых примеров обуздания эгоистического индивидуализма буржуазии, пренебрежения ею интересами мелких и средних слоев предпринимательства, а также интересами наемных работников, иных социально незащищенных категорий граждан стало антитрестовское, трудовое законодательство, а также право социального обеспечения конца XIX — начала XX вв.

Идея правового закрепления зависимости личности от общества была абсолютизирована в советском государстве после октябрьской революции 1917 г. К концу 20-х гг. социализация права здесь привела к полной ликвидации частной собственности и ее национализации, иному ущемлению имущественных и личных неимущественных прав и свобод граждан.

Западные страны решили провести более мягкую социализацию, чем в СССР, сохраняя субъективные права личности, но ограничивая буржуазию в бесконтрольном осуществлении своего права частной собственности, понуждении использования частной собственности с учетом интересов всего общества. Таким образом, *понимание зависимости личности от общества стало изначально различным в сформировавшихся в те времена двух социально-экономических системах: капиталистической и социалистической*. Впоследствии это различие все более обострялось, и в мире сложились два противоположных лагеря капиталистических и социалистических стран, находившихся между собой в состоянии перманентной конфронтации, приведшей их к «холодной войне». Хотя некоторые глобальные угрозы мировой цивилизации в XX в., как, например, фашизм, а затем — угроза ядерной войны, вынуждали правительства этих лагерей договариваться и противостоять данным угрозам. Но этого оказалось недостаточно для гармонизации и стабилизации развития международных отношений.

К концу 80-х гг. XX в. противостояние двух социальных лагерей привело к тому, что в лагере социалистических стран пошли деструктивные процессы экономического, политического, культурологического и ино-

го характера, повлекшие распад этого лагеря на обособленные суверенные государства. С точки зрения вышесказанного о всеобщем характере императива единства и зависимости явлений природы, общества и права надо сделать вывод, что *причиной распада социалистического лагеря является то, что планетарный социум не терпит абсолютной разобщенности его составных частей*. В природе, а равно в обществе и праве, все биполярные и иные противоположности не могут абсолютно обособляться, а являются взаимно связанными и взаимно дополняющими другу друга. Например, частная собственность, частные права и свободы не могут игнорироваться и противопоставляться общественным формам собственности и общественным (государственным) интересам. Коль скоро гармоничного единения частных и общественных интересов в социалистическом лагере не получилось, а правительства противоборствующих лагерей не нашли глубинного единства международных интересов, то слабейшее звено ушло с исторической арены.

Разделившись на самостоятельные суверенные государства бывшие члены социалистического лагеря, в своей основе, единодушно *заявили о переходе на рыночную экономику, то есть встали на путь капиталистического развития*. Никакой иной альтернативы социально-экономическому устройству общества не выдвигалось. Причем, в пределах бывшего СССР от февральской революции 1917 г., столыпинских реформ и иных буржуазных преобразований не сохранилось памятников права, да и соответствующей правовой культуры. *Это значит, что буржуазные отношения и адекватное право постсоветские страны должны были формировать заново. А мировое сообщество в политическом, экономическом и правовом аспектах вновь встало на путь единения*.

В своих конституциях бывшие советские государства сделали уклон на социализацию общественных отношений, назвав себя социальными. Но может ли такое формально юридическое заявление означать, что в своем социально-экономическом и культурном состоянии они уравнялись с теми государствами, которые столетиями последовательно шли путем развития капитализма, и стало ли их право социальным? При этом важно выяснить, какой характер отношений между личностью, ее правами и свободами, с одной стороны, и обществом — с другой стороны — легализован и реализуется на территории бывшего советского государства.

Основой становления социального права в целом и гражданского права, в частности, безусловно, является трансформация экономических, политических и культурологических отношений. Трансформация социально-экономических отношений и права на постсоветском пространстве началась с раздела государственной собственности между гражданами. И этот процесс не прошел безболезненно, он до сих пор вызывает общественные дискуссии. Фактически раздел государственной собственности привел к тому, что особо ценные национальные богатства и крупные капиталы мгновенно оказались в руках единиц новых постсоветских капиталистов, не соотносясь с формированием правовой культуры у них и у основной массы законопослушных граждан. *В правовой культуре современных отечественных капиталистов не сформировались адекватные представления о связанности их прав и интересов с интересами других граждан и всего общества*. А граждане не поняли, почему они не получили обещанной им всем автомашины «Волга» за ваучер. Все дело в том, что обещание всеобщего повышения материального благополучия было рекламной уловкой, умиротворяющей население и позволяющей легализовать целенаправленное обогащение единиц. Каждому знакомому с международной экономической статистикой и менеджментом известно, что в любой стране мира способность к бизнесу имеет не более 5 процентов населения. Соответственно, нельзя было делить народные богатства на всех, особенно, в виде крупнейших промышленных, сырьевых и иных производств, путем раздачи равной ваучерной доли каждому гражданину. Каждый гражданин объективно не мог рационально распорядиться своей долей народного достояния и продал ее за бесценок. На это и был расчет организаторов чековой приватизации. Такой процесс перехода на капиталистические отношения заведомо не способен был объединить народ не только по формально юридическим, но и по социально-экономическим и социально-культурным причинам. Поэтому побег на Запад организаторов и бенефициаров ваучеризации был предсказуем. А значит, постсоветское государство и право не может считаться социально направленным, каким оно считается в других капиталистических странах, где капиталы наживались и адекватная культура формировалась столетиями, где господствовали принципы священности права собственности и свободы экономической и иной не запрещенной деятельности. Поэтому сегодня в этих капиталистических странах нет вопросов о законности и естественном характере распределения там капиталов на крупные, средние и мелкие. Соответственно, с экономической и правовой точек зрения уровень постсоветско-

го государства и права находится на уровне примитивного капитализма XVII — XVIII вв., когда основные капиталы концентрировались в руках единиц. Действующее право социального обеспечения граждан не меняет положения дел. Значительная часть населения находится за чертой бедности. Близость права постсоветских стран с правом переходного периода от феодализма к примитивному капитализму усматривается и в других общественных отношениях и правоотношениях.

Так, в современных трудовых отношениях не действует принцип равенства возможностей между наемными работниками и нанимателями. В данных отношениях в Беларуси господствует контрактная система найма рабочих и служащих. По условиям таких контрактов наниматель имеет неограниченные возможности принимать и увольнять работников в любое время по своему усмотрению. Такие возможности были у буржуазии в условиях господства принципа священности и неприкосновенности частной собственности согласно Французскому ГК 1804 г. Тогда и сейчас в правоприменении этот принцип действует в ущерб принципу равенства. Наемный работник не имеет возможности сменить работу до окончания срока действия контракта. Условия контрактов ставят работника в худшие условия, чем они были даже в советском праве. В советский период работник, пожелав уйти от нанимателя независимо от своих мотивов, а тем более, найдя более достойную работу и адекватные условия работы, мог за один месяц письменно предупредить об это нанимателя и по истечении месяца уйти с работы. Ныне наемные работники оказываются лично привязанными к месту работы, как это было по кабальным договорам, совершаемым с крестьянами и иными наемными лицами в эпоху феодализма. В жилищных отношениях интересы крупных частных застройщиков многоэтажных домов преобладают над интересами граждан собственников индивидуальных жилых домов, подвергающихся сносу. Тем самым закапывается общественно полезный труд, потраченный на строительство и модернизацию гражданами своих индивидуальных домов, игнорируются личные неимущественные права граждан на благоприятную окружающую биологическую и социальную (соседскую) среду, здоровье, деторождаемость и иные, которые, как было известно еще в советской социологии, лучше осуществляются в индивидуальных, а не многоэтажных домах. Причем, индивидуальный дом гражданин может расширить при увеличении членов семьи, чего нельзя сделать в квартире многоэтажного дома.

Для развития социального государства и права важным является вопрос использования народной энергии, народной инициативы в экономической и иных сферах жизни общества. Когда в советском государстве в 80-е гг. XX в. пошли деструктивные процессы, экономика перестала работать, прилавки магазинов оказались пустыми, было принято законодательство о свободе кооперативного движения. Это позволило наполнить прилавки, восстановить экономику.

Но в законодательстве о предприятиях и предпринимательстве 1990—1992 гг. не было сохранено понятие производственного кооператива, а регистрирующие органы, исходя из «буквы закона», не разрешали создавать ставшие привычными кооперативы. Восстановление данного вида юридических лиц в Модельном ГК СНГ 1994 г. и части первой ГК России было запоздавшим. К настоящему времени сельскохозяйственные производственные кооперативы (колхозы) ликвидированы как класс, особенно в Беларуси, тогда как в мировой практике доходы от кооперативных хозяйств (по опыту Испании, Израиля и других стран) имеют до десяти процентов населения.

С конца 80-х — в начале 90-х гг. XX в. в советском государстве, а затем и в постсоветских странах широкое распространение получили арендные предприятия, в рамках которых наемные работники этих предприятий стали осуществлять коллективное предпринимательство. Правовой основой создания таких предприятий был договор аренды предприятий, по которому трудовые коллективы этих предприятий могли постепенно выкупать у государства имущество предприятия за счет своих доходов. Арендное движение стало популярным, поскольку для выкупа предприятия не требовалось немедленно вносить значительные денежные средства, которых у наемных работников заведомо быть не могло. Но в ГК России 1994 г., а затем и в ГК Беларуси 1998 г. арендные предприятия не были включены в закрытый перечень коммерческих юридических лиц, и они исчезли из гражданского оборота — как и производственные кооперативы.

В противовес инициативам трудящихся законодатели постсоветского пространства легализовали в 90-х гг. XX в. акционерные и т.п. хозяйственные организации, которые скопированы у западной правовой культуры, но были непривычными советским людям. Причем западный опыт развития рабочей акционерной собственности не был воспринят у нас. Одновременно, трудовые коллективы были лишены прав по участию в управлении государственными предприятиями, — в срав-

нении с тем, как это было в советском праве в 80-е гг. Соответственно, вся инициатива и совокупная энергия народа по развитию общественного производства и обмена «ушла в песок». Исторически народ всегда является основной производительной силой общества и развития экономики. Проигнорированные стремления народа к самостоятельному осуществлению своих экономических и иных свобод, удовлетворению своих имущественных и личных неимущественных интересов к концу XX в. стали основной причиной деструктивных процессов в экономике. Много квалифицированных рабочих и служащих ушло в «челночную» торговлю, иное индивидуальное предпринимательство или вовсе в теневую экономику. Стало распространенным выполнение работ за оплату «в конвертах» и иные проявления социального эгоизма. Формирование среднего класса, как это имеет место в Китае и других активно развивающихся странах, не стоит в повестке дня постсоветских стран. Некоторый акцент делается только на развитие среднего и мелкого бизнеса. Но средний бизнес и средний класс населения — это относительно обособленные социальные явления.

Поэтому сегодня стоят вопросы о восстановлении экономического и правового статуса народа в обществе. Относительно правовой роли народа ведущие правоведы Беларуси и России дали недвусмысленный ответ. Профессор С.Г. Дробязко, исследуя процесс правообразования, анализируя и обобщая труды российских правоведов В.С. Нерсесянца, Ю.Б. Венгерова и Ю.М. Тихомирова, пришел к выводам, что право формируется не столько в силу государственного законотворчества, сколько в силу стихийных процессов самоорганизации товарного оборота, осуществляемого физическими, юридическими лицами и их объединениями [10]. Установлено, что граждане наряду с «государственными органами и иными лицами» являются субъектами правотворческой, правоохранительной и правоприменительной деятельности [17]. Эти положения вытекают из истории развития права. Так, профессор Л.И. Петражицкий различал право «позитивное», как «унификационное» законодательное право государства, и «интуитивное право» в виде соответствующих «интуитивно-правовых воззрений» народа либо его передовой части [13, с. 243—245, 277]. В свою очередь, швейцарский историк И. Баховен, в 1861 г. в монографии «Материнское право» описал право периода матриархата [19, с. 8, 10, 33 и др.]. Российский профессор права К.П. Победоносцев также выделял юридические отношения в семейных союзах, существовавших до появления государств. Он указывал, что в древности семья выполняла праворегулирующие и судебные функции [14, с. 2, 8, 10, 15 и др.].

Таким образом, право народа формируется интуитивно, в рамках своей матрицы, функцию которой изначально и всегда выполняет семья. Семья и иное родственное окружение человека всегда формировали и формируют его правовую культуру и то право, которое профессор Д.И Мейер назвал правом «действительной жизни», существующим независимо от позитивного государственного законодательства, «общественного права». Общественное право, по убеждению ученого, должно угадывать настроения народа и формироваться в соответствии с правом действительной жизни.

Так обычно и происходило в течение всей истории развития цивилизации. Во времена возникновения протогосударств, каковыми были в нашей истории Полоцкое княжество и Великий Новгород, правотворчество и правосудие осуществляли вечевые собрания народа. Вече могло свободно избирать себе князя из числа лучших людей и изгонять его, как это было даже с самим Александром Невским. По мере укрепления государств данные государства не отрывали себя от народного (семейного, родового и общинного) правотворчества и правоприменения, как это было в Вавилоне, Древнем Риме и других известных древних цивилизациях. Там первичными источниками права были народные обычаи, которые цари повелевали своим каменотесам выбивать в камне. Такое *единство народного и государственного правотворчества сохранялось даже при появлении абсолютистских монархических режимов*. Государственное правотворчество и правоприменение никогда не исключало и не исключает ныне того, что добропорядочный человек всегда жил и будет жить по своим «интуитивно-правовым воззрениям», неписаному праву, которое он с рождения впитывает в себя у своей семьи и иного родственного окружения на уровне подсознания [8, с. 6—10, 28, 46, 120, 169, 176, 195 и др.].

То, что основным творцом права является народ, закреплено в статье 3 Конституции Республики Беларусь, согласно которой «единственным источником государственной власти и носителем суверенитета в Республике Беларусь является народ». Понимание неограниченной правотворческой компетенции народа закреплено в статье 3 новой Конституции РФ. Понимание широкой компетенция народа, а также исторический опыт дали повод для выделения понятий «частной власти»

и «частного правового регулирования». Выделение понятия частного и публичного права в данном случае основано не на критерии регулируемых интересов. Как и в указанном семейном и интуитивном праве такое деление основано на критерии субъекта правотворчества и правоприменения [3, с. 35—38]. С учетом сказанного *современное право может считаться социальным, если оно отражает единство интуитивного народного права действительной жизни и актов государственного законотворчества*.

В традиционных буржуазных странах народ, получая экономические и иные свободы, фактически предоставлялся воле судьбы, выживал сам как мог, осуществляя самоорганизацию экономических отношений. С течением веков он освоил эту науку. В истории постсоветских народов они также получали свободу, но только на три-четыре года в периоды НЭПа (как показано выше, это 20-е гг. XX в. и 1988-1992 гг.). Чуть дольше длились эти свободы во время Столыпинских реформ начала XX в. И народ выводил экономику на динамичный уровень развития. Но ныне в России и Беларуси государственное правотворчество вновь стало избыточным [6, с. 4; 16]. Еще в 2000 г. отмечалось, что суды не анализируют законодательства и практику его применения в регулировании монополистической деятельности государственных органов управления [4, с. 51]. В таких условиях «ведомственные интересы государственных органов управления, частные интересы монопольных образований имеют тенденцию к сращиванию с интересами правотворческих государственных органов и тем самым — к ущемлению гражданских прав всего населения, а также системы национальной безопасности» [7, с. 43]. В настоящее время государственные органы вовсе выведены из числа субъектов монополистической деятельности. Динамичный товарно-денежный оборот в условиях рынка и *социализация государства и права возможны только при устранении указанных диспропорций в осуществлении экономической и юридической власти в обществе, когда взаимосвязано и неразрывно сосуществуют самоорганизация общественных отношений и государственное правовое обеспечение такого развития*. Неслучайно В.В. Путин, поздравляя женщин 8 марта 2022 г., заявил о необходимости вновь снять ограничения с экономических свобод граждан в условиях внешнего санкционного давления. Это важно не только с экономической и культурологической точек зрения, и не только для каких-то отдельных стран. Современное международное глобальное противостояние народов и государств обусловлено тем, что *имеет место психологическая разобщенность народов и правительств*, которую предсказывали еще советские философы, усматривая в ней такую же опасность для цивилизации, как ядерная либо экологическая катастрофы.

Исходя из сказанного, в, казалось бы, узкой сфере гражданского права, для его социализации требуются перемены, адекватные глобальным процессам развития общества и права. Социализация гражданского права возможна при реализации следующих принципов. *Во-первых, это касается понимания предмета гражданского права*. Важнейшим принципом здесь должен быть *принцип единства и взаимосвязи имущественных и личных неимущественных отношений*. Его легализация была произведена в ч. 1 п. 1 ст. 1 Модельного ГК СНГ, национальных ГК. Но затем вновь возобладали идеи обособления общественных отношений в составе предмета гражданского права.

Кроме того, *предмет социального гражданского права должен включать междисциплинарный подход* к регулированию общественных отношений. Только понимание единства и взаимосвязи экономических, культурологических, морально-нравственных и иных оценок праксиологического и аксиологического свойства позволит раскрыть в процессе правоприменения содержание гражданско-правовых принципов добросовестности, разумности, справедливости, а также иные оценочные понятия и существо гражданских отношений. Но главное — это должно очеловечить формализм гражданского права.

Особенность предмета социального гражданского права отличается и *комплексным межотраслевым правовым подходом в регулировании гражданских отношений*. Современная юридическая реальность отличается тем, что с конца XIX в. все активнее формируются комплексные отрасли права и законодательства (хозяйственного, спортивного, энергетического, жилищного, земельного, финансового, экологического и др.). Отраслевое правовое регулирование отдельных общественных отношений обособленными отраслями права носит релятивный, относительный характер, как и деление права на частное и публичное. Доминирующим всегда был и остается единый комплексный межотраслевой подход к правотворчеству. Различные отрасли права должны усиливать обеспечение и охрану гражданских прав. Важно лишь, чтобы они не дублировали гражданское право.

Особенностью предмета социального гражданского права является и действие *принципа внутриотраслевого гражданско-право-*

вого комплексного регулирования гражданских отношений. В современном гражданском праве нет приоритетов между отдельными гражданско-правовыми явлениями. Если в период неоинституционной системы гражданского права (пример Французского Гражданского кодекса 1804 г.) приоритет был у подотрасли права собственности, а в период действия пандектной системы (пример Германского Гражданского Уложения 1896 г.) приоритет был отдан обязательственному праву, то ныне эти приоритеты не работают. Все понятия, нормы, институты и подотрасли гражданского права едины и взаимно связаны, должны действовать совместно и системно.

Для социального гражданского права важным является действие *принципа солидарности, паритета, согласования прав и законных интересов личности, третьих лиц и общества*, а не приоритет интересов отдельных видов субъектов гражданских отношений или отдельных лиц, который закреплен в статье 2 ГК Беларуси. Особенно необходимым является согласование имущественных и личных неимущественных прав и интересов граждан и общества.

Во-вторых, с методологической точки зрения особенностями социального гражданского права является то, что должен действовать *принцип единства общенаучной и гражданско-правовой методологии*. Некоторые коллеги пишут, что общенаучная методология не может применяться в юриспруденции. Но если общенаучная методология не может применяться в юриспруденции, то она не общенаучная. В современном праве нельзя обойтись без методов индукции и дедукции, анализа и синтеза, которые в своей бинарности неразрывно связаны и едины.

Кроме того, в социальном гражданском праве должен действовать *принцип единства гражданских прав и обязанностей всех субъектов гражданских отношений, единства способов и средств правового регулирования*. О связи и единстве прав и обязанностей личности на начальных этапах развития общества писал С.С. Алексеев [1, с. 13]. О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородский указывали, что всякая правовая норма одновременно обязывает, запрещает и управомочивает [11, с. 177]. В.М. Горшенев также писал, что дозволения включают как разрешение, правомочие, так и веление, предписание, обязанность [9, с. 52]. Более подробно эти основы социализации гражданского права и правоприменительной практики были обобщены нами в 1996 г. [2, с. 32, 68, 128, 129 — 154 и др.] и развиты в 2017 г. [6, с. 223 — 300].

В современном социальном гражданском праве должен действовать и *принцип индивидуализации и конкретизации гражданских отношений, прав и обязанностей субъектов правоотношений*. Такая индивидуализация возможна только посредством применения судебных прецедентов, а также иных цивилизационых источников права, включая обычаи и доктрину. Правоприменительная деятельность не может осуществляться только на основе универсальных норм законодательства, поскольку они непригодны для осуществления индивидуального правоприменения. Индивидуализация осуществляется правоприменителями при междисциплинарном подходе определения содержания оценочных и других универсальных законодательных формул, использовании народных обычаев, доктрины, легализации права суда на собственное усмотрение и адекватное правотворчество.

Наконец, для социального гражданского права непременным является *принцип взаимосвязи неопределенного числа гражданских правоотношений*. Примеры такой неразрывной связи выражаются:

— в конструкции юридического лица, где связаны внутренние и внешние правоотношения;

— в институте субсидиарной ответственности;

— в институтах производных вещных прав, согласно которым права и обязанности субъектов производных вещных прав связаны с правами собственника;

— в институте общей собственности, где связаны внутренние относительные и внешние абсолютные правоотношения;

— в праве собственника передавать другим лицам отдельные права на свое имущество, например, по договорам аренды, комиссии, доверительного управления и др.;

— в наличии института акцессорных обязательств, когда сегодня нельзя представить договоров коммерческих юридических и иных лиц без способов обеспечения исполнения обязательств;

— в цессии и т.д.

Единство и неразрывная взаимосвязь всех элементов системы гражданского права, правоотношений, прав, интересов и обязанностей субъектов гражданских отношений, гражданско-правовых способов и средств — вот основные признаки и ключевые термины в определении социального гражданского права.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. — Москва : Юриздат, 1989. — 288 с.

2. Витушко В.А. Государственное гражданско-правовое регулирование рынка : монография. — Минск : БГЭУ, 1996. — 176 с.

3. Витушко В.А. Конституционное правосудие в сфере гражданского оборота // Конституционное правосудие в Республике Беларусь: пятилетний опыт, проблемы и перспективы : сб. докл. и тез. выступлений (г. Минск, 27 апреля 1999 г.). — Минск, 1999. — С. 35—38.

4. Витушко В.А. Конституционно-правовые основы баланса частной и публичной властей в социальном правовом государстве // Конституционно-правовые проблемы формирования социального правового государства : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 30—31 марта 2000 г.). — Минск : Белорусский государственный университет, 2000. — С. 50—52.

5. Витушко В.А. Конституционные основы развития и совершенствования гражданского законодательства в Республике Беларусь // Конституционный контроль: состояние, проблемы и перспективы : сб. докл. и тез. выступлений на науч.-практ. конф., посвящ. пятнадцатилетию Конституционного Суда Республики Беларусь (30 апреля 2009 г.). — Минск, 2009. — С. 129—136.

6. Витушко В.А. Правовые основы социального рынка : монография. — Минск : МИТСО, 2017. — 320 с.

7. Витушко В.А. Проблемы защиты гражданских прав от ведомственных и корпоративных интересов // Конституционный процесс и развитие политической системы общества : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 17—18 окт. 2002 г.). — Минск : Белорусский государственный университет, 2002. — С. 43—44.

8. Витушко В.А. Цивилизационное право : монография. — Минск : БИП-С Плюс, 2011. — 224 с.

9. Горшенев В.М. Способы и организационно-правовые формы правового регулирования в социалистическом обществе. — Москва : Юридическая литература, 1972. — 258 с.

10. Дробязко С.Г. Правообразование, правотворчество, правоустановление, их субъекты и принципы // Степан Григорьевич Дробязко: к 90-летию со дня рождения. — Минск : Бизнесофсет, 2013. — 190 с.

11. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. — Москва : Госюриздат, 1961. — 381 с.

12. Кавелин К.Д. Избранные произведения по гражданскому праву. — Москва : Центр Юр ИнфоР, 2003. — 722 с.

13. Петражицкий Л.И. Теория государства и права в связи с теорией нравственности // История русской правовой мысли. Биографии, документы, публикации / [сост. Д.В. Жуков и др.]. — Москва : Остожье, 1998. — С. 243—286.

14. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. В 3 т. / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. — Москва : Зерцало, 2003. — Т. 2. — 656 с.

15. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. — Москва : Статут, 2001. — 353 с.

16. Попондопуло В.Ф. Обязательственное право: социальные основания и понятие // Проблемы гражданского права и процесса : сб. науч. ст. / И.Э. Мартыненко (гл. ред.) [и др.]. — Гродно : Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, 2021. — С. 141—149.

17. Сырых В.М. Теория государства и права : учебник. — Москва : Юстицинформ, 2001. — 592 с.

18. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л.Ф. Ильичев, Н.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. — Москва : Советская Энциклопедия, 1983. — 840 с.

19. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства: В связи с исследованием Льюиса Г. Моргана. — Москва : Политиздат, 1975. — 288 с.

REFERENCES

1. Alekseev S.S. *Obshchie dozvoleniya i obshchie zaprety v sovetskom prave* [General permissions and general prohibitions in Soviet Law]. Moscow, Yurizdat Publ., 1989. 288 p.

2. Vitushko V.A. *Gosudarstvennoe grazhdansko-pravovoe regulirovanie rynka* [State civil law regulation of the market]. Minsk, Belarus State Economic University Publ., 1996. 176 p.

3. Vitushko V.A. Constitutional law in the sphere of civil turnover. *Konstitutsionnoe pravosudie v Respublike Belarus': pyatiletnii opyt, problemy i perspektivy. Sbornik dokladov i tezisov vystuplenii, Minsk, 27 aprelya 1999 g.* [Constitutional justice in the Republic of Belarus: five-year experience, problems and prospects. Collection of reports and abstracts of speeches, Minsk, April 27, 1999]. Minsk, 1999, pp. 35—38. (In Russian).

4. Vitushko V.A. Constitutional and legal foundations of the balance of private and public authorities in a social state governed by the rule of law. *Konstitutsionno-pravovye problemy formirovaniya sotsial'nogo pravovogo gosudarstva. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Minsk, 30—31 marta 2000 g.* [Constitutional and legal problems of the formation of social legal state. Materials of International Research Conference, Minsk, March 30—31, 2000]. Minsk, Belarusian State University Publ., 2000, pp. 50—52. (In Russian).

5. Vitushko V.A. Constitutional grounds for development and imperfection of the civil legislation in the Republic of Belarus. *Konstitutsionnyi kontrol': sostoyanie, problemy i perspektivy. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi pyatnadtsatiletiyu Konstitutsionnogo Suda Respubliki Belarus', 30 aprelya 2009 g.* [Constitutional control: state, problems and prospects. Materials of Research Conference, dedicated to the fifteenth anniversary of the Constitutional Court of the Republic of Belarus, April 30, 2009]. Minsk, 2009, pp. 129—136. (In Russian).

6. Vitushko V.A. *Pravovye osnovy sotsial'nogo rynka* [Legal foundations of the social market]. Minsk, Higher Educational Establishment of the Federation of Trade Unions of Belarus «International University «MITSO» Publ., 2017. 320 p.

7. Vitushko V.A. Problems of civil rights protection from departmental and corporate interests. *Konstitutsionnyi protsess i razvitie politicheskoi sistemy obshchestva. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Minsk, 17—18 oktyabrya 2002 g.* [Constitutional process and political system of the society development. Materials of International Research Conference, Minsk, October 17—18, 2002]. Minsk, Belarusian State University Publ., 2002, pp. 43—44. (In Russian).

8. Vitushko V.A. *Tsivilizatsionnoe pravo* [Civil right]. Minsk, BIP-S Plyus Publ., 2011. 224 p.

9. Gorshenev V.M. *Sposoby i organizatsionno-pravovye formy pravovogo regulirovaniya v sotsialisticheskom obshchestve* [Ways and organizational and legal forms of legal regulation in the social society]. Moscow, Yuridicheskaya Literature Publ., 1972. 258 p.

10. Drobyazko S.G. Legal education, law-making, legal establishment, their subjects and principles. *Stepan Grigor'evich Drobyazko: k 90-letiyu so dnya rozhdeniya* [Stepan Grogorievich Drobyazko: for the 90th anniversary]. Minsk, Biznensofset Publ., 2013. 190 p.

11. Ioffe O.S., Shargorodskii M.D. *Voprosy teorii prava* [Questions of the theory of law]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1961. 381 p.

12. Kavelin K.D. *Izbrannye proizvedeniya po grazhdanskomu pravu* [Selected works on civil right]. Moscow, Tsentr Yur InfoR Publ., 2003. 722 p.

13. Petrazhitskii L.I. Theory of state and law in the connection with the theory of morality. In Zhukov D.V. et al. (eds). *Istoriya russkoi pravovoi mysli. Biografii, dokumenty, publikatsii* [History of Russian legal thought. Biographies, documents, publications]. Moscow, Ostozh'e Publ., 1998, pp. 243—286. (In Russian).

14. Pobedonostsev K.P., Tomsinov V.A. (ed.). *Kurs grazhdanskogo prava* [Civil right course]. Moscow, Zertsalo Publ., 2003. Vol. 2. 656 p.

15. Pokrovskii I.A. *Osnovnye problemy grazhdanskogo prava* [Main issues of civil right]. Moscow, Statut Publ., 2001. 353 p.

16. Popondopulo V.F. Obligatory right: notion and social grounds. In Martynenko I.E. et al. (eds). *Problemy grazhdanskogo prava i protsessa* [Problems of civil right and process]. Yanka Kupala State University of Grodno Publ., 2021, pp. 141—149. (In Russian).

17. Syrykh V.M. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and right]. Moscow, Yustitsinform Publ., 2001. 592 p.

18. Il'ichev L.F., Fedoseev N.N., Kovalev S.M., Panov V.G. (eds). *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'* [Philosophical encyclopedic dictionary]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1983. 840 p.

19. Engels Friedrich. *Proiskhozhdenie sem'i, chastnoi sobstvennosti i gosudarstva: V svyazi s issledovaniem L'yuisa G. Morgana* [The Origin of the Family, Private Property and the State: in the Light of the Researches of Lewis H. Morgan]. Moscow, Politizdat Publ., 1975. 288 p. (German: Engels Friedrich. *Der Ursprung der Familie, des Privateigenthums und des Staats*. Hottingen-Zürich, 1884).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Витушко Владимир Александрович (Минск) — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры правового обеспечения экономической деятельности Академии управления при Президенте Республики Беларусь (220007, Республика Беларусь, Минск, ул. Московская, 17, e-mail: vovka50@mail.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vitushko, Vladimir A. (Minsk) — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Economic Activity Legal Support Department, the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus (Moskovskaya St., 17, Minsk, the Republic of Belarus, 220007, e-mail: vovka50@mail.ru).

УДК 340.11; 340.132.6

М.Ю. Спирин
Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королёва, Самара, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-4147-6297
ResearcherID: AAV-6126-2021

ФОРМАЛЬНАЯ ОБОЛОЧКА ИСТОЧНИКА ПРАВА И ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ ЕЁ НОРМАТИВНОГО СОДЕРЖАНИЯ (С ПОЗИЦИЙ ГАНСА КЕЛЬЗЕНА И СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ)

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2022. — № 2. — С. 17—23.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2022.2.2.
Дата поступления 04.04.2022, дата принятия к печати 15.06.2022, дата онлайн-размещения 30.06.2022.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблематике толкования объективного права посредством разъяснения содержания юридических норм, а также определения особенностей конструкции внешних форм их выражения. Вопросы толкования права рассматриваются с точки зрения нормативистского подхода к праву, отражённого в учении о «чистом праве» («*reine Rechtslehre*») Ганса Кельзена. Автор определяет методологическое и регулятивное значение разграничения юридических норм и «правовых предложений» («правовых текстов») при анализе формальных источников права. Особое внимание обращается на закрепление основных способов (модусов) правового регулирования в нормах права и важность их определения в процессе толкования права. Устанавливается, что практическое толкование содержания юридических норм осуществляется двумя основными способами: путём толкования элементов формальной оболочки юридических норм (элементов организации правового текста как формального источника права) и путём толкования элементов внутреннего содержания этой формальной оболочки. Принципиальное различение правовых норм и правовых предложений (правовых текстов) в вопросе регулирования социальных отношений связано с разграничением методик толкования их содержания. В этом смысле подчёркивается значение различия «норм-предписаний» и «норм-суждений» в концепции Ганса Кельзена. В статье приводятся примеры из современной немецкой теоретико-правовой литературы, обосновывающие необходимость различения юридических норм и правовых предложений (правовых текстов) в рамках нормативизма. Анализируются подходы Карла Ларенца, Бернда Рютерса, Кристиана Фишера, Акселя Бирка и Томаса Вестинга к определению языковой формы нормы права — так называемого «носителя юридической нормы» (*Rechtsnormträger*), уточняются важнейшие типы правовых предложений (*Rechtssätze*)

как носителей юридических норм. Использованы аутентичные научные тексты на немецком языке и впервые произведён авторский перевод ряда таких текстов на русский язык. Сделаны выводы о важности отграничения толкования содержания юридической нормы от толкования организации внешнего средства её выражения; о различии прескриптивного и дескриптивного характера правового регулирования, которое определяет ключевую разницу между юридическим позитивизмом и непозитивистскими концепциями понимания права; о значении кельзеновской идеи *Stufenbau der Rechtsordnung* при толковании содержания отдельных юридических норм.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Источник права; толкование права; нормативизм; юридическая норма; правовое предложение (правовой текст); прескриптивный характер права; дескриптивный характер права.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Автор выражает благодарность Иркутскому региональному отделению Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права (МАТГиП) за организованный 26 марта 2021 года Всероссийский научно-теоретический круглый стол «Проблемы толкования права: вопросы теории и практики», по результатам выступления на котором была написана данная статья.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Спирин М.Ю. Формальная оболочка источника права и проблемы толкования её нормативного содержания (с позиций Ганса Кельзена и современной немецкой теоретической юриспруденции) // Пролог: журнал о праве. — 2022. — № 2. — С. 17—23. — DOI: 10.21639/2313-6715.2022.2.2.

UDC 340.11; 340.132.6

M. Yu. Spirin
Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-4147-6297
ResearcherID: AAV-6126-2021

FORMAL SHELL OF THE SOURCE OF LAW AND PROBLEMS OF INTERPRETATION OF ITS NORMATIVE CONTENT (FROM THE POSITION OF HANS KELSEN AND MODERN GERMAN THEORETICAL JURISPRUDENCE)

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal, 2022, no. 2, pp. 17—23.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2022.2.2.
Received 04.04.2022, accepted 15.06.2022, available online 30.06.2022.

ABSTRACT

The article is devoted to the problem of interpretation of objective law by clarifying the content of legal norms, as well as determining the design features of the external forms of their expression. Questions of interpretation of law are considered from the point of view of the normative approach to law, reflected in the doctrine of "pure law" ("*reine Rechtslehre*") by Hans Kelsen. The author determines the methodological and regulatory significance of the distinction between legal norms and legal texts in the analysis of formal sources of law. Particular attention is paid to the

consolidation of the main methods (modes) of legal regulation in the rules of law and the importance of their determination in the process of interpreting law. The author establishes that the practical interpretation of the content of legal norms is carried out in two main ways: by interpreting the elements of the formal shell of legal norms (elements of the organization of the legal text as a formal source of law) and by interpreting the elements of the internal content of this formal shell. The fundamental difference between legal norms and legal texts in the issue of regulating social relations is associated with the distinction between methods for interpreting their content. In this sense the significance of the difference between «norms-prescriptions» and «norms-judgments» in the concept of Hans Kelsen is emphasized. The article provides examples from modern German theoretical and legal literature, substantiating the need to distinguish between legal norms and legal texts within the framework of normativism. The approaches of Karl Larenz, Bernd Rüthers, Christian Fischer, Axel Birk and Thomas Westing to the definition of the language form of the rule of law - the so-called "bearer of a legal norm" (*Rechtsnormträger*), the most important types of legal sentences (*Rechtssätze*) as carriers of legal norms are specified. The article uses authentic scientific texts in German and for the first time the author's translation of a number of such texts into Russian was made. Conclusions are drawn about the importance of delimiting the interpretation of the content of a legal norm from the organization's interpretation of the external means of its expression; about the difference between the prescriptive and descriptive nature of legal regulation, which determines the key difference between legal positivism and non-positivist concepts of understanding law; on the significance of Kelsen's idea of *Stufenbau der Rechtsordnung* in interpreting the content of individual legal norms.

KEYWORDS

Source of law; interpretation of law; normativism; legal norm; legal text; prescriptive nature of law; descriptive nature of law.

ACKNOWLEDGEMENTS

The author expresses his gratitude to the Irkutsk regional branch of the Interregional Association of theorists of state and law (IATSL — MATGIP) for organizing the All-Russian scientific and theoretical round table «Problems of Interpretation of Law: Questions of Theory and Practice» organized on March 26, 2021, based on the results of the presentation at which this article was written.

FOR CITATION

Spirin M.Yu. Formal Shell of the Source of Law and Problems of Interpretation of its Normative Content (from the Position of Hans Kelsen and Modern German Theoretical Jurisprudence). *Prologue: Law Journal*, 2022, no. 2, pp. 17—23. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2022.2.2.

Как известно, центральной проблемой толкования (интерпретации) права является необходимость правильного понимания и последующего разъяснения (истолкования) содержания конкретных юридических норм, составляющих низовое компонентное звено системы права. Вследствие этого возможно адекватное понимание предписаний данных норм, созданных волей соответствующего субъекта правотворческой деятельности, восприятие их сочетанного действия и последующая эффективная реализация их положений (запретов, обязываний и дозволений) [1, с. 290—299; 9, с. 764—768; 12, с. 470—474; 8, с. 400—401].

Юридические нормы с давних пор объединяются в правовые тексты, обретая тем самым устойчивую внешнюю оболочку (формальную оболочку нормативного правового акта либо иного, содержащего в себе юриди-

ческие нормы, источника права). Исходя из этого, практическое толкование содержания данных юридических норм осуществляется двумя путями:

1) толкование элементов *формальной оболочки* юридических норм (элементов организации правового текста как формального источника права);

2) толкование элементов *внутреннего содержания этой формальной оболочки* (самих юридических норм с точки зрения направленности модуса правового регулирования (запрета, обязывания либо управомочия), который отражён в диспозиции каждой юридической нормы) [10, с. 60].

Таким образом, при осуществлении толкования права принципиально важно понимать, что именно выступает в качестве объекта толкования: сама юридическая норма (то есть указанный в ней конкретный модус регулирования социального отношения) или внешнее средство выражения этой юридической нормы вовне. От этого зависит направленность и конкретные итоги толкования, а также последующие изменения в правовой системе под влиянием осуществлённого толкования.

Ганс Кельзен как основатель нормативистского направления современного юспозитивизма обращал особое внимание на методологическую роль толкования норм права. В своей этапной работе *«Reine Rechtslehre»* («Чистое учение о праве» или «Чистая теория права». 2-е изд. Вена, 1960) Кельзен рассматривал толкование права в контексте содержания юридической нормы (*Auslegung des Rechts как Auslegung der Rechtsnorm*: толкование права в качестве толкования юридической нормы) и указывал на принципиальное значение этой нормы для постепенного развития на её основе реального правового отношения [5, с. 67; 11, с. 119—120; 13]. Это имеет значение по отношению к каждой конкретной юридической норме и особенно важно для основополагающих норм Конституции.

Кельзен утверждал: «Норма функционирует в качестве схемы истолкования» [7, с. 12—13]. Тем самым, для своего эффективного действия каждая юридическая норма нуждается в адекватной интерпретации определённым правовым субъектом. Изначально же она выступает в качестве схематической конструкции, имеющей достаточно умозрительный, теоретический характер. При этом Кельзен в главе 16 своего «Чистого учения о праве» определял различие между *Rechtssatz* («правовым предложением» или «правовым текстом» как внешней, формальной оболочкой, содержащей в себе организованные в определённом порядке юридические нормы) и *Rechtsnorm* (правовой нормой как регулятором социальных отношений, конкретной юридической нормой в собственном её смысле).

Так, Кельзен писал: «Суждения, в которых правоведение описывает эти отношения (то есть отношения между определяемыми правовыми нормами фактическими составами. — М. С.), суть правовые *предложения*, и их следует отличать от правовых *норм*, которые создаются правовыми органами, должны применяться ими и соблюдаться правовыми субъектами. Правовые предложения — это гипотетические суждения, гласящие, что в соответствии с некоторым государственным или международным правопорядком ... должны наступить предусмотренные им последствия. Правовые нормы — это не суждения ... они суть предписания, и в качестве предписаний-приказаний суть веления; но нормы — это не только приказания: они также могут быть дозволениями и полномочиями» [7, с. 94—95].

Следует заметить, что Кельзен обращал внимание на различие между нормами права, созданными законодателем *(«предписания»)*, и способами их интерпретации со стороны учёных-юристов *(«суждения»)*. Таким образом, элементы правовой доктрины как формального источника права выступают в качестве внешней оболочки законодательных предписаний *(так называемое «право юристов» или дескриптивное право)*, несмотря на достаточно отрицательное отношение к этому самого Кельзена.

Весьма важным является следующее замечание Кельзена: «Поскольку правовые нормы получают языковое выражение в словах и предложениях, они могут иметь **форму** (выделено мной. — **М. С.**) суждений, констатирующих факты» [7, с. 95]. Таким образом, осуществляя нормативное толкование права, юрист должен «извлечь» существо юридической нормы из внешней оболочки нормативного суждения, которое, подобно раковине, защищает от вредного внешнего воздействия жемчужину (юридическую норму), заключённую в ней. Другое дело, что в развитие вышеуказанной кельзеновской мысли стоит заметить, что правовые нормы не просто **могут иметь форму** этих суждений, но **нуждаются в этой форме**, постоянно её используют; в этом смысле толкование норм права не может обойтись без первоначального анализа того, как именно размещена толкуемая норма в рамках данной формы.

Современная немецкая теоретическая юриспруденция, во многом продолжая традиции Ганса Кельзена в сфере понимания суще-

ства правовой нормы, также рассматривает толкование права в двух аспектах:

1) как толкование норм права с точки зрения их регулятивного содержания;

2) как толкование текстов («правопредложений»), содержащих в себе нормы права (толкование законов, подзаконных нормативных правовых актов, судебных решений, нормативных договоров etc.).

В этой связи следует обратить внимание на позицию Карла Ларенца, который в своей известной работе *«Methodenlehre der Rechtswissenschaft»* («Учение о методах правовой науки») 1991 года (6-е изд.) обратил особое внимание на употребление терминов «правовая норма» и «правовое предложение» со ссылкой на вышеуказанную работу Кельзена [15, S. 250—277], справедливо замечая, что *«die Regel des Rechts hat die sprachliche Form eines Satzes, des "Rechtssatzes". Um ihn ist es im folgenden zu tun»* («Юридическое правило имеет языковую форму предложения, так называемого "правового предложения". По поводу него в последующем и совершаются действия») (перевод мой. — *М. С.*) [15, S. 250]. Ларенц ставил таким образом внутреннее содержание юридической нормы в зависимость от особенностей конструкции внешней оболочки её выражения, с которой и имеют дело юристы в рамках толкования права как процедуры интерпретации принципов организации внешней оболочки правового регулирования.

В распространённых в современной Германии учебниках и монографиях по общей теории права *(Rechtstheorie)* проблематика выраженности (отражённости) правовых норм во внешних, формальных оболочках, как правило, рассматривается именно в нормативистском ключе, несмотря на значительное внимание, которое авторы при этом справедливо уделяют тенденциям развития правового реализма, экономического анализа права и коммуникативной концепции в современной юриспруденции.

Так, в одном из самых известных современных немецкоязычных учебников по теории права (Рютерс, Фишер, Бирк *«Rechtstheorie mit juristischer Methodenlehre»* («Теория права с учением о юридической методологии») в параграфе 4 «Правовая норма» указано: *«Das Recht besteht aus Rechtsnormen, die in sprachlichen Sätzen ("Rechtssätzen") zum Ausdruck kommen. Die Rechtsnorm ist kein körperlicher Gegenstand ... Es ist vielmehr ein Träger notwendig, der die Rechtsnorm nach außen überhaupt erkennbar macht. Dieser Träger ist der Rechtssatz. Rechtsnorm und Rechtssatz sind also zu unterscheiden»* («Право состоит из правовых норм, которые выражены в языковых (речевых) предложениях («правопредложениях»). Правовая норма не является физически существующим предметом ... Принципиально необходим носитель, который выражает вовне правовую норму и тем самым делает её известной. Этим носителем является правовое предложение. Таким образом, необходимо различать правовую норму и правовое предложение») (перевод мой. — *М. С.*) [16, S. 60].

Немецкие авторы утверждают, что всякая юридическая норма для своего действия (а также для понимания субъектами права того, как именно она будет действовать) нуждается в обязательном внешнем средстве своего выражения (так называемом «носителе нормы» — *Rechtsnormträger*); при этом саму норму права и это внешнее средство-носитель необходимо каждый раз разграничивать по смыслу.

В начале параграфа 2 «Нормы» работы Томаса Вестинга *«Rechtstheorie»* («Теория права») уточняются важнейшие типы *Rechtssätze* («правовых предложений» как вышеуказанных «носителей юридических норм»), в которых выражены соответствующие юридические нормы: *«Vertragsklauseln, juristische Regeln, richterliche Entscheidungsnormen und Gesetze»* («договорные исключения, юридические правила, нормы судейских решений и законы») (перевод мой. — *М. С.*) [17, S. 20].

Далее в своей работе Вестинг уточняет особенности этих формальных оболочек, в рамках которых содержатся конкретные юридические нормы. Под договорными клаузулами он понимает отдельные нормы, определяющие конкретные способы исполнения определённого договорного обязательства; юридическими правилами (*regulae iuris*), по его мнению, выступают нормы, возникающие в ходе проведения научных правовых экспертиз *(так называемые нормы «права юристов»)*; нормы судейских решений *(case law)* являются актами высших судебных инстанций; наконец, законы *(statutory law)* представляют собой те нормы, которые возникли в процессе политического (позитивного) законотворчества.

При этом важно иметь в виду, что под такими «нормами» Вестинг в данном контексте понимает именно формальные оболочки, необходимые для существования так называемых «глубинных правил» (самих модусов социального поведения: запретов, обязываний и дозволений), которые в собственном смысле и являются юридическими нормами, но для своего реального действия нуждаются в указанных оболочках как внешних средствах их выражения.

Получается, что всякий модус регулирования социального поведения с точки зрения юридического нормативизма для своего реального регулятивного воздействия принципиально нуждается не только в существовании особой внешней оболочки (например, закона), внутри которой он выражается, но и предполагает обязательность юридического толкования самой организации этой оболочки (структурной и формально-логической организации).

Таким образом, если делать выводы о значении нормативистского подхода в рамках толкования права (интерпретации внешних форм и внутреннего регулятивного содержания права), то можно прийти к следующим моментам:

1. Принципиально важным является *отграничение толкования содержания юридической нормы от толкования организации внешнего средства её выражения* (конкретного компонента закона — его статьи, пункта, подпункта etc., логического элемента судебного прецедента и т.п.). Первый тип толкования с догматической точки зрения можно назвать первичным, непосредственным, второй же — вторичным, опосредованным.

В то же время практическая юридическая деятельность во многих случаях ориентирована на первоначальную интерпретацию именно внешних средств выражения правовых норм (их формальных оболочек), а уже затем — того, что составляет их непосредственное регулятивное содержание. Причём неправильным это именно с практической точки зрения назвать нельзя.

2. Важным также является вопрос о времени появления «правовых предложений» и «правовых норм», если рассматривать их не в качестве синонимов. По сути, если «правопредложения» предшествуют юридическим нормам, можно говорить о *прескриптивном характере права*, которое в таком случае концентрируется на правилах-долженствованиях, создаваемых субъектом правотворческой деятельности для моделирования будущих социальных отношений. Нормы же, объективно объединяющиеся в тексты («правовые предложения»), характеризуют *право как явление дескриптивное*, настроенное на логическое объяснение необходимости того или иного типа социального поведения в конкретной жизненной ситуации.

Из этого тезиса вполне можно вывести коренное различие между юридическим позитивизмом как господствующим типом понимания права, ориентированным на прескриптивность *(априорность)* правового регулирования человеческого поведения, и основными непозитивистскими вариантами трактовки сущности правового воздействия (среди которых в этом смысле выделяются историческая школа права, юссоциологизм и юсреализм), основанными на дескриптивном *(апостериорном)* смысле права.

3. Всякое толкование юридических норм должно учитывать известные положения нормативистской концепции Ганса Кельзена, в силу которых весь корпус юридических норм конкретного национального правопорядка представляет собой иерархическую, ступенчатую и взаимозависимую структуру *(Stufenbau der Rechtsordnung)* [2, с. 201—202; 5, с. 22—26]. В этом смысле все иные типы понимания права (юснатурализм, юсреализм, коммуникативный и интегративный подходы) и юристы, интерпретирующие содержание норм права на основании соответствующих методологий, должны исходить из важности данного вывода юридического нормативизма.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алексеев С.С. Общая теория права. Курс в двух томах. — Москва : Юридическая литература, 1982. — Т. 2. — 360 с.

2. Антонов М.В. Теория государства и права. — Москва : Юрайт, 2018. — 497 с.

3. Антонов М.В. Чистая теория права Ганса Кельзена — 50 лет спустя // Российский ежегодник теории права. — 2010. — № 3. — С. 812—825.

4. Ганс Кельзен: чистое учение о праве, справедливость и естественное право : пер. с нем., англ., франц. / [сост. и авт. вступ. ст. М.В. Антонов]. — Санкт-Петербург : ИД Алеф-пресс, 2015. — 704 с.

5. Дидикин А.Б. Философское и правовое наследие Ганса Кельзена : сб. ст. и материалов. — Москва : Издательские решения, 2018. — 86 с.

6. Кельзен Г. Норма и ценность // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3: Общественные науки. — 2017. — Т. 12, № 2. — С. 71—77.

7. Кельзен Г. Чистое учение о праве : пер. с нем. — 2-е изд. — Санкт-Петербург : ИД Алеф-пресс, 2015 — 542 с.

8. Комаров С.А. Общая теория государства и права. — 9-е изд. — Москва : Юрайт, 2018. — 506 с.

9. Общая теория государства и права: академический курс в 3 томах / отв. ред. М.Н. Марченко. — 3-е изд. — Москва : Норма, 2010. — Т. 2: Право. — 816 с.

10. Общая теория права и государства : метод. рек. / сост. М.Ю. Спирин. — Самара : Изд-во Самарского университета, 2021. — 84 с.
11. Ревнов Б.А., Крушельницкий М.А. Нормативизм Ганса Кельзена: взгляд из XXI века. — Санкт-Петербург : Изд-во Юридического института, 2014. — 268 с.
12. Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. — 3-е изд. — Москва : Норма, 2012. — 640 с.
13. Тропер М. Кельзен, теория толкования и структура правового порядка // Российский ежегодник теории права. — 2011. — № 4. — С. 196—204.
14. Kelsen H. General theory of law and state. — Cambridge, Mass. : Harward university press, 1945 (reprinted in 2009 by the Lawbook Exchange Ltd.). — 516 p., XXXIII p.
15. Larenz K. Methodenlehre der Rechtswissenschaft. — 6. Aufl. — Berlin-Heidelberg : Springer Verlag, 1991. — 495 S.
16. Rüthers B., Fischer Ch., Birk A. Rechtstheorie mit juristischer Methodenlehre. — 10. Aufl. — München : C.H.Beck, 2018. — 621 S., XXVIII S.
17. Vesting Th. Rechtstheorie. — 2. Aufl. — München : C.H.Beck, 2015. — 191 S., XXVIII S.

REFERENCES

1. Alekseev S.S. *Obshchaya teoriya prava* [General theory of law]. Moscow, Yuridicheskaya Literature Publ., 1982. Vol. 2. 360 p.
2. Antonov M.V. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law]. Moscow, Yurait Publ., 2018. 497 p.
3. Antonov M.V. Pure theory of law of Hans Kelsen — 50 years later. *Rossiiskii ezhegodnik teorii prava = Russian yearbook of legal theory*, 2010, no. 3, pp. 812—825. (In Russian).
4. Antonov M.V. (ed.). *Gans Kel'zen: chistoe uchenie o prave, spravedlivost' i estestvennoe pravo* [Hans Kelsen: pure study of law, justice and natural law]. Saint Petersburg, Alef-Press, 2015. 704 p.
5. Didikin A.B. *Filosofskoe i pravovoe nasledie Gansa Kel'zena* [Philosophical and legal heritage of Hans Kelsen]. Moscow, Izdatel'skie resheniya Publ., 2018. 86 p.
6. Kel'zen G. Norm and value. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3. Obshchestvennye nauki = Izvestia Ural Federal University Journal. Series 3, Social and Political Scienses*, 2017, vol. 12, no. 2, pp. 71—77. (In Russian).
7. Kel'zen G. *Chistoe uchenie o prave* [Pure study on law]. 2nd ed. Saint Petersburg, Alef-Press, 2015. 542 p.
8. Komarov S.A. *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava* [General theory of law and state]. 9th ed. Moscow, Yurait Publ., 2018. 506 p.
9. Marchenko M.N. (ed.). *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava* [General theory of law and state]. 3rd ed. Moscow, Norma Publ., 2010. Vol. 3. 816 p.
10. Spirin M.Yu. (ed.). *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava* [General theory of law and state]. Samara University Publ., 2021. 84 p.
11. Revnov B.A., Krushel'nitskii M.A. *Normativizm Gansa Kel'zena: vzglyad iz XXI veka* [Normativism of Hans Kelsen: a look from the XXI century]. Law Institute St Petersburg Publ., 2014. 268 p.
12. Matuzov N.I., Malko A.V. (eds). *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law]. 3rd ed. Moscow, Norma Publ., 2012. 640 p.
13. Troper M. Kelsen. Theory of interpretation and structure of legal order. *Rossiiskii ezhegodnik teorii prava = Russian yearbook of legal theory*, 2011, no. 4, pp. 196—204. (In Russian).
14. Kelsen H. *General theory of law and state*. Cambridge, Mass., Harward university press, 1945 (reprinted in 2009 by the Lawbook Exchange Ltd.). 516 p., XXXIII p.
15. Larenz K. *Methodenlehre der Rechtswissenschaft*. 6. Aufl. Berlin-Heidelberg, Springer Verlag, 1991. 495 S.
16. Rüthers B., Fischer Ch., Birk A. *Rechtstheorie mit juristischer Methodenlehre*. 10. Aufl. München, C.H.Beck, 2018. 621 S., XXVIII S.
17. Vesting Th. *Rechtstheorie*. 2. Aufl. München, C.H. Beck, 2015. 191 S., XXVIII S.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Спирин Михаил Юрьевич (Самара) — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права и международного права Юридического института Самарского национального исследовательского университета им. С.П. Королёва, председатель Самарского регионального отделения Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права (МАТГиП), член Германо-Российской ассоциации юристов (DRJV) (443086, г. Самара, ул. академика Павлова, 1, e-mail: smy@samaradom.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Spirin, Mikhail Yu. (Samara) — PhD in Law, Ass. Professor, Ass. Professor of the Theory and History of State and Law and International Law Department, Law Institute of the Samara National Research University, Head of Samara Region Branch of the Interregional Association of Theorists of State and Law (IATSL — MATGIP), Member of German-Russian Association of Lawyers (DRJV) (Academic Pavlov st., 1, Samara, 443086, e-mail: smy@samaradom.ru).

УДК 347.471

П.С. Баринов
Балаковский филиал
Саратовской государственной юридической академии,
Балаково, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-7100-8147
ResearcherID: GLQ-7803-2022
В.А. Катомина
Пензенский государственный университет,
Пенза, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-9599-8835
ResearcherID: AAG-5521-2019

ИНСТИТУТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2022. — № 2. — С. 24—31.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2022.2.3.
Дата поступления 12.01.2022, дата принятия к печати 15.06.2022, дата онлайн-размещения 30.06.2022.

АННОТАЦИЯ

Для правильного определения сущности и назначения гражданского общества авторы обращаются к истокам становления и развития этой идеи, проводят исследование взглядов на проблему взаимосвязи гражданского общества и государства. В статье отмечаются особенности процесса формирования гражданского общества в России. Авторы приводят определение понятия «гражданское общество» и называют его признаки. Несмотря на отсутствие нормативного определения «институты гражданского общества», подчеркивается широта использования данного термина в действующем федеральном и региональном законодательстве. На основе анализа мнений ученых относительно юридической природы и структуры гражданского общества дается определение дефиниции «институт гражданского общества». Проводится систематизация институтов гражданского общества по различным критериям: по статусным различиям, функциональной направленности, степени участия в правоохранительной деятельности и профилактике правонарушений и др. Указывается, что институциональный подход к классификации институтов гражданского общества является наиболее распространенным, поскольку позволяет выделить и описать отдельных субъектов гражданского общества, реализующих определенные интересы. В заключение авторы дают пояснения по поводу отнесения некоммерческих организаций к институтам гражданского общества. Отмечается, что государственная корпорация, саморегулируемая организация, выступая некоммерческими организациями, не могут быть отнесены к институтам гражданского общества, поскольку ими реализуются публичные функции государства. Поэтому к институтам гражданского общества можно отнести лишь часть некоммерческих организаций, характеризующихся признаками добровольности, самоорганизации, самоуправляемости, самодеятельности и самоответственности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Гражданское общество; государство; институты гражданского общества; законодательство; объединения граждан; частные интересы.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ Баринов П.С., Катомина В.А. Институты гражданского общества: общетеоретический аспект // Пролог: журнал о праве. — 2022. — № 2. — С. 24—31. — DOI: 10.21639/2313-6715.2022.2.3.

UDC 347.471

P.S. Barinov
Balakovo Branch of the Saratov State Law Academy,
Balakovo, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-7100-8147
ResearcherID:GLQ-7803-2022

V.A. Katomina
Penza State University,
Penza, Russian Federation
ORCHID: 0000-0001-9599-8835
ResearcherID: AAG-5521-2019

CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS: GENERAL THEORETICAL ASPECT

PUBLICATION DATA *Prologue: Law Journal,* 2022, no. 2, pp. 24—31.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2022.2.3.
Received 12.01.2022, accepted 15.06.2022, available online 30.06.2022.

ABSTRACT The authors of the article address the origins of appearing and developing of the main idea of the article in order to correctly identify the notion and the purpose of the idea of the civil society. The authors research various points of view on the issue of the connection of the State and the civil society. The authors of the article point out the peculiarities of the process of forming of the civil society in Russia. The authors give the definition of the notion of "civil society" and point out its features. Despite the fact that the legal definition for the "institutes of the civil society" does not exist, the authors underline that the term is used broadly in the existing federal and regional legislation. Basing their research on the opinion of scientists about the legal nature and structure of the civil society, the authors give the definition for the "institute of the civil society". They present the classification of the institute of the civil society using different criteria. According to this classification, the institutes are divided because of their status differences, functional orientation, level of participation in law enforcement activities, prevention of offences etc. The authors point out that the institutional approach to classification of the institutes of the civil society is widely spread because it allows distinguishing and describing some separate subjects of the civil society that exercise certain interests. The authors conclude with the explanation of why non-profit organizations are viewed as the institutes of the civil society. They point out that any state corporation, self-regulating organization that is represented as a non-profit organization cannot be viewed as an institute of the civil society because they perform public functions of the State. That is why only some part of non-profit organizations can be viewed as institutes of the civil society; they should have such features as voluntary nature, self-regulation, self-organizing, self-activity and self-responsibility.

KEYWORDS Civil society; the State; institutes of civil society; legislation, citizens' associations; private interests.

FOR CITATION Barinov P.S., Katomina V.A. Institutes of Civil Society: General Theoretical Aspect. *Prologue: Law Journal*, 2022, no. 2, pp. 24—31. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2022.2.3.

Идея гражданского общества в современном мире приобрела чрезвычайно широкое распространение и является предметом исследования в различных областях научного знания: юриспруденции, философии, экономике, социологии и политологии. Между тем, проблема определения понятия гражданского общества и оснований классификации его институтов по-прежнему остается весьма актуальной.

Впервые представление о гражданском обществе как о некоем феномене стало складываться еще в античные времена. В юридической литературе можно встретить различные точки зрения на периодизацию исследуемой категории [10, с. 6—14]. Не вдаваясь в дискуссию по этому поводу, укажем лишь, что термином «гражданское общество» в разное время обозначались неодинаковые явления. Так, еще Аристотель подчеркивал: прежде чем выяснить, что представляет собой государство, требуется определить понятие гражданства, поскольку государство — это совокупность граждан, гражданское общество [1, с. 5]. Действительно, по своей природе античное общество является сообществом не частных, а публичных субъектов — ибо только полноправные члены полиса (государства) могли быть полноправными членами общества; принимать участие в народном собрании, где выносились решения по общественным вопросам).

На протяжении длительного периода времени, вплоть до начала буржуазных революций, гражданское общество практически отождествлялось с государством. В этой связи не стоит заниматься исследованием понятия гражданского общества далее XVIII в.

Именно на данном временном отрезке качественно изменилось понимание сущности идеи гражданского общества. На это повлияли новые экономические отношения, определившие изменение социальной структуры, а также концепции естественного права и общественного договора, основанные на принципах свободы и автономии личности, неотъемлемости ее прав и свобод, действенности закона и т.д. В условиях, когда общество постепенно высвобождало сферу частных интересов от воздействия политической власти, а члены общества стали свободными собственниками, сложилось представление о гражданском обществе в истинном смысле этого слова. Гражданское общество рассматривалось как возникшая на определенном этапе развития общественных отношений сфера частной собственности и частных интересов, где социальная структура преимущественно представлена средним классом, преобладающим как по объему, так и по степени активности, и функционирующая в условиях правового государства [2, с. 1182]. По справедливому замечанию Ж.Ж. Руссо, основателем гражданского общества был тот, кто, огородив участок земли, самый первый сказал: «Это мое!» [9, с. 68].

Яркими представителями концепции гражданского общества были Дж. Локк, Г. Гегель, А. Смит, Т. Пейн, А. Токвиль, К. Маркс, А. Грамши и др. Проведенный анализ разработанных названными учеными-мыслителями теорий гражданского общества позволяет прийти к выводу о том, что гражданское общество понималось ими как сфера внегосударственных отношений, неполитическое явление.

В дальнейшем развитие идеи гражданского общества подвергается трансформации, она уже перестает быть исключительно теорией. С возникновением новых социальных движений, гражданских инициатив, гражданское общество превращается в некое связующее звено между государством и личностью, между публичными и частными интересами.

Несмотря на то, что теория гражданского общества выступает по своему происхождению западноевропейским творением, данная концепция получила свое развитие и в России. Вместе с тем, стоит подчеркнуть, что в отличие от Запада, где сложились устоявшиеся отношения между государством и гражданским обществом и в случае «расшатывания» государства на помощь приходит гражданское общество, на Востоке последнее было неким аморфным явлением, а государству отводилась доминирующая роль в жизни общества в силу природно-географических, ментально-правовых, геополитических условий. И это не могло не сказаться на особой трактовке исследуемой категории в России. Так, в своей интерпретации гражданского общества рус-

ские дореволюционные ученые делали акцент в первую очередь на обязанностях личности, а не на ее правах, как это делалось на Западе.

Что же касается процесса формирования гражданского общества в России, то в этом вопросе нет однозначного мнения в научной среде. Согласно устоявшейся в юридической литературе точке зрения, процесс зарождения негосударственных отношений связан с функционированием народного собрания (веча), где общественное мнение играло решающую роль при принятии решений [6, с. 175 – 176]. По мнению других исследователей, истинные элементы гражданского общества появились лишь в 60 – 70-е гг. XIX в. с начала проведения Александром II земской реформы [5, с. 494]. Наконец, третья группа ученых считает, что о зарождении гражданского общества в России можно говорить лишь с момента распада СССР.

Придерживаясь второй точки зрения, необходимо подчеркнуть, что, несмотря на незавершенность земской реформы и последующее ее искажение, земство дало возможность говорить о гражданском обществе как о теоретической конструкции и стало первым учреждением, выступившим в роли либеральной оппозиции самодержавию. Основными представителями идеи гражданского общества стали И.М. Коркунов, П.И. Новгородцев, В.С. Соловьев, Н.Я. Данилевский, А.С. Хомяков, Б.Н. Чичерин и др. Благодаря их научным исследованиям к концу XIX – началу XX в. были сконструированы основные модели гражданского общества, его взаимодействие с государством, где подчеркивалась значимость принципов соборности и толерантности, нравственной ценности прав и свобод личности, уделялось внимание понятию и сущности самоуправления и т.д.

Что же касается советского периода, то данный этап ознаменован в начале XX в. довольно широким многообразием деятельности общественных объединений, кооперативов, культурных обществ, сыгравших значительную роль в социально-политической активности граждан. В то же время деформированность их деятельности ввиду зависимости от политики, проводимой КПСС, в конечном счете свело авторитет общественных объединений на нет. Борьба с «классовыми врагами» практически искоренила идею гражданского общества, а фактическое отсутствие каких-либо гарантий личных прав и свобод человека и гражданина не позволяло зарождаться и развиваться элементам гражданского общества. Исключение составляли только адвокатура и церковь, и то с определенными оговорками. Острый дефицит демократии привел к возникновению различных неформальных объединений – диссидентских движений, благодаря которым возродился интерес к идее гражданского общества, которое рассматривалось как противовес тоталитарному государству.

С падением коммунистического режима гражданское общество стало восприниматься как саморегулирующаяся система негосударственных институтов. Причем именно в этот период в России начал происходить перевод теоретической конструкции в практическую плоскость. Однако и здесь наша страна имела некую особенность: если на Западе гражданское общество формировалось постепенно и складывалось в течение длительного периода, начиная с XII – XIII вв. и приспосабливаясь под вновь возникшие потребности социального развития, то в России гражданское общество формировалось фрагментарно, с определенными перерывами и возникло фактически одномоментно по инициативе «сверху» со стороны государства.

В рамках проблематики данной статьи стоит отметить, что сегодня при ответе на вопрос: «Есть ли в России гражданское общество?» сложились две позиции. Согласно пессимистическому взгляду, в нашей стране нет ни гражданского общества, ни условий для его формирования. Оптимисты, напротив, считают, что процесс становления гражданского общества в России идет и дает определенные положительные результаты [8, с. 1216 – 1217].

Разделяя оптимистический взгляд, следует отметить, что до 2000-х годов действительно можно было с большим сомнением говорить о функционировании гражданского общества в России. Но активизация населения после декабрьских выборов 2011 г. на Чистых прудах, Болотной площади и проспекте академика Сахарова свидетельствует о процессе формирования гражданского общества. Граждане, отстаивающие свои права, не боролись за государственную власть, а предпринимали попытки воздействовать на государство, повлиять на избирательный процесс. Но оказалась ли государственная власть готова внимать законным требованиям членов гражданского общества? Ответ напрашивается сам собой: нет. Общественное мнение – мнение гражданского общества – не всегда принимается во внимание государством. Поэтому, говоря о проблемах формирования гражданского общества в России, необходимо отметить, что данный феномен воспринимается в правосознании как некий идеал, который позволит оптимизировать отношения общества и власти.

Но что же такое «гражданское общество»? Гражданское общество, будучи многогранной категорией, рассматривается в юридической литературе в нескольких аспектах. Под гражданским обществом следует понимать такую форму человеческого общества, которая ориентирована на личность, обеспечивает реализацию разнообразных интересов и потребностей человека, его основные права и свободы преимущественно вне сферы государственной деятельности, вырабатывает механизмы контроля за деятельностью государства. Несмотря на некую односторонность трактовки гражданского общества, данная формулировка подчеркивает его сущность, в основе которой заложен индивид, главной целью которого является самосовершенствование и созидание.

Юридической наукой достаточно подробно исследованы признаки гражданского общества, к числу которых относятся:

— свобода членов гражданского общества, реализующих как индивидуальные, так и групповые, а порой и общие (государственные) интересы;

— самоорганизованность и самоуправляемость;

— гласность проводимых мероприятий в разнообразных сферах жизнедеятельности общества и возможность ознакомления с ними через различные источники информации, свобода мысли, слова и критики;

— демократичность;

— правовой характер организации и деятельности институтов гражданского общества.

Гражданское общество — это целостная система, включающая в себя разнообразные институты гражданского общества, находящиеся между собой в тесной взаимосвязи.

Термин «институт гражданского общества» достаточно часто встречается в действующем законодательстве. Он употребляется в Стратегиях[1], Доктринах[2], федеральных законах, Указах и Распоряжениях Президента РФ, Постановлениях и Распоряжениях Правительства РФ, актах федеральных министерств и ведомств, в том числе Приказах Генерального Прокурора РФ[3], Соглашениях о сотрудничестве и взаимодействии[4], Приказах Федерального фонда обязательного медицинского страхования[5] и даже приказах государственных корпораций[6].

В региональном законодательстве понятие «институт гражданского общества» также широко используется. Причем в отличие от Конституции РФ данный термин содержится в Конституциях ряда республик (Республике Тыва, Карачаево-Черкесская Республика и др.). Небезынтересно и то, что в некоторых регионах России, понимая всю важность и значимость институтов гражданского общества в решении ряда вопросов, образуются отдельные ведомства, направленные на развитие и функционирование гражданского общества. Примером может служить Республика Саха (Якутия), где с марта 2016 г. успешно функционирует Министерство по развитию институтов гражданского общества[7].

Однако, несмотря на частоту использования и употребления термина «институт гражданского общества», в действующем законодательстве не содержится его легального определения. На наш взгляд, это вызвано

---

[1] О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. №208 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2902; О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации : Указ Президента РФ от 1 дек. 2016 г. № 642 // Там же. 2016. № 49. Ст. 6887; и др.

[2] О Климатической доктрине Российской Федерации : Распоряжение Президента РФ от 17 дек. 2009 г. № 861-рп // Собрание законодательства РФ. 2009. № 51. Ст. 6305; Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 5 дек. 2016 г. № 646 // Там же. 2016. № 50. Ст.7074.

[3] О взаимодействии органов прокуратуры со средствами массовой информации и общественностью : Приказ Генерального прокурора РФ от 17 мая 2018 г. № 296 // СПС «КонсультантПлюс»; Об организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по правовому просвещению и правовому информированию : Приказ Генерального прокурора РФ от 2 авг. 2018 г. № 471 // Там же; и др.

[4] Соглашение о взаимодействии между Российским союзом промышленников и предпринимателей и Генеральной прокуратурой Российской Федерации (Москва, 12 дек. 2011 г.) // СПС «КонсультантПлюс»; Соглашение о сотрудничестве между Общественной палатой Российской Федерации и Торгово-промышленной палатой Российской Федерации (Москва, 6 апр. 2011 г.) // Там же; и др.

[5] Об утверждении плана противодействия коррупции Федерального фонда обязательного медицинского страхования на 2021—2024 годы : Приказ Федер. фонда обязательного мед. страхования от 30 сент. 2021 г. № 95 // СПС «КонсультантПлюс»; и др.

[6] Об утверждении Методических рекомендаций по разработке и принятию организациями Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос» мер по предупреждению коррупции : Приказ Гос. корпорации по космической деятельности «Роскосмос» от 20 дек. 2021 г. № 389 // СПС «КонсультантПлюс»; и др.

[7] Министерство по развитию институтов гражданского общества Республики Саха (Якутия) : офиц. сайт. URL: https://minobchestvo.sakha.gov.ru/ (дата обращения: 12.06.2022).

отсутствием единства мнения относительно юридической природы и структуры гражданского общества в юридической литературе.

Так, одни ученые рассматривают институт гражданского общества в качестве направления деятельности граждан, объединенных в разнообразные организационные формы для решения социально значимых целей и задач [3, с. 27]. Другие понимают институт гражданского общества как основанную на определенной институционной матрице форму организации совместной деятельности граждан, направленную на удовлетворение общественных потребностей [12, с. 21 – 24].

Третьи считают, что институт гражданского общества должен обладать качествами добровольности участия и автономности от органов публичной власти, самоорганизации и самоуправляемости, самодеятельности и самоответственности [11, с. 39], иметь правовое закрепление в действующем законодательстве, а также обладать способностью осуществлять гражданский контроль за действиями и решениями органов публичной власти (либо участвовать в осуществлении такого контроля). Е.Е. Никитина этот перечень критериев дополняет такими признаками, как наличие общей цели, внегосударственного порядка создания и функционирования, равноправия в отношениях между членами, отсутствие иерархии в системе управления [7, с. 42 – 46].

Предложенные интерпретации института гражданского общества позволяют определить институт гражданского общества как построенную на горизонтальных связях и договорных отношениях систему функционирующих независимо от государства или при его поддержке структур, деятельность которых отвечает критериям добровольности, самоорганизации, самоуправляемости, самодеятельности и самоответственности, имеющую правовое закрепление в законодательстве.

Как отмечает А.Ю. Кирсанов, субъектами гражданского общества могут быть как индивиды, так и их объединения. В зависимости от того, в каком качестве они выступают, можно выделить индивида, семью, школу, церковь, социальные группы, общественные объединения, оппозиционные политические партии и движения, свободные средства массовой информации и др. [4, с. 60].

Вообще в научной литературе выделяются различные подходы к систематизации институтов гражданского общества. Наиболее распространенным является институциональный взгляд на систему гражданского общества. Согласно данному подходу выделяется гуманитарный блок (свободные индивиды); социальный (социальные классы, группы, слои и т.д.); экономический (собственность, рынок); духовный (социально-культурная сфера жизнедеятельности общества: образование, культура и т.д.); информационный (СМИ); территориально-управленческий (местное самоуправление) и организационный (общественные объединения).

Другим основанием классификации субъектов институтов гражданского общества является критерий статусного различия. Статусный критерий классификации субъектов достаточно часто применяется в отраслевых юридических науках в целях раскрытия особенностей отраслевого регулирования, специфики применения методов правового воздействия к участникам правоотношений. С точки зрения статусного различия можно выделить граждан РФ, иностранных граждан, лиц без гражданства, должностных лиц, организации, общественные объединения и т.д.

Взаимодополняющей выступает классификация субъектов институтов гражданского общества по функциональной направленности. Данная классификация основана на том, что каждой социально-правовой функции должен корреспондировать свой субъект, под которым понимается родитель, ребенок, индивидуальный предприниматель, учащийся, налогоплательщик, журналист, правозащитник и т.д. В данном смысле не субъект института гражданского общества формирует, определяет для себя правовую функцию и ее исполняет, а функция формирует субъекта гражданского общества, делает его таковым. Уязвимость данной классификации заключается в «расщеплении» целостных субъектов институтов гражданского общества на части, примером чему могут служить предпринимательские структуры.

Наконец, классификацию субъектов гражданского общества можно провести и по степени участия в правоохранительной деятельности и в профилактике правонарушений. Сегодня в России действуют различные государственные органы власти, обеспечивающие охрану и защиту прав, свобод и законных интересов различных членов гражданского общества. Однако помимо них в данном направлении работают и институты гражданского общества. В настоящее время достаточно часто к правоохранительной деятельности привлекаются адвокаты, нотариусы, казачьи общественные организации, народные дружины, частные детективы, охранные агентства. Другую группу субъектов образуют институты гражданского общества, которые либо не обладают соответствующими права-

ми по охране и защите прав и свобод человека, либо занимают в этом пассивную позицию. К ним относятся граждане, которые согласно Федеральному закону от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»[8] не могут быть субъектами профилактики правонарушений; общественные объединения, которые согласно Федеральному закону от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля»[9] не являются субъектами общественного контроля; правозащитные организации, которые не имеют полномочий по предоставлению квалифицированной юридической помощи своим подзащитным по уголовным делам и т.д.

Таким образом, к институтам гражданского общества относятся общественные объединения различной направленности, адвокатура и нотариат, религиозные образования, средства массовой информации, семья, личность и др.

Вместе с тем, следует дать пояснения по поводу некоторых институтов гражданского общества. В частности, для гражданского общества свойственно функционирование многочисленных объединений: промышленных, торговых политических, правозащитных, экологических, женских, молодежных, культурных и др., где в дальнейшем происходит самореализация личности, ее духовное развитие. Все общественные объедения являются некоммерческими структурами. Однако не все некоммерческие организации относятся к институтам гражданского общества. Из анализа положений Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»[10] вытекает вывод, что посредством определенных форм некоммерческих структур могут быть реализованы публичные функции государства. Так, государственная корпорация, выступая некоммерческой организацией, учреждается Российской Федерацией на основе имущественного взноса и создается для осуществления социальных, управленческих или иных общественно полезных функций.

Но даже если речь идет об общественной организации, то не всегда она может быть отнесена к институтам гражданского общества. К примеру, саморегулируемые организации согласно постановлению Конституционного Суда РФ от 19 декабря 2005 г. № 12-П[11], являясь некоммерческой организацией, в то же время имеют особый публично-правовой статус, выражающийся в наличии специальной цели деятельности и отсутствии добровольности формирования. Поэтому к институтам гражданского общества можно отнести лишь часть некоммерческих организаций, характеризующиеся признаками добровольности, самоорганизации, самоуправляемости, самодеятельности и самоответственности.

Структура гражданского общества многогранна, а, значит, в нее могут включаться иные элементы. Процесс институализации гражданского общества не завершен и не завершится никогда, поскольку рано или поздно возникают новые интересы, порождающие новые социальные идентичности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Доватур А.И. Политика и политии Аристотеля. — Москва, Ленинград : Наука, 1965. — 390 с.
2. Здоров Г.А. К проблеме определения понятия «гражданское общество» // Право и политика. — 2010. — № 6. — С. 1181—1184.
3. Калинина С.В., Кириллова Г.Н. Взаимодействие Федеральной миграционной службы России с институтами гражданского общества // Миграционное право. — 2016. — № 2. — С. 27—30.
4. Кирсанов А.Ю. Классификация институтов гражданского общества в России // Вестник Московского университета МВД России. — 2013. — № 3. — С. 58—61.
5. Козлов М.К. Процесс формирования гражданского общества в Республике Беларусь // Генетические закономерности права : сб. науч. тр., посвящ. 90-летию со дня рождения проф. С.Г. Дробязко / гл. ред. С.А. Балашенко. — Минск : Бизнесофсет, 2013. — С. 492—497.
6. Мартышин О.В. Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики. — Москва : Российское право, 1992. — 384 с.

[8] Об основах профилактики правонарушений в Российской Федерации : Федер. закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 26, ч. 1. Ст. 3851.

[9] Об основах общественного контроля в Российской Федерации : Федер. закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 30, ч. I. Ст. 4213.

[10] О некоммерческих организациях : Федер. закон от 12 янв. 1996 г. № 7-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 145.

[11] По делу о проверке конституционности абзаца восьмого пункта 1 статьи 20 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина А.Г. Меженцева : Постановление Конституционного Суда РФ от 19 дек. 2005 г. № 12-П // Адвокат. 2006. № 7.

7. Никитина Е.Е. Система институтов гражданского общества в России: конституционно-правовой аспект // Журнал российского права. — 2017. — № 6. — С. 42—46.

8. Попов Е.А., Максимова С.Г. Гражданское общество в современной России: региональное измерение // Право и политика. — 2012. — № 7. — С. 1214—1218.

9. Руссо Ж.Ж. О причинах неравенства = (De l'inegalité parmi les hommes) / пер., ред., предисл. С.Н. Южакова. — Санкт-Петербург : Светоч, 1907. — 166 с.

10. Струсь К.А. Государство и гражданское общество: проблемы правового взаимодействия в России / под общ. ред. А.В. Малько. — Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского юридического института, 2005. — 186 с.

11. Тихомиров Ю.А. Гражданское общество в фокусе права // Журнал российского права. — 2013. — № 10. — С. 35—45.

12. Шелудякова Т.В., Шелудяков Е.С. Историческая трансформация понятия гражданского общества // Гражданское общество в России и за рубежом. — 2015. — № 3. — С. 21—24.

REFERENCES

1. Dovatur A.I. *Politika i politii Aristotelya* [Politics and polity of Aristotle]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ.,1965. 390 p.

2. Zdorov G.A. To the issue of definition of the "civil society" concept. *Pravo i politika = Law and Politics*, 2010, no. 6, pp. 1181—1184. (In Russian).

3. Kalinina S.V., Kirillova G.N. Interaction of the Federal Migration Service of Russia with civil society institutes. *Migratsionnoe pravo = Migration Law*, 2016, no. 2, pp. 27—30. (In Russian).

4. Kirsanov A.Yu. The classification of institution of civil society in Russia. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2013, no. 3, pp. 58—61. (In Russian).

5. Kozlov M.K. The process of forming of the civil society in the Republic of Belarus. In Balashenko S.A. (ed.). *Geneticheskie zakonomernosti prava. Sbornik nauchnykh trudov, posvyashchennykh 90-letiyu so dnya rozhdeniya professora S.G. Drobyazko* [Genetic regularities of law. Collection of scientific papers dedicated to the 90th anniversary of S. G. Drobyazko]. Minsk, Biznesofset Publ., 2013, pp. 492—497. (In Russian).

6. Martyshin O.V. *Vol'nyi Novgorod. Obshchestvenno-politicheskii stroi i pravo feodal'noi respubliki* [Volny Novgorod. Socio-political system and the law of the feudal republic]. Moscow, Rossiiskoe pravo Publ., 1992. 384 p.

7. Nikitina E.E. System of civil societ's institutions in Russia: The constitutional and legal aspect. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*, 2017, no. 6, pp. 42—46. (In Russian).

8. Popov E.A., Maksimova S.G. Civil society in the modern Russia: regional dimension. *Pravo i politika = Law and Politics*, 2012, no. 7, pp. 1214—1218. (In Russian).

9. Rousseau Jean-Jacques. *De l'inegalité parmi les hommes. Discours sur l'origine et les fondemens de l'inégalité parmi les hommes*. Amsterdam, Rey, 1755. 262 p. (Russ. ed.: Rousseau J.J., Yuzhakov S.N. (ed.). *De l'inegalité parmi les hommes*. Saint Petersburg, Svetoch Publ., 1907. 166 p.).

10. Strus' K.A., Mal'ko A.V. (ed.). *Gosudarstvo i grazhdanskoe obshchestvo: problemy pravovogo vzaimodeistviya v Rossii* [The State and the civil society: problems of the legal interaction in Russia]. Saint Petersburg, Law Institute Publ., 2005. 186 p.

11. Tikhomirov Yu.A. Civil society in the focus of law. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*, 2013, no. 10, pp. 35—45. (In Russian).

12. Sheludyakova T.V., Sheludyakov E.S. Historical transformation of the civil society concept. *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom = Civil Society in Russia and Abroad*, 2015, no. 3, pp. 21—24. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Баринов Павел Сергеевич (Балаково) — кандидат юридических наук, директор Балаковского филиала Саратовской государственной юридической академии, доцент кафедры теории государства и права (413865, Саратовская область, г. Балаково, ул. Красная Звезда 8/1, e-mail: sgap-balakovo@list.ru).

Катомина Виктория Александровна (Пенза) — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Пензенского государственного университета (440026, г. Пенза, ул. Красная, 40, e-mail: kvatv@mail.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Barinov, Pavel S. (Balakovo) — Ph. D. in Law, Director of the Balakovo Branch of the Saratov State Law Academy, Ass. Professor of the Theory of State and Law Department (Krasnaya Zvezda st., 8/1, Balakovo, Saratov Region, 413865, e-mail: sgap-balakovo@list.ru).

Katomina, Victoria A. (Penza) — Ph. D. in Law, Ass. Professor of the State and Legal Disciplines Department, Penza State University (Krasnaya st., 40, Penza, 440026, e-mail: kvatv@mail.ru).

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО
CONSTITUTIONAL LAW

УДК 340.121.5; 340.132.8; 342

В.Н. Шутова
Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России),
Иркутск, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-0899-2596
ResearcherID: H-5743-2016

ПРАВОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ И ОЦЕНКА СОВРЕМЕННЫХ УГРОЗ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2022. — №2. — С. 32—39.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2022.2.4.
Дата поступления 25.02.2022, дата принятия к печати 15.06.2022, дата онлайн-размещения 30.06.2022.

АННОТАЦИЯ

Предметом исследования в рамках данной статьи является правовая безопасность как одна из сфер национальной безопасности России. Автором исследуются подходы к пониманию правовой безопасности в современной юридической науке и делается вывод о том, что ее можно понимать в двух аспектах: аксиологическом и инструментальном. Отмечается, что сторонники аксиологического подхода, исходя из ценности права, определяют правовую безопасность как состояние защищенности самой правовой системы от различных угроз. При инструментальном подходе праву отводится роль основного инструмента обеспечения безопасности личности, общества, государства. Подчеркивается, что при различных подходах тем не менее можно выделить общие сущностные характеристики правовой безопасности. При рассмотрении угроз правовой безопасности автор исходит из классического деления их на внешние и внутренние. В качестве основных внутренних угроз описываются следующие негативные явления: принятие нормативных правовых актов, нарушающих нормы Конституции РФ; пробелы и противоречия в законодательстве; нестабильность системы права и системы законодательства; неисполнение решений Конституционного Суда РФ; нигилистическое отношение к праву. Называются кризисные явления в общественно-политической жизни страны, оказывающие негативное влияние на правотворчество и правоприменение. Формулируется вывод о том, что основной угрозой правовой безопасности России в настоящее время является низкое качество современного законодательства, проявляющееся в его избыточности, ситуативности, противоречивости и техническом несовершенстве.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Правовая безопасность; национальная безопасность; угрозы правовой безопасности России; качество законодательства; стабильность правовой системы.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ Шутова В.Н. Правовая безопасность Российской Федерации: проблемы понимания и оценка современных угроз // Пролог: журнал о праве. — 2022. — № 2. — С. 32—39. — DOI: 10.21639/2313-6715.2022.2.4.

UDC 340.121.5; 340.132.8; 342

V.N. Shutova
Irkutsk Institute (Branch),
All-Russian State University of Justice,
Irkutsk, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-0899-2596
ResearcherID: H-5743-2016

LEGAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS OF UNDERSTANDING AND ASSESSMENT OF MODERN THREATS

PUBLICATION DATA *Prologue: Law Journal*, 2022, no. 2, pp. 32—39.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2022.2.4.
Received 25.02.2022, accepted 15.06.2022, available online 30.06.2022.

ABSTRACT The subject of the research in the framework of this article is legal security as one of the fields of the national security of Russia. The author of the article analyzes various approaches to understanding of legal security in the modern legal science. The author equally concludes that legal security can be understood in two aspects: axiological and instrumental. The author points out that the supporters of the axiological approach, basing their statements on the values of law, determine legal security as the state of immunity of the legal system itself from different threats. Whereas the supporters of the instrumental approach argue that the law should have the essential role in providing security of the personality, the society and the State. It is underlined that using different approaches, however, one can distinguish general intrinsic characteristics of legal security. While considering the threats to legal security, the author considers its classical division into internal and external. The following negative phenomena are described as the main internal threats: enactment of regulatory legal acts that violate the norms of the Constitution of the Russian Federation; lacunae and contradictions in the legislation; failure to enact the decisions of Constitutional Court of the Russian Federation; nihilistic attitude to law. The author indicates crisis phenomena in the socio-political life of the country that have a negative impact on law making and law-enforcement. The author of the article concludes that, nowadays, the main threat to legal security in Russia is the low quality of the modern legislation that is manifested in its abundance, situation-specifics, contradictions and technical imperfection.

KEYWORDS Legal security; national security; threats to Russia's legal security; quality of legislation; stability of the legal system.

FOR CITATION Shutova V.N. Legal Security of the Russian Federation: Problems of Understanding and Assessment of Modern Threats. *Prologue: Law Journal*, 2022, no. 2, pp. 32—39. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2022.2.4.

В современных общественно-политических условиях, с учетом сложившейся международной ситуации и обстановки внутри страны, вопросы национальной безопасности приобретают особую актуальность. Причем, различные аспекты национальной безопасности как комплексного междисциплинарного явления исследуются учеными в контексте различных отраслей знаний. В юриспруденции в силу большого количества видов (сфер) национальной безопасности, исчерпывающий перечень которых отсутствует, те или иные аспекты безопасности стали объектом научного интереса представителей конституционно-правового, уголовно-правового, эколого-правового и других направлений. При этом следует поддержать позицию Д.Е. Баталова, который подчеркивает, что при всей своей многогранности и междисциплинарности, «вопросы национальной безопасности имеют конституционно-правовую основу» [1, с. 15]. Представляется, что это утверждение верно и для правовой безопасности, которая является составной частью национальной безопасности России и в последние десятилетия неизменно вызывает интерес юридического научного сообщества.

Несмотря на достаточное количество научных исследований по вопросам правовой безопасности, в том числе диссертационных, единая концепция в отношении рассматриваемого явления не сложилась, отсутствует даже единый терминологический подход. Так, в научных статьях наряду с термином «правовая безопасность» часто используется и «юридическая безопасность». А.С. Шабуров утверждает, что эти категории, несмотря на их близость, нельзя отождествлять и обосновывает, что именно правовая безопасность наиболее полно «отражает роль и место этого вида безопасности в системе национальной безопасности» [13, с. 249]. Между тем, содержательный анализ трактовок этих понятий дает основание полагать, что авторы вкладывают в них примерно одинаковый смысл, а некоторые используют категорию «юридическая (правовая) безопасность» [5, с. 7–8], подчеркивая тем самым двойственность терминологии при тождественном содержании. Таким образом, разделяя мнение Д.А. Липинского, А.А. Мусаткиной [7], в данной статье будем исходить из равнозначности приведенных терминов.

Обращаясь к сущности исследуемого явления и его содержательным характеристикам, следует также отметить серьезные разногласия среди исследователей. Анализ научных взглядов на проблему позволяет сделать вывод о том, что в трудах ученых правовая безопасность понимается преимущественно в двух аспектах. Причем, одни авторы рассматривают лишь один аспект, другие, отмечая неоднозначность и многоплановость правовой безопасности, определяют ее в широком и узком смыслах [3, с. 107; 9, с. 5–6]. В целом разделяя точку зрения относительно широкого и узкого смыслов, тем не менее представляется целесообразным углубиться в классификацию и обозначить собственное видение двух подходов к пониманию правовой безопасности.

Первый подход можно назвать аксиологическим. В данном контексте правовая безопасность рассматривается как безопасность или защищенность самого права. Такой позиции придерживаются, в частности В.В. Мамонов, А.С. Шабуров и другие. Так, В.В. Мамонов определяет правовую безопасность как «состояние защищенности системы права от нарушений ее со стороны органов государственной власти и местного самоуправления, наделенных полномочиями издавать нормативные акты» [8, с. 4]. А.С. Шабуров, определяя правовую безопасность как «защищенность самой правовой системы» [14, с. 27], акцентирует внимание на том, что право – это не просто регулятор отношений, а «величайшая социальная ценность», которая нуждается в защите [13, с. 246]. Таким образом, сторонники аксиологического подхода исходят в своем понимании правовой безопасности из того, что право является самостоятельной ценностью и объектом охраны, а правовая безопасность призвана обеспечить защиту правовой системы от внешних и внутренних угроз. Внешнюю угрозу в настоящее время представляет негативное воздействие на российскую правовую систему международного права, подверженного в современном мире влиянию политики и ставшего инструментом решения насущных проблем для отдельных государств. Внутренние же угрозы, подробнее о которых будет сказано ниже, можно обозначить как совокупность негативных объективных и субъективных факторов, воздействующих на право и формирующихся внутри страны.

Второй подход к пониманию правовой безопасности можно охарактеризовать как инструментальный. Сторонники этого подхода видят право, прежде всего, в качестве инструмента обеспечения национальной безопасности в целом. Так, И.С. Лапаев определяет юридическую безопасность как состояние обеспеченности (защищенности, гарантированности) и упорядоченности жизненно важных интересов субъектов права, связанное со вступлением их в сферу правовых отношений, обусловленное эффективным правотворчеством, единообразным правопримене-

нием, стабильностью и правовой определенностью правоотношений, высокой правовой информированностью [6, с. 10]. По мнению А.А. Толкаченко и А.А. Тер-Акопова, юридическая безопасность может рассматриваться как юридическая сфера безопасности личности (общества и государства) и, одновременно, как состояние защищенности личности (общества и государства) от угроз юридического характера [11]. Между тем, в подобной трактовке границы правовой безопасности размываются, а само описываемое явление скорее можно обозначить как «правовые основы национальной безопасности». А.А. Фомин, отмечая, что «юридическая безопасность представляет собой механизм противодействия различным угрозам в базисных сферах правовыми средствами», подчеркивает при этом, что право выступает не только в качестве инструмента, средства реализации мер безопасности, но и в роли объекта безопасности [12, с. 12]. Таким образом, сторонники инструментального подхода, достаточно широко определяющие правовую безопасность, тем не менее акцентируют внимание на необходимости охраны и защиты самого права.

Различия в подходах, главным образом, сводятся к тому, какая роль отводится праву, правовой системе в структуре правовой безопасности. В первом подходе право представляет собой объект охраны, во втором — инструмент обеспечения защищенности субъектов права правовыми способами. При этом принципиальных противоречий между сторонниками двух подходов не наблюдается, позиции ученых не являются взаимоисключающими: как первые, так и вторые упоминают эффективное правотворчество, единообразие правоприменения и другие аспекты в качестве средств обеспечения правовой безопасности.

Оба рассмотренных подхода в равной степени обоснованы и подкреплены качественными аргументами, между тем, инструментальный подход представляется автору статьи слишком широким. Правовую безопасность в инструментальном аспекте традиционно исследуют в рамках общей теории права, в то время, как для конституционно-правовой науки более оптимальным представляется аксиологический подход.

Всестороннее исследование любого вида национальной безопасности неизменно сопровождается анализом угроз в соответствующей сфере с целью выработки решений по минимизации их воздействия на общественные отношения. Применительно к правовой безопасности ученые помимо устоявшегося термина «угроза», который используется в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации и других официальных документах, используют и другие: «опасность» [13, с. 248], «юридические факторы риска» [12, с. 12]. Далее по тексту будет использоваться категория «угрозы».

В зависимости от локализации источника опасности угрозы национальной безопасности подразделяются на внешние и внутренние. Представляется, что такая классификация угроз актуальна и для правовой безопасности.

Внешнюю угрозу правовой безопасности России в современных условиях в той или иной степени представляет навязывание западного толкования норм международного права, которое стало в условиях кризиса отражением воли влиятельных государств для достижения геополитических интересов и инструментом политического давления. Следует подчеркнуть, что в Российской Федерации предусмотрен механизм защиты от такого негативного внешнего воздействия на национальную правовую систему. Механизм этот реализует Конституционный Суд Российской Федерации через полномочия, установленные пунктом «г» части 1 и частями 3.2 и 3.3 статьи 3 федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»[1].

Что касается внутренних угроз правовой безопасности, то в этом вопросе наблюдается определенное единство мнений. Практически у всех авторов, исследующих вопросы правовой безопасности, описаны одни и те же факторы (но с разными формулировками), негативно влияющие на право и законодательство России.

Принимая во внимание ранее проведенные исследования [15, с. 87—88] и с учетом современной общественно-политической ситуации в стране, перечень внутренних угроз правовой безопасности можно представить следующим образом.

1. Принятие нормативных правовых актов, противоречащих Конституции Российской Федерации, либо нейтрализующих, ее предписания. Нейтрализацию конституционных норм в данном случае можно определить как искажение их смысла в текущем законодательстве, которое затрудняет или полностью блокирует возможность реализации конституционных предписаний [16]. Иными словами, законодатель, детализируя конституционные предписания в тексте закона, наме-

[1] О Конституционном Суде Российской Федерации : Федер. конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (ред. от 1 июля 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

ренно или в результате не достаточного профессионализма и несоблюдения правил юридической техники, искажает первоначальный смысл и закрепляет заведомо неработающий механизм реализации правовой нормы.

2. Пробелы в действующем законодательстве, выражающиеся, во-первых, в отсутствии необходимых законодательных актов, во-вторых, в отсутствии отдельных норм в законах (в частности, норм, устанавливающих механизм реализации), что существенно затрудняет процесс правоприменения. Так, до сих пор не принят федеральный закон «О нормативных правовых актах в Российской Федерации», который как раз необходим для обеспечения правовой безопасности, поскольку он упорядочил бы систему нормативных правовых актов и многие вопросы, касающиеся правотворческого процесса в целом, позволил бы повысить качество законодательства. Отсутствует также федеральный конституционный закон «О Конституционном Собрании», принятие которого прямо предписано Конституцией РФ, и ряд других законов на федеральном уровне.

3. Наличие противоречий в законодательстве. Здесь речь идет как о коллизиях между отраслями права (или даже внутри отдельно взятой отрасли), так и о противоречиях между региональным и федеральным законодательством. А.А. Фомин в этой связи говорит о «нарушении единства правового пространства страны» [12, с. 12].

4. Нестабильность системы права и системы законодательства [7; 12, с. 12]. Термин «нестабильность» представляется очень широким и неопределенным и на самом деле включает в себя целый ряд негативных явлений, характерных для современного российского законодательства: ситуативность, спорадический характер, феномен «новостного законодательства» и «законодательной инфляции» и другие [17, с. 43–46].

5. Неисполнение решений Конституционного Суда РФ. Это негативное явление, в отличие от предыдущих пунктов, не все авторы относят к угрозам правовой безопасности. Между тем, следует согласиться с позицией тех ученых [10, с. 54; 8, с. 5], которые утверждают, что неисполнение решений Конституционного Суда РФ действительно представляет опасность для правовой системы России. Так, согласно информации, представленной на официальном сайте Конституционного Суда РФ, всего по сведениям Секретариата Конституционного Суда в настоящее время (по состоянию на 28 апреля 2022 года) подлежат исполнению в порядке статьи 80 федерального конституционного закона «О конституционном Суде Российской Федерации» 48 постановлений Конституционного Суда, включая 1 постановление, принятое в 2010 году; 1 — в 2011 году; 1 — в 2012 году; 1 — в 2013 году; 3 — в 2015 году; 1 — в 2016 году; 2 — в 2017 году; 1 — в 2018 году, 3 — в 2019 году, 4 — в 2020 году; 21 — в 2021 году, 9 — в 2022 году[2]. Неисполнение решений Конституционного Суда РФ влечет за собой такие негативные последствия, как пробельность и противоречивость законодательства, поскольку акты или их отдельные положения, признанные неконституционными, утрачивают силу. Кроме того, недостаточное внимание законодателя к ранее выраженным правовым позициям Конституционного Суда нередко приводит к повторному рассмотрению в порядке конституционного судопроизводства вопросов, уже принципиально разрешенных Конституционным Судом РФ. Хотя Секретариат Конституционного Суда РФ в отчете отмечает наметившиеся позитивные тенденции в части нормотворческого и правоприменительного исполнения решений Конституционного Суда РФ, проблема все еще не утрачивает своей актуальности и требует пристального внимания.

6. Нигилистическое отношение к праву в обществе. В этом вопросе следует согласиться с В.В. Мамоновым, который подчеркивает, что «состояние защищенности правовой безопасности РФ не будет достигнуто, пока в нашей стране сохраняется низкий уровень правовой культуры, но высока степень правового нигилизма» [8, с. 10].

Приведенный перечень угроз правовой безопасности России не является исчерпывающим и полностью устоявшимся: он будет видоизменяться и трансформироваться в зависимости от конкретных общественно-политических условий жизнедеятельности общества и результатов предпринимаемых мер со стороны органов государственной власти по минимизации негативных воздействий на право. Кроме того, выше описаны в основном лишь так называемые «юридико-правовые» угрозы [14, с. 27], между тем, в научных исследованиях описываются еще и правоприменительные угрозы, которые порождаются юридической деятельностью и представляют собой «опасности неэффективного, неправомерного правоприменения» [14, с. 27]. Представляется, что такие опасности требуют самостоятельного изучения.

---

[2] Информационно-аналитический отчет об исполнении решений Конституционного Суда Российской Федерации, принятых в ходе осуществления конституционного судопроизводства, в 2021 году. URL: http://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Documents/Report%202021.pdf (дата обращения: 03.05.2022).

Следует обратить внимание на то, что первые четыре угрозы из приведенного выше списка можно объединить и обозначить как несовершенство текущего законодательства. На эту глобальную проблему обращают внимание все исследователи правовой безопасности. Так, по мнению А.С. Шабурова, основная угроза правовой безопасности России сводится именно к «низкому качеству законодательства и его техническому несовершенству» [14, с. 27]. Вопросы качества законодательства обсуждаются в научном сообществе достаточно давно, причем, чаще всего вне связи с правовой безопасностью, и имеют междисциплинарный характер. Если же обратиться к современным проблемам качества законодательства и связать их с правовой безопасностью, то можно обозначить по меньшей мере два относительно новых фактора, оказывающих влияние на право и законодательство в России. При их характеристике уместно использовать термин «конституционные кризисные явления», описанный Е.В. Задорожной в диссертационном исследовании [4, с. 8].

Первым важнейшим событием, оказавшим влияние на все сферы общественной жизни, выступила конституционная реформа 2020 года. Она ознаменовала собой «смену парадигмы государственного строительства» [4, с. 20], трансформацию системы публичной власти и повлекла глобальную реформу законодательства, отразившись на всех отраслях российского права. Начиная с осени 2020 года и по настоящее время Государственной Думой в рамках деятельности по реализации конституционной реформы принимается большое количество новых законов, продолжается внесение изменений в уже действующие законы. В результате неизбежно появляются внутренние противоречия. Кроме того, как представляется, у парламентариев не всегда есть достаточное количество времени для качественной проработки новых законов, а невысокое качество первоначальных текстов приводит к многочисленным поправкам. Такую ситуацию профессор В.А. Винокуров характеризует как «чрезмерное законотворчество» [2, с. 53–57] и совершенно справедливо указывает на снижение качества законодательства. Автором ранее исследовались отдельные аспекты качества законодательства и подчеркивалось, что высокий темп принятия законов и постоянное нарастание их количества имеют серьезные негативные последствия [17, с. 44]. Таким образом, проблема чрезмерного или избыточного законотворчества характерна для России в течение достаточно продолжительного периода времени, но конституционная реформа усугубила этот процесс и стала одним из факторов, негативно влияющих на правовую безопасность.

Второй глобальный фактор, который нельзя обойти вниманием — это специальная операция на Украине и нарастающее санкционное давление, оказываемое на Российскую Федерацию. В результате постоянно изменяющейся обстановки законодатель поспешно и в сжатые сроки принимает законы, которые имеют некоторые признаки «ситуативности» и призваны максимально быстро урегулировать новые виды общественных отношений. В определенных пределах это допустимо, но нельзя отрицать очевидного факта — качество таких законов в силу отсутствия времени на их разработку и необходимые экспертизы существенно снижается. Причем, как справедливо отмечает В.А. Винокуров, принимаемые таким образом законодательные акты ориентированы не на доверие или разумные требования, а на запреты, ограничения и наказания [2, с. 55].

Таким образом, исследование вопросов правовой безопасности России представляется актуальным и своевременным. Несмотря на различие подходов к пониманию правовой безопасности, можно выделить следующие ее сущностные характеристики: во-первых, правовая безопасность представляет собой состояние защищенности правовой системы от внутренних и внешних угроз; во-вторых, правовая безопасность связана со стабильностью правовой системы, которая обеспечивается надлежащим качеством законодательства и эффективной правоприменительной деятельностью.

Различные кризисные явления в общественно-политической жизни страны оказывают значительное негативное воздействие на право и снижают качество законодательства. Именно низкое качество современного российского законодательства в совокупности с иными факторами (отсутствие должной правовой регламентации общественных отношений, правоприменительные ошибки, невыполнение решений Конституционного Суда РФ) представляет основную угрозу правовой безопасности Российской Федерации. Исходя из этого, меры по обеспечению правовой безопасности должны быть направлены, в первую очередь, на минимизацию негативных тенденций в российском законодательстве. В качестве таких мер, в частности, можно назвать усиление роли экспертиз в законодательном процессе, а также обязательный учет результатов мониторинга правоприменения в правотворческой деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Баталов Д.Е. Национальная безопасность как объект конституционно-правового регулирования // Алтайский юридический вестник. — 2021. — № 2 (34). — С. 11—16.

2. Винокуров В.А. Чрезмерное законотворчество: проблемы и возможные пути решения // Конституционное и муниципальное право. — 2021. — № 10. — С. 53—57.

3. Галузин А.Ф. Соотношение понятия «правовая безопасность» с иными смежными правовыми понятиями и категориями // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2007. — № 10. — С. 106—112.

4. Задорожная Е.В. Формирование в России законодательного процесса в аспекте конституционных кризисных явлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02. — Белгород, 2021. — 23 с.

5. Лапаев И.С. Категория «юридическая безопасность» в понятийном аппарате российской и зарубежной правовой науки // Современное право. — 2012. — № 2. — С. 7—10.

6. Лапаев И.С. Механизм обеспечения юридической безопасности в Российской Федерации: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. — Саратов, 2013. — 30 с.

7. Липинский Д. А., Мусаткина А. А. О юридической безопасности в сфере трудовых отношений в свете общей теории правовой безопасности // Вопросы безопасности. — 2019. — № 4. — С. 1—19.

8. Мамонов В.В. Правовая безопасность Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. — 2005. — № 2. — С. 4—10.

9. Осипов В.А. Механизм правовой безопасности в современном обществе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. — Москва, 2009. — 23 с.

10. Станкин А.Н. Конституционно-правовая безопасность: понятие, признаки и соотношение с национальной безопасностью // Юридическая наука и практика: вестник Нижегородской академии МВД России. — 2019. — № 3 (47). — С. 51—56.

11. Толкаченко А.А., Тер-Акопов А.А. Юридическая безопасность человека в Российской Федерации // Право и безопасность. — 2006. — № 1—2.

12. Фомин А.А. Юридическая безопасность субъектов российского права (вопросы теории и практики): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01. — Саратов, 2008. — 59 с.

13. Шабуров А.С. Правовая безопасность в системе категорий юриспруденции // Актуальные проблемы правового обеспечения национальной безопасности в России : сб. материалов всерос. науч.-практ. конф. (Курган, 21 апреля 2017 г.). — Курган : Изд-во Курганского государственного университета, 2019. — С. 243—250.

14. Шабуров А.С. Правовая безопасность в системе национальной безопасности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. — 2015. — Т. 15, № 3. — С. 24—30.

15. Шутова В.Н. К вопросу о правовой безопасности Российской Федерации // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Иркутск, 27 сентября 2019 г.). — Иркутск : Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2019. — С. 85—89.

16. Шутова В.Н. Проблемы построения правового государства в условиях односторонней реализации конституционных норм в российском законодательстве // Пролог: журнал о праве. — 2016. — № 1. — С. 1—4.

17. Шутова В.Н. Тенденции современного российского законодательства и вопросы повышения его качества // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2020. — № 4. — С. 41—49.

REFERENCES

1. Batalov D.E. State and legal regulation public relations. *Altaiskii yuridicheskii vestnik = Altai Law Journal*, 2021, no. 2 (34), pp. 11—16. (In Russian).

2. Vinokurov V.A. Excessive law-making: problems and possible solutions. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2021, no. 10, pp. 53—57. (In Russian).

3. Galuzin A.F. Correlation of the idea «law safety» with other adjacent ideas and categories. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Law of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2007, no. 10, pp. 106—112. (In Russian).

4. Zadorozhnaya E.V. *Formirovanie v Rossii zakonodatel'nogo protsessa v aspekte konstitutsionnykh krizisnykh yavlenii. Avtoref. Kand. Diss.* [Formation of the legislative process in Russia in the aspect of constitutional crisis phenomenon. Cand. Diss. Thesis]. Belgorod, 2021. 23 p.

5. Lapaev I.S. The category «juridical security» in the conceptual apparatus of Russian and foreign legal science. *Sovremennoe pravo = Modern law*, 2012, no. 2, pp. 7—10. (In Russian).

6. Lapaev I.S. *Mekhanizm obespecheniya yuridicheskoi bezopasnosti v Rossiiskoi Federatsii: Voprosy teorii i praktiki. Avtoref. Kand. Diss.* [Mechanisms of ensuring legal security in the Russian Federation: issues of theory and practice. Cand. Diss. Thesis]. Saratov, 2013. 30 p.

7. Lipinsky D.A., Musatkina A.A. On legal security in the area of work relations in light of the general theory of legal security. *Voprosy bezopasnosti = Questions of security*, 2019, no. 4, pp. 1—19. (In Russian).

8. Mamonov V.V. Legal safety of the Russian Federation. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: The Theory and Practice*, 2005, no. 2, pp. 4—10. (In Russian).

9. Osipov V.A. *Mekhanizm pravovoi bezopasnosti v sovremennom obshchestve. Avtoref. Kand. Diss.* [Mechanisms of legal security in modern soceity. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2009. 23 p.

10. Stankin A.N. Onstitutional and legal security: The concept, characteristics and correlation with national security. *Yuridicheskaya i nauka praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Legal science and practical: Journal of Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*, 2019, no. 3 (47), pp. 51—56. (In Russian).

11. Tolkachenko A.A., Ter-Akopov A.A. Legal security of an individual in the Russian Federation. *Pravo i bezopasnost' = Law and Security*, 2006, no. 1—2. (In Russian).

12. Fomin A.A. *Yuridicheskaya bezopasnost' sub»ektov rossiiskogo prava (voprosy teorii i praktiki). Avtoref. Dokt. Diss.* [Legal security of subjects of Russian law (issues of theory and practice). Doct. Diss. Thesis]. Saratov, 2008. 59 p.

13. Shaburov A.S. Legal security in the system of categories in the legislation. *Aktual'nye problemy pravovogo obespecheniya natsional'noi bezopasnosti v Rossii. Materialy vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Kurgan, 21 aprelya 2017 g.* [Current problems of legal support of national security in Russia. Materials of All-Russian Research Conference, Kurgan, April 21, 2017]. Kurgan State University Publ., 2019, pp. 243—250. (In Russian).

14. Shaburov A.S. Legal security in the National Security System. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seria Pravo = Bulletin of the South Ural State University. Series Law*, 2015, vol. 15, no. 3, pp. 24—30. (In Russian).

15. Shutova V.N. On the issues of legal security of the Russian Federation. *Problemy sovremennogo zakonodatel'stva Rossii i zarubezhnykh stran. Materialy 8-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Irkutsk, 27 sentyabrya 2019 g.* [Problems of modern legislation of Russia and foreign countries. Materials of the 8th International Research Conference, Irkutsk, September 27, 2019]. Irkutsk Institute of the Russian State University of Justice Publ., 2019, pp. 85—89. (In Russian).

16. Shutova V.N. The Problem of Building a Constitutional State in Conditions of Onesided Implementation of Constitutional Norms in the Russian Legal System. *Prologue: Law Journal*, 2016, no. 1, pp. 1—4. (In Russian).

17. Shutova V.N. Trends in modern Russian legislation and issues of improving its quality. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii = Vestnik of East Siberia institute of the Ministry of internalaffai of the Russia Federation*, 2020, no. 4, pp. 41—49. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Шутова Валентина Николаевна (Иркутск) — кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой конституционного права и теории права Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: tinav@bk.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shutova, Valentina N. (Irkutsk) — PhD in Law, Ass. Professor, Head of the Constitutional Law and Theory of Law Department, Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (Nekrasov st., 4, 664011, Irkutsk, e-mail: tinav@bk.ru).

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО
ADMINISTRATIVE LAW

УДК 342.92; 342.95:34.046

А.Г. Самусевич
Иркутский национальный исследовательский технический университет;
Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России),
Иркутск, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-0845-1343
ResearcherID: O-7269-2016

НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ СРОКИ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2022. — № 2. — С. 40—47.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2022.2.5.
Дата поступления 11.02.2022, дата принятия к печати 15.06.2022, дата онлайн-размещения 30.06.2022.

АННОТАЦИЯ

Рассматриваются процессуальные сроки, установленные в рамках производства по делам об административных правонарушениях, которые не имеют определенных временных промежутков, но обязывают правоприменителя выполнять процессуальные действия в соответствии с установленными временными периодами. На практике это нередко приводит к возникновению неразрешимых противоречий, обусловленных тем, что неопределенные сроки дают возможность правоприменителю трактовать их в зависимости от конкретных обстоятельств по своему усмотрению. В то же время у лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, нет реальной возможности оспорить такие сроки при нарушении их со стороны правоприменителя. Анализируются современные научные дискуссии относительно исчисления таких административно-правовых сроков как: «короткий срок», «немедленно», «незамедлительно». Рассматриваются различные подходы к оптимизации административно-процессуального законодательства в части конкретизации данных сроков. Отмечается, что проблема реализации рассматриваемых процессуальных сроков не находит сегодня своего практического решения. Это приводит к нарушению прав граждан при производстве по делам об административных правонарушениях, а также к искажению принципа законности в административно-процессуальном праве. Неопределенность рассматриваемых сроков дает возможность правоприменителю применять их по собственному усмотрению, что отрицательно влияет на достижение эффективности правоприменительной деятельности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Административная ответственность; административный процесс; процессуальный срок; административное правонарушение; административное задержание; доставление; протокол об административном правонарушении; короткий срок; немедленно; незамедлительно.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ Самусевич А.Г. Неопределенные сроки в административном процессе: проблемы реализации // Пролог: журнал о праве. — 2022. — № 2. — С. 40—47. — DOI: 10.21639/2313-6715.2022.2.5.

UDC 342.92; 342.95:34.046

A.G. Samusevich
Irkutsk National Research Technical University;
Irkutsk Institute (Branch),
All-Russian State University of Justice,
Irkutsk, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-0845-1343
ResearcherID: O-7269-2016

INDEFINITE DEADLINES IN THE ADMINISTRATIVE PROCESS: PROBLEMS OF IMPLEMENTATION

PUBLICATION DATA *Prologue: Law Journal*, 2022, no. 2, pp. 40 —47.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2022.2.5.
Received 11.02.2022, accepted 15.06.2022, available online 30.06.2022.

ABSTRACT The author of the article analyzes procedural deadlines established within the framework of proceedings on administrative offenses that do not have definite time intervals but that oblige the law enforcement officer to perform procedural actions in accordance with established time. Practically, this often leads to the rising of insoluble contradictions that are conditioned by indefinite time intervals. That, in turn, provides the law enforcement officer with the opportunity to interpret them depending on circumstances and at his or her discretion. In the meantime, the party that is subject to a case of administration offences does not have any opportunity to dispute the infringement of the deadlines committed by the law enforcement officer. The author of the article examines modern scientific discussions dedicated to establishing of the terms of the mentioned above administrative and legal deadlines, for instance, there should be "short" term deadlines, "effective immediately" deadlines and "without delay" ones. The author researches various approaches to optimizing administrative and procedural legislation in terms of making the deadlines more precise. The author observes that the issue of implementation of procedural deadlines has not been applied in practice nowadays. It leads to violation of citizen's rights in the proceeding of cases of administrative offences as well as to distortion of the principle of legality in administrative procedural law. When the terms of cases are uncertain it provides the law enforcement officer to apply them at his or her discretion. Such actions affect the effectiveness of law enforcement activities.

KEYWORDS Administrative responsibility; procedural term; administrative offence; administrative detention; delivery; administrative offence protocol; short term deadline; instantly; immediately.

FOR CITATION Samusevich A.G. Indefinite Deadlines in the Administrative Process: Problems of Implementation. *Prologue: Law Journal*, 2022, no. 2, pp. 40—47. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2022.2.5.

Актуальность представленной темы обусловлена тем, что в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ)[1] предусмотрены неопределенные сроки, которые не имеют конкретного исчисления, например, в секундах, часах, сутках (днях) и т.п. Речь идет о таких неопределенных сроках, как «незамедлительно...», «в короткий срок...», «немедленно...» и т.д. Практика показывает, что процесс применения норм, в которых устанавливаются такие процессуальные сроки, серьёзным образом усложняется.

Устоявшимся мнением является тот факт, что эффективность правоприменительной деятельности, в том числе и в административном процессе, зависит от своевременного и правильного исполнения предписаний в части соблюдения сроков совершения процессуальных действий. Как справедливо отмечает Е.В. Белякович: «... институт срока является эффективным средством правового регулирования, достижения упорядоченности, организованности и создания ритма, темпа юридических процессов» [1, с. 3].

Следует согласиться также с мнением тех авторов, которые говорят о том, что значение срока в качестве юридической конструкции заключается в том, что их установление направлено на упорядочение поведения субъектов права во времени, если их поведение связано с совершением юридически значимых действий там, где присутствует публичный интерес. Закрепление и соблюдение процессуальных сроков направлено на обеспечение правомерного поведения субъектов права, что, в свою очередь, является гарантией законности и обоснованности принимаемых решений уполномоченными органами и должностными лицами, в том числе в административно-деликтном производстве [4, с. 265].

Неопределенность рассматриваемых процессуальных сроков заключается в том, что нет конкретных указаний законодателя относительно временного периода, выделяемого на выполнение тех или иных процессуальных действий должностного лица при производстве по делам об административных правонарушениях. Из-за этого очень часто возникают противоречия, которые в настоящее время решить не удается.

Такие неопределенные сроки дают возможность правоприменителю трактовать их в зависимости от конкретных обстоятельств и по своему усмотрению. В свою очередь, у лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, нет реальной возможности оспорить такие сроки при нарушении их со стороны правоприменителя.

По этому поводу уместно привести точку зрения Т.А. Назаренко, справедливо отмечающую, что «...неопределенность открывает возможности для индивидуального регулирования, известного «усмотрения» правоприменительных органов» [6, с. 3].

Учитывая вышесказанное, представляется необходимым проанализировать современные представления о проблемах реализации «неопределенных» процессуальных сроков при производстве по делам об административных правонарушениях с целью уяснения дальнейшего совершенствования правового регулирования в рассматриваемой сфере.

Начнем с того, что имеется не так много научных исследований, посвященных неопределенности процессуальных сроков в административном праве. Тем не менее, в литературе указывается, что вопросы о том, как именно единообразно исчислять сроки, которые обозначены как «незамедлительно», «в возможно короткий срок», «в кратчайший срок», «немедленно», а также о целесообразности исчисления сроков в минутах, требуют отдельного изучения и осмысления [8, с. 45].

В связи с тем, что в правоприменительной практике возникают различного рода проблемы относительно исчисления сроков некоторых процессуальных действий, ученые-процессуалисты вполне обоснованно и справедливо разбираются в причинах, по которым законодатель все же закрепил такие неопределенные сроки.

Справедливости ради отметим, что поставленные вопросы не нашли своего решения и в Проекте Процессуального кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях[2], где также предусматриваются сроки для осуществления процессуальных действий в виде «незамедлительно» (ст. 5.4), «возможно короткий срок» (ст. 4.6) и т.д.

Профессиональный научно-исследовательский и практический опыт автора позволяет говорить о том, что такая неопределен-

[1] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 16 апр. 2022 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1, ч. 1. Ст. 1.

[2] Процессуальный кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Проект (подготовлен Минюстом России, ID проекта 02/04/01-20/00099061) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 30 янв. 2020 г.) // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: https://regulation.gov.ru/ (дата обращения: 10.04.2022).

ность может повлечь за собой как правоприменительные ошибки в административном процессе, которые не позволяют рассмотреть дело по существу, так и нарушение прав и свобод привлекаемых к административной ответственности лиц. Так, в правоприменительной практике часто возникает вопрос о том, уложился ли правоприменитель в определенные ему процессуальные сроки? Например, осуществлялось ли административное доставление в максимально короткий срок? И, пожалуй, самое главное: как исчислять эти сроки?

Если обратиться к этимологии указанных сроков, то выясняется, что «незамедлительный» указывает на то, что необходимо действовать немедленно, без задержек. В свою очередь, короткий срок — это непродолжительный, небольшой по времени. Немедленный — срочный, спешный, безотлагательный [7, с. 297, 405, 407].

Исходя из приведенного, в идеале все процессуальные действия, на производство которых отводятся приведенные сроки, должны осуществляться правоприменителем как можно быстро и без промедления.

Учитывая вышеизложенное, считаем логичным рассмотреть «неопределенные» сроки на примере конкретных процессуальных действий, закрепленных в нормах КоАП РФ.

Например, ч. 2 ст. 27.2 КоАП РФ устанавливает, что доставление должно быть осуществлено в *возможно короткий* срок. В этой связи стоит сказать, что Конституционным судом Российской Федерации была выработана следующая правовая позиция: «Законодатель не устанавливает конкретных сроков доставления, связывая это с невозможностью предусмотреть и учесть конкретные обстоятельства, влияющие на его продолжительность (территориальная удаленность, наличие и/ или техническое состояние транспорта, пропускная способность автодорог, климатические условия, состояние здоровья доставляемого и пр.), но указывает, что оно должно быть осуществлено в возможно короткий срок»[3].

По этому поводу Г.Х. Хадисов и М.С.З. Ильясов отмечают, что используемая законодателем правовая конструкция «в возможно короткий срок» скорее является пространной, оценочной, поскольку никак не конкретизируется, а, следовательно, не подлежит проверке и контролю, что само по себе создает почву для вольной интерпретации положения рассматриваемой меры обеспечения [11, с. 241]. При этом авторы обоснованно предлагают все же установить предельный срок доставления.

В этой связи можно сказать, что и здесь мнения ученых разнятся. Одни все же выступают за определение конкретного срока доставления, например, в три часа или в один час, а также не более чем на три часа и т.п. И в этом прослеживается определенная логика, так как для разных людей понимание короткого срока разное и обстоятельства также указывают на то, что короткий срок может длиться и час, и два, и три, в зависимости от условий, в которых пребывают субъекты в данный момент.

Можно согласиться и с мнением А.С. Телегина, рассуждающего о том, что срок пребывания лица, доставленного в помещение органа исполнительной власти или органа местного самоуправления, не может превышать одного часа, если нет оснований для административного задержания. Этот срок вполне достаточен для выяснения личности и составления протокола и его целесообразно закрепить в КоАП РФ [10, с. 62].

Другие авторы, наоборот, выступают против установления максимального и конкретного срока доставления. Например, М.В. Давыдов приходит к выводу, что правильным было бы не указывать конкретный срок доставления. Но в случае, если налицо сознательное затягивание сроков доставления со стороны сотрудников полиции, целесообразно вести речь о привлечении виновных к ответственности [2, с. 11]. Однако здесь справедливо ставить вопрос о том, как определить момент, с которого начинается необоснованное и сознательное затягивание срока доставления со стороны должностного лица? И если говорить о привлечении должностного лица к мерам юридической ответственности, то необходимо установить факт совершения им соответствующего правонарушения, а в данном случае сделать это будет затруднительно.

Примерно такой же точки зрения придерживается и Я.С. Сидоров, отмечая, что установление конкретного срока административного доставления может способствовать злоупотреблению данным правом со стороны должностных лиц, которое может выражаться в том, что сотрудники, стремясь уменьшить материальные и временные ресурсы, будут при доставлении ориентироваться на максимально возможное время, указанное в законе. Сейчас же, в силу требований ст. 27.2 КоАП РФ сотрудники обязаны доставить правона-

[3] По жалобам граждан Гудимова Александра Валерьевича и Шуршева Александра Олеговича на нарушение их конституционных прав пунктом 1 статьи 1070 и статьей 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 17 янв. 2012 г. № 149-О-О // СПС «КонсультантПлюс».

рушителя в возможно короткий срок, то есть немедленно [9, с. 19].

Так или иначе, анализ мнений ученых показывает, что в рассматриваемой сфере необходимо конкретизировать срок осуществления процессуальных действий. Представляется, что это позволит более эффективно осуществлять правоприменительную деятельность в соответствии с требованиями законодательства.

Еще одним «неопределенным» сроком при производстве по делам об административных правонарушениях является срок, который должен быть реализован немедленно. Так, в ст. 28.1.1 КоАП РФ говорится о том, что протокол осмотра места совершения административного правонарушения составляется *немедленно* после выявления совершения административного правонарушения; в соответствии со ст. 28.5 КоАП РФ протокол об административном правонарушении составляется *немедленно* после выявления совершения административного правонарушения.

В правоприменительной практике различные ситуации в этой сфере могут развиваться по-разному. Представим следующий пример: сотрудник ППС МВД России, находясь на маршруте патрулирования, выявил и зафиксировал административное правонарушение и принимает решение о составлении протокола об административном правонарушении. Для этого ему необходимо, как минимум, иметь при себе сам бланк протокола. Стоит оговориться, что, например, в приказе МВД России № 495 от 28 июня 2021 г.[4] не устанавливается количество процессуальных бланков у сотрудника ППС перед заступлением на службу (п. 58.15). Практика показывает, что бланки протоколов у сотрудника ППС могут просто закончиться на маршруте патрулирования.

Далее необходимо установить личность правонарушителя, мотивы совершения административного правонарушения, провести устный опрос и т.д. Вопреки распространенным представлениям, протокол об административном правонарушении не составляется автоматически после выявления и фиксации правонарушения. Здесь необходимо иметь в виду, что в процессе установления всех обстоятельств совершенного правонарушения, сотрудник может выяснить, что у правонарушителя, например, нет документа, удостоверяющего его личность. Кроме того, погодные условия могут не позволить составить протокол на месте (дождь, мороз, сильный ветер и т.д.) или, как было сказано выше, у сотрудника отсутствуют бланки протоколов.

В представленной ситуации появляются основания для осуществления доставления правонарушителя, так как протокол по объективным причинам составить на месте выявления правонарушения не представляется возможным, а на это понадобится дополнительное и порой немалое количество времени, исчисляемое часами. А мы помним, что в соответствии с КоАП РФ доставление должно осуществляться в короткий срок. Таким образом, возникает следующая неопределенность: перекрывает ли короткий срок доставления незамедлительность срока составления протокола или в данном случае, правоприменитель может применить ч. 2 ст. 28.5 КоАП РФ и составить протокол в течение 2-х суток? Однако не по всем перечисленным в КоАП РФ основаниям это возможно реализовать в полной мере. Например, среди таких оснований нет обстоятельства, учитывающего отсутствие протокола об административном правонарушении на месте обнаружения этого правонарушения.

Таким образом, исходя из приведенного, отметим, что сегодня возникает острая необходимость все же конкретизировать не только сроки процессуальных действий, но и те обстоятельства, которые не позволяют составить протокол незамедлительно и на месте выявления административного правонарушения. Ни о коротких сроках, ни о незамедлительности в данном случае не может быть и речи.

Таких практических примеров можно привести множество. Суть в том, что протокол об административном правонарушении и иные процессуальные документы в большинстве случаев невозможно составить немедленно после обнаружения правонарушения. Таким образом, вполне резонно возникают следующие вопросы: будет ли в данном случае нарушение норм административного законодательства? Каким образом правонарушителю защищать свои права, если протокол будет составлен, например, через 2 или 3 часа после выявления правонарушения и если фактическое доставление затянулось более чем на 3 часа?

В этой связи не совсем понятна позиция Пленума Верховного Суда Российской Федерации, согласно которой нарушение уста-

[4] Об утверждении Наставления об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России : Приказ МВД России от 28 июня 2021 г. № 495 (с изм. от 5 марта 2022 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

новленных ст.ст. 28.5 и 28.8 КоАП РФ сроков составления протокола об административном правонарушении и направления протокола для рассмотрения судье являются *несущественными недостатками* (курсив мой. – *А.Г.*), так как могут быть восполнены при рассмотрении дела по существу, а также, поскольку эти сроки не являются пресекательными, либо составление протокола в отсутствие лица, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении, если этому лицу было надлежащим образом сообщено о времени и месте его составления, но оно не явилось в назначенный срок и не уведомило о причинах неявки или причины неявки были признаны неуважительными[5].

Исходя из приведенной позиции Верховного Суда РФ, можно прийти к выводу, что в случае, если протокол об административном правонарушении составлен не немедленно, а гораздо позже, то это не является существенным нарушением со стороны правоприменителя.

Помимо перечисленных сроков, во многих нормах КоАП РФ употребляется и такой процессуальный срок, как «незамедлительно». Не имеет смысла перечислять все нормы, где в той или иной интерпретации указываются подобные сроки, отметим, что все это затрудняет рассмотрение дела по административному правонарушению и, как показывает практика, дает необоснованную дозволенность правоприменительным органам.

В какой-то мере можно согласиться и с мнением Ю.В. Капрановой и А.В. Капранова, которые, рассматривая неопределенность сроков применения мер обеспечения, приходят к выводу, что в данном случае законодатель подразумевает, что при применении отдельных мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении уполномоченное должностное лицо будет добросовестно исходить из разумных пределов продолжительности их применения и причиняемых им ограничений личности, диктуемых конкретными обстоятельствами дела [3, с. 58]. Это говорит о том, что реализация сформулированных предложений предполагает повышение роли ведомственного контроля и прокурорского надзора за производством по делам об административных правонарушениях с тем, чтобы не допустить излишней волокиты на данном направлении деятельности, и чтобы причины отклонения от принципа оперативности в каждом случае носили обоснованный характер.

В свою очередь, А.С. Лизунов считает возможным вообще из КоАП РФ исключить указание на конкретные сроки, в течение которых необходимо составить протокол об административном правонарушении и обеспечить его направление в орган, должностному лицу либо в суд для рассмотрения, ограничившись закреплением положения о том, что эти действия должны быть совершены в возможно короткие сроки, не выходящие за пределы срока давности привлечения к административной ответственности. По мнению автора, тем самым в некоторой степени будет создана правовая неопределенность в части регламентации указанных сроков. Это не повлечет за собой снижение эффективности в деятельности государственно властных субъектов административно-юрисдикционной деятельности, а, напротив, позволит проявить гибкость права применительно к конкретным обстоятельствам дела [5, с. 55].

Таким образом, единой позиции ученых относительно того, устанавливать ли конкретные сроки для производства отдельных процессуальных действий при производстве по делам об административных правонарушениях, к настоящему времени не выработано.

Полагаем правильным согласиться с точкой зрения О.В. Курбатовой о том, что «... позицию по исключению сроков составления протокола не стоит поддерживать, так как в этом случае расширяются дискреционные полномочия правоприменителя и нивелируются такие принципы административного процесса, как принципы быстроты (оперативности), разумности срока, своевременности, правовой определенности, ответственности должностных лиц органов публичной власти за нарушение норм административно-процессуального законодательства. В итоге вместо законности появляется беззаконие» [4, с. 268].

По нашему мнению, законодателю все же необходимо вернуться к рассмотрению обозначенных проблем и установить конкретные сроки для выполнения тех или иных процессуальных действий, устранив их неопределенность. Данное предложение коррелирует с правовой позицией Конституционного суда РФ по делу о проверке конституционности ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ в связи с жалобой гражданки О.А. Мельниковой, указавшего на то, что федеральному законодателю надлежит незамедлительно принять меры по устранению выявленной неопределенности.[6]

---

[5] О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 (ред. от 23 дек. 2021 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 6.

Полагаем правильным конкретизировать неопределенные сроки в КоАП РФ следующим образом:

— «короткий срок» — не более 2-х часов с момента возникновения оснований для выполнения процессуальных действий (доставление);

— «немедленно» и «незамедлительно» — в пределах 1-го часа после того, как у правоприменителя в соответствии с законом возникает обязанность выполнить конкретные процессуальные действия (составление протоколов, рассмотрение ходатайств, уведомления и т.д.).

Считаем, что предложенные процессуальные сроки вполне вписываются в логику правоприменительной практики и достаточны для выполнения процессуальных действий в производстве по делам об административных правонарушениях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Белякович Е.В. О концептуальных подходах к пониманию категории «правовой срок» (часть 2) // Российский судья. — 2020. — № 5. — С. 3—8.

2. Давыдов М.В. Доставление как мера государственного принуждения в контексте обеспечения прав и свобод граждан // Юристъ-Правоведъ. — 2019. — № 2 (89). — С. 7—12.

3. Капранова Ю.В., Капранов А.В. Применение мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении: конституционное измерение // Административное право и процесс. — 2021. — № 5. — С. 56—59.

4. Курбатова О.В. Процессуальные сроки на стадии возбуждения дела об административном правонарушении: проблемные аспекты // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : сб. статей по материалам междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти д-ра юрид. наук, проф., заслуж. деятеля науки Российской Федерации, заслуж. юриста Российской Федерации Аврутина Юрия Ефремовича в связи с 75-летием со дня рождения. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. — С. 265—269.

5. Лизунов А.С. К вопросу о сроках составления и направления протокола об административном правонарушении для рассмотрения // Административное право и процесс. — 2021. — № 6. — С. 54—56.

6. Назаренко Т.А. Неопределенность в российском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. — Москва, 2006. — 23 с.

7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. — Москва : ИТИ Технологии, 2008. — 944 с.

8. Ревнов Б.А., Чупров В.М. К вопросу об исчислении сроков в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях // Теория государства и права. — 2017. — № 2. — С. 40—46.

9. Сидоров Я.С. О максимально возможном сроке административного доставления // Молодые ученые в решении актуальных проблем безопасности : сб. материалов X Всерос. научн.-практ. конф. (Железногорск, 28 мая 2021 г.). — Железногорск : Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, 2021. — С. 18—20.

10. Телегин А.С. Меры административно-процессуального принуждения: некоторые вопросы применения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2014. — № 1 (23). — С. 60—67.

11. Хадисов Г.Х., Ильясов М.-С.З. Проблемные вопросы законодательного регулирования доставления как меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях // Вестник Московского университета МВД России. — 2021. — № 5. — С. 239—242.

REFERENCES

1. Belyakovich E.V. On conceptual approaches to understanding of the "legal term" category (Part 2). *Rossiiskii sud'ya = Russian Judge*, 2020, no. 5, pp. 3—8. (In Russian).

2. Davydov M.V. To a question of a concept of insolvency (bankruptcy) on the example of insurance. *Yurist-Pravoved = Lawyer-Legal Scholar*, 2019, no. 2 (89), pp. 7—12. (In Russian).

3. Kapranova Yu.V., Kapranov A.V. Application of injunctive reliefs in an administrative offense case: The constitutional dimension. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Procedure*, 2021, no. 5, pp. 56—59. (In Russian).

4. Kurbatova O.V. Procedural deadlines at the stage of initiationof an administrative offence case: problematic aspects. *Aktual'nye problemy administrativnogo i administrativno-protsessual'nogo prava*

[6] По делу о проверке конституционности части 1 статьи 4.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки О.А. Мельниковой : Постановление Конституционного Суда РФ от 17 мая 2022 г. № 19-П // Собрание законодательства РФ. 2022. № 22. Ст. 3755.

(Sorokinskie chteniya). Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati doktora yuridicheskikh nauk, professora, zasluzhennogo deyatelya nauki Rossiiskoi Federatsii, zasluzhennogo yurista Rossiiskoi Federatsii Avrutina Yuriya Efremovicha v svyazi s 75-letiem so dnya rozhdeniya [Current issues of administrative and procedural law (Sorokin readings). Materials of International Research Conference, dedicated to the memory of Avrutin Yury Efremovich, doctor of law, professor, honored lawyer of the Russian Federation, to celebrate his 75th anniversary]. Saint-Petersburg University of Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2022, pp. 265—269. (In Russian).

5. Lizunov A.S. On the terms for making and filing for review of administrative offense minutes. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Procedure*, 2021, no. 6, pp. 54—56. (In Russian).

6. Nazarenko T.A. *Neopredelennost' v rossiiskom prave. Avtoref. Kand. Diss.* [Uncertainty in Russian law. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2006. 23 p.

7. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. (ed.). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. 4th ed. Moscow, ITI Tekhnologiya Publ., 2003. 944 p.

8. Revnov B.A., Chuprov V.M. To a question about the calculation of time limits in the Code of the Russian Federation administrative offences. *Teoriya gosudarstva i prava = Russian Journal of Theory of State and Law*, 2017, no. 2, pp. 40—46. (In Russian).

9. Sidorov Ya.S. About the maximum possible time of administrative delivary. *Molodye uchenye v reshenii aktual'nykh problem bezopasnosti. Materialy 10-i Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Zheleznogorsk, 28 maya 2021 g.* [Young scientists in solving the current security problems. Materials of the 10th All-Russian Research Conference, Zheleznogorsk, May 28, 2021]. Zheleznogorsk, Siberian Fire and Rescue Academy of the Ministry of Emergency Situations of Russia Publ., 2021, pp. 18—20. (In Russian).

10. Telegin A.S. Administrative and procedural enforcement measures: Some of the application issues. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Perm University Herald. Yuridical scinces*, 2014, no. 1 (23), pp. 60—67. (In Russian).

11. Khadisov G.Kh., Ilyasov M.-Sali Z. Problems of legislative regulation of delivery as a measure to ensure proceedings in cases of administrative offences. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 5, pp. 239—242. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Самусевич Алексей Геннадьевич (Иркутск) — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции Иркутского национального технического университета (664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83); доцент кафедры конституционного права и теории права Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (664011, г. Иркутск, Некрасова, 4, e-mail: samusevich79@mail.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Samusevich, Aleksey G. (Irkutsk) — PhD in Law, Ass. Professor, Ass. Professor of the Jurisprudence Department, Irkutsk National Technical University (Lermontov st., 83, Irkutsk, 664074). Ass. Professor of the Constitutional Law and Theory of Law Department, Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (Nekrasov st., 4, Irkutsk, 664011, e-mail: samusevich79@mail.ru).

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО
CIVIL LAW

УДК 347.23; 347.218.3

Ж.Т. Ламбаев
Бурятский государственный университет
им. Доржи Банзарова
Улан-Удэ, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-4530-8995
ResearcherID: AAY-3332-2020

ЭФФЕКТИВНОЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ И НОРМЫ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2022. — № 2. — С. 48—56.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2022.2.6.
Дата поступления 03.02.2022, дата принятия к печати 15.06.2022, дата онлайн-размещения 30.06.2022.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается принцип эффективного осуществления права собственности, который предполагает рациональное поведение собственника, разумность и хозяйственную целесообразность его действий, а также действенность принимаемых им мер. При этом эффективность выступает скорее качественной, нежели количественной характеристикой поведения собственника. По мнению автора, в основе эффективного осуществления права собственности лежат экономические и этические предпосылки, которые влияют на правовое регулирование отношений собственности. Опираясь на доктринальные источники, законодательство и судебную практику, автор приходит к заключению, что принцип эффективности осуществления права собственности находит свое отражение как в правовой системе в целом, так и в конкретных нормах и институтах гражданского законодательства. Принцип эффективного осуществления права собственности способен оказывать влияние как на содержательное наполнение тех или иных юридических конструкций (возникновение и прекращение права собственности, осуществление этого права), так и на правоприменительную деятельность при разрешении конкретных споров (о присуждении вещи, определении размера доли в праве собственности).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Право собственности; эффективность осуществления права собственности; принцип эффективности собственности; вещные права; общая собственность; приобретение права собственности; прекращение права собственности.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Ламбаев Ж.Т. Эффективное осуществление права собственности и нормы гражданского законодательства // Пролог: журнал о праве. — 2022. — № 2. — С. 48—56. — DOI: 10.21639/2313-6715.2022.2.6.

UDC 347.23; 347.218.3

Z.T. Lambaev
Dorji Banzarov Buryat state University,
Ulan-Ude, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-4530-8995
ResearcherID: AAY-3332-2020

EFFICIENT EXERCISE OF PROPERTY RIGHTS AND CIVIL LAW

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal, 2022, no. 2, pp. 48—56.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2022.2.6.
Received 03.02.2022, accepted 15.06.2022, available online 30.06.2022.

ABSTRACT

The author of the article examines the principle of effective implementation of the property right. The principle assumes rational behavior of the proprietor, reasonable and economic expediency of his or her actions and the effectiveness of the measures that he or she takes. Meanwhile the effectiveness is rather a qualitative that quantitative feature of the proprietor behavior. According to the author's opinion, the grounds for the effective implementation of the property right have economic and ethical backgrounds. They influence legislative regulation of the property relations. The author refers to the doctrinal sources, legislation and court practice. He, therefore, concludes that the principle of effectiveness of the implementation of the property right is reflected in the legal system in general as well as in particular norms and institutes of civil legislation. The principle of effective implementation of the property right can influence the meaningful content of certain legal constructions (appearance and termination of the property right, implementation of this right). It can also influence on legally applied activity while solving individual disputes (on belonging of the property, on defining the size of the part of the property in property right).

KEYWORDS

Property right; effectiveness of implementation of the property right; principle of effectiveness of the property; proprietary rights; general property; acquisition of property right; termination of property right.

FOR CITATION

Lambaev Z.T. Efficient Exercise of Property Rights and Civil Law. *Prologue: Law Journal*, 2022, no. 2, pp. 48—56. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2022.2.6.

1. Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы проанализировать нормы гражданского законодательства и соотнести их содержание с принципом эффективного осуществления права собственности. Под последним следует понимать обращенное к собственнику требование рационального поведения, разумность и хозяйственную целесообразность его действий, а также действенность принимаемых им мер. В основе указанного принципа лежит идея рационального и справедливого распределения экономических ресурсов между участниками гражданского оборота и эффективного использования этих ресурсов людьми. В известной мере эта идея повторяет одну из основных посылок экономического анализа права, поскольку так же, как и последняя, устремлена к эффективному распределению ресурсов в смысле максимизации благосостояния («благо всегда идет в правильном направлении, к тому, кто больше его ценит») [3, с. 43].

Утверждая это, следует однако отдавать себе отчет в том, что экономическая эффек-

тивность сама по себе не является главным или единственным критерием правового регулирования. Следует согласиться с Е.А. Сухановым: основная цель правового регулирования, в том числе и экономических отношений, принципиально отличается от цели экономической деятельности. Она состоит в достижении не обязательно экономически наиболее эффективного, но всегда социально справедливого результата, что обусловлено самой природой права как особого социального явления [9, с. 26, 27].

С учетом этого не следует думать, что идея эффективного собственника противоречит представлениям о праве собственности как наиболее полном из имущественных прав и что она нарушает конституционные гарантии права собственности. Напротив, принцип эффективности собственности стимулирует людей к надлежащему осуществлению права собственности, поощряет эффективное хозяйствование и созидательное начало, активное и ответственное поведение собственника.

Обоснование принципа эффективности осуществления права собственности составляет содержание отдельного исследования. Для этого можно прибегнуть не только к уже упомянутому экономическому анализу права, но и к наработкам европейской (в том числе отечественной) цивилистики: социальной функции собственности [6], доктрине общественной пользы [7, с. 267, 328]. Однако в рамках настоящей работы видится возможным раскрыть, каким образом указанный принцип отражается в нормах действующего гражданского законодательства России и — прежде всего — в ГК РФ. При этом следует оговориться, что требование эффективного осуществления права собственности не нарушает гарантий прав собственности и механизмов его защиты.

2. Методы воздействия правовой системы на собственника с целью обеспечить эффективное обращение с собственностью могут быть различными. Во-первых, гражданское право возлагает на собственника бремя содержания имущества, под которым понимается:

1) необходимость поддерживать его в пригодном для эксплуатации и безопасном состоянии, оплачивать предусмотренные законом налоги сборы, страховать имущество в случае необходимости [5, с. 524];

2) необходимость осуществления ремонта и охраны;

3) несение риска возможных потерь от неумелого или нерационального ведения своих дел [1, с. 19].

Действующая ст. 210 ГК РФ предельно лаконична: собственник несет бремя содержания принадлежащего ему имущества, если иное не предусмотрено законом или договором. В этой связи примечательно, что проектом изменений в ГК РФ нормы о бремени содержания собственности предлагается дополнить положением: в случаях, предусмотренных ГК РФ или законом, собственник обязан поддерживать имущество в надлежащем состоянии и нести связанные с этим расходы (п. 2 ст. 234)[1]. Введение указанной нормы следует приветствовать как в связи с наличием в гражданском обороте объектов, по своему характеру требующих особого внимания со стороны собственника (культурные ценности, жилые помещения, особо ценные земли), так и объектов, способных при отсутствии должного отношения со стороны собственника принести серьезный вред другим лицам (здания и сооружения, помещения, технологические объекты, транспортные средства, животные, оружие и проч.).

Конкретизацию обращенного к собственнику требования можно обнаружить в ст. 30 ЖК РФ применительно к жилым помещениям: собственник обязан поддерживать помещение в надлежащем состоянии, не допуская бесхозяйственного обращения с ним, соблюдать права и законные интересы соседей, правила пользования жилыми помещениями, а также правила содержания общего имущества собственников помещений в многоквартирном доме.

Однако и из действующей редакции ст. 210 ГК РФ следует, как минимум, два положения: (1) закон обязывает собственника содержать принадлежащее ему имущество, поддерживать надлежащее его состояние, и (2) закон устанавливает презумпцию ответственности собственника за вред, причиненный воздействием вещи. Иными словами, при недоказанности вины иных лиц ответственность будет возложена именно на собственника. Так, при затоплении находящейся ниже квартиры ответственность будет возложена на собственника находящейся выше квартиры, если не будет доказана вина иных лиц (нанимателей, управляющей организации).

Отсюда не будет преувеличением сказать, что ст. 210 ГК РФ ориентирует собственника на рачительное отношение к собствен-

[1] См.: Гражданский кодекс Российской Федерации с изменениями, предусмотренными Проектом ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса РФ, а также в отдельные законодательные акты РФ». Москва, 2012.

ному имуществу, проявление должной заботы о нем, предотвращение его порчи, разрушения и гибели [4, с. 399]. Следует согласиться и с тем, что во многом эти положения опираются на внутренне присущее всякому рачительному хозяину естественное стремление использовать вещь как можно дольше [5, с. 524], которое, в свою очередь, выступает исходной политико-правовой предпосылкой принципа эффективности собственности.

Помимо возложения бремени содержания закон предписывает те или иные требования к осуществлению права собственности в отношении тех или иных объектов. Речь идет, в частности, о гуманном обращении с животными (ч. 2 ст. 137 ГК РФ), об использовании жилого помещения для проживания (ст. 17 ЖК РФ), об использовании земель сельскохозяйственного назначения (ст. 78 ЗК РФ) и др. Нарушение предписаний закона в этих случаях может стать основанием для выкупа или изъятия у собственника указанных объектов, о чем будет сказано ниже.

Вместе с тем, для стимулирования эффективного осуществления права собственности гражданское право не всегда может воспользоваться методами предписания и обязывания. Подобно многим другим целям, направленным на повышение общественного благосостояния, эффективное осуществление своих прав не может быть предписано собственнику в императивном порядке, а неэффективное — запрещено.

3. Эффективное хозяйствование может поощряться правовой системой. Так, в основе некоторых из оснований (способов) приобретения права собственности лежит идея поощрить эффективное хозяйствование вещью путем предоставления права собственности. Здесь принцип эффективного осуществления права собственности может опираться на естественно-правовые учения, в том числе на трудовую концепцию собственности в ее вещной индивидуалистической трактовке, в центре которой стоит отношение отдельного человека к своему имуществу (вещам). В целом же именно посредством труда у людей появляется собственность, а потому трудовая собственность является самой справедливой [10, с. 77]. Соответствующие этому подходу представления можно встретить в различных культурах, связывающих присвоение земли не с формальным актом, а с ее непосредственным использованием, культивацией [8, с. 37 и след.].

К числу оснований возникновения права собственности, поощряющих эффективное хозяйствование, можно отнести приобретательную давность (давностное владение), оккупацию (сбор общедоступных вещей, завладение брошенными вещами), находку и завладение безнадзорными животными, а также самовольное строительство. Во всех указанных основаниях приобретения права собственности налицо активная позиция лица, владеющего вещью. При наличии фактов, характеризующих заинтересованность владельца в использовании вещи, закон допускает возникновение у последнего права собственности. Такими фактами могут быть сам факт владения, его длительность, добросовестность владельца, обращение в уполномоченные органы и т.д.

Однако наиболее ярким в этом отношении примером являются нормы ст. 220 ГК РФ о переработке, в соответствии с которыми лицо, изготовившее вещь из чужих материалов, тем не менее, становится собственником новой вещи, если стоимость переработки существенно превышает стоимость материалов (абз. 2 п. 1). Здесь право поощряет деятельное поведение переработчика, создающего новую ценность.

Похожая норма, но уже применительно к общей собственности, имеется и в ст. 37 СК РФ, согласно которой имущество одного из супругов может быть признано судом совместной собственностью, если стоимость этого имущества значительно увеличилась, в том числе за счет вложений второго супруга (капитальный ремонт, реконструкция, переоборудование и другие). Жизни известно множество примеров, когда бережливость и трудолюбие одного из супругов привело к существенному увеличению хозяйственной ценности добрачного имущества второго супруга. Оставить первого из супругов ни с чем противоречило бы нравственным нормам и представлениям людей о справедливости.

Общее между вышеуказанными нормами как раз и состоит в том, что в обоих случаях правовая система поощряет эффективное пользование, делая несобственника собственником.

В других же нормах эффективное осуществление права собственности поощряется присуждением вещи одному из сособственников общей вещи либо наделением его большей долей при разделе имущества: судья должен производить раздел, сообразуясь со справедливостью и целесообразностью [2, с. 473].

Так, при разделе унаследованного имущества приоритет отдается тому из наследников, в пользу которого говорят такие факты, как пользование вещью в период жизни наследодателя, совместное с ним проживание,

наличие доли в праве собственности до смерти наследодателя и др. (ст. 1168, 1169 ГК РФ). В общих нормах ГК РФ отсутствуют указания о том, кому следует присудить неделимую вещь, однако в судебной практике называются некоторые критерии: нуждаемость, существенный интерес в использовании вещи, сложившийся порядок пользования имуществом[2]. Встречаются и такие критерии как несение расходов на содержание имущества, наличие «существенного интереса» в оставлении вещи, финансовой возможности ее содержать, добрососедские отношения и др. Видится, что эффективный сособственник в подобных случаях должен иметь предпочтение перед менее эффективным.

Применительно к разделу совместно нажитого имущества суды также принимают во внимание те или иные факты. Так, по одному из дел бывшая супруга инициировала раздел общего имущества: объектов недвижимости, автомобиля, прицепа к нему, предметов мебели, бытовой техники. Присуждение спорного прицепа супругу можно обосновать следующими соображениями: (1) прицеп следует оставить за супругом, поскольку именно ему присуждается автомобиль, (2) выступая в роли ответчика, супруг не оспорил предложенный истцом вариант раздела имущества, не просил выделить ему иное имущество, о чем указала истица, не претендовал на другое имущество, не просил суд скорректировать перечень передаваемого имущества[3].

Как видно, в основе принятого решения лежат как рациональные (передать прицеп тому, кто будет иметь возможность им пользоваться, отсутствие возражений у супруга), так и правовые предпосылки (соблюдение правил о судьбе принадлежности и главной вещи (ст. 135 ГК РФ), состязательность лиц, участвующих в деле).

Подобным же образом эффективность (и, напротив, неэффективность) собственника может повлиять и на размер присужденной ему доли при разделе общего имущества. Так, известна норма ст. 39 СК РФ, которая дает суду право отступить от начала равенства долей, в частности, в случаях, если один из супругов не получал доходов по неуважительным причинам или расходовал общее имущество супругов в ущерб интересам семьи.

Наконец, эффективность поведения может служить критерием при рассмотрении споров относительно принадлежности вещи. В этой связи любопытно одно из дел со следующими обстоятельствами. Истец, сдававший автомоечный комплекс в аренду, истребовал спорный комплекс, который на момент исполнения судебного решения был занят третьим лицом, считавшим себя собственником и ссылавшимся на приобретение автомоечного комплекса у другого лица. После исполнения судебного решения о передаче объекта истцу указанное третье лицо снесло автомоечный комплекс. Истец обратился в суд к указанному ранее третьему лицу с требованием о возмещении ущерба в связи со сносом комплекса, где встал вопрос о принадлежности комплекса. Удовлетворяя требования истца, суд указал следующее. Ответчик произвел демонтаж автомоечного комплекса, тем самым лишил истца демонтировать его способом, обеспечившим последующую сборку и использование имущества. Сам произвел демонтаж способом, исключающим его повторную сборку, что само по себе подтверждает отсутствие у ответчика интереса в сохранении имущества, которое, по его утверждению, ему принадлежит. Указанное поведение ответчика свидетельствует о том, что собственником имущества он и не являлся и не считал себя таковым[4].

4. Что касается неэффективного осуществления права собственности, то оно может порицаться путем установления тех или иных нежелательных для собственника санкций. Одной из таких санкций для собственника выступает необходимость устранения допущенных нарушений и приведения объекта в первоначальный вид. Такие санкции имеют место при самовольной постройке, если нарушаются строительные нормы и правила или целевое назначение земельного участка (ст. 222 ГК РФ), — она подлежит сносу. Похожие санкции предусмотрены при самовольном переустройстве или перепланировке жилого помещения, — здесь собственник обязан привести помещение в прежнее состояние в разумный срок (ч. 3 ст. 29 ЖК РФ).

Подобным же образом применительно к внесению несогласованных изменений в кон-

---

[2] О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 6, Пленума ВАС РФ № 8 от 1 июля 1996 г. (ред. от 25 дек. 2012 г.) (п. 36, 37) // Российская газета. 2018. 25 дек.

[3] Решение Кунцевского районного суда г. Москвы от 7 мая 2018 г. по делу № 02-0208/2018 (02-5127/2017). URL: https://mos-gorsud.ru/rs/kuncevskij/services/cases/civil/details/03a58e55-d078-45b7-94b5-a1b9921ac5c2.

[4] Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 23 марта 2017 г. по делу № А60-23106/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

струкцию транспортного средства (установка газобаллонного оборудования, замена галогеновых ламп на ксеноновые или светодиодные, изменение выхлопной системы в сторону увеличения выхлопных газов и шума)[5] возможны различные санкции административно-правового характера: штраф, задержание транспортного средства, отказ в постановке на учет, что фактически приводит к невозможности осуществления права собственности.

Нетрудно заметить, что установление подобных санкций преследует цель защитить интересы третьих лиц в общественном спокойствии, в безопасности окружающих их предметов, их эстетической привлекательности и т.д. Развивая эти положения, можно отметить, что принцип эффективности собственности имеет межотраслевое значение, поскольку предопределяет нормы других отраслей права, например, жилищного или градостроительного, при предъявлении требований к внешнему виду фасадов зданий, остеклению балконов, лоджий и т.д.

Вместе с тем, наиболее строгой санкцией за неэффективное осуществление права собственности выступает лишение права собственности. Выше говорилось о том, что в отношении некоторых социально значимых объектов (жилые помещения, животные, земельные участки сельхозназначения) закон прямо предусматривает не только способы осуществления права собственности, но и санкции в виде выкупа или изъятия указанных вещей.

Но и в тех случаях, когда закон не предписывает собственнику тех или иных конкретных способов осуществления права, нет оснований считать, что объективному праву безразлично неэффективное осуществление права собственности. Поэтому нельзя согласиться с мнением о том, что когда такое отношение проявляется к имуществу, не представляющему особой общественной ценности, нет ни надобности, ни практического смысла в применении к его собственнику правовых санкций [4, с. 399].

Возражая против такого подхода, необходимо отметить, что в одних случаях неэффективное отношение собственника к своему имуществу может стать основанием для изъятия вещи или ее выкупа по требованию заинтересованного лица. Сюда относятся нормы о выкупе животных ввиду ненадлежащего обращения с ними (ст. 241 ГК РФ), изъятии бесхозяйственно содержимых или используемых не по назначению жилых помещений (ст. 293 ГК РФ), изъятии земельного участка сельскохозяйственного назначения (ст. 6 Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения»). Близко к ним находятся нормы о выкупе бесхозяйственно содержимых культурных ценностей (ст. 240 ГК РФ) и об изъятии земельного участка ввиду его нецелевого использования по ст. 285 ГК РФ.

Общее между приведенными статьями состоит в том, что неэффективное осуществление права собственности здесь уже присутствует в гипотезе или диспозиции правовой нормы. Иначе говоря, оно уже охвачено структурой правовой нормы.

В других же случаях нерадивое поведение собственника всего лишь открывает возможность для приобретения права собственности на это имущество другим лицом. Иными словами, здесь неэффективное поведение собственника находится «за скобками»: оно может предполагаться, однако для самой нормы, выступающей в качестве нормативного основания приобретения права собственности, оно значения не имеет. Здесь утрата права собственности одним лицом и приобретение его другим лицом как раз и выступает санкцией за неэффективное осуществление права. Таковы, например, нормы о бесхозяйных, в том числе брошенных вещах, безнадзорных животных. Так, например, отходы производства, выводок домашних животных могут быть присвоены другим лицом и поступить в его собственность. Непринятие собственником мер по отысканию утраченной вещи может привести к утрате права на нее (хотя это может и не иметь решающего значения для определения юридической судьбы вещи).

Наиболее выраженный характер в свете эффективного осуществления права собственности носят дела о признании бесхозяйными брошенных собственниками транспортных средств и признании на них права собственности для последующей реализации (утилизации). В суды крупных городов соответствующие иски от органов местного самоуправления поступают в массовом порядке. Обстоятельства, подлежащие выяснению по таким делам обычно следующие: выявление брошенного транспортного средства, его внешний вид и техническое состояние, наличие признаков разукомплектованности, длительность нахождения в брошенном состоянии, отсутствие государственных регистра-

[5] О принятии технического регламента Таможенного союза «О безопасности колесных транспортных средств : Решение Комиссии Таможенного союза от 9 дек. 2011 г. № 877. URL: https://legalacts.ru/doc/reshenie-komissii-tamozhennogo-soiuza-ot-09122011-n-877-o/.

ционных знаков. Как показывает практика, обычно подобные автомобили имеют следы разрушения, коррозии или возгорания, участия в ДТП, открыты для доступа и т.д. Вынося решение, суды также учитывают пассивное поведение собственника, нереагирующего на уведомления о необходимости принятия решения по дальнейшему местонахождению транспортного средства, не предпринимающего мер по эвакуации автомобиля с прежнего места или места временного хранения[6].

В крупных городах работа по выявлению брошенных автомобилей уже давно имеет свою правовую основу[7]. И здесь, безусловно, есть резоны: брошенные транспортные средства могут создавать неудобство для жителей, загораживать проезд, быть источником опасности для людей и окружающей среды. С учетом этого следует положительно относиться к складывающейся практике удовлетворения подобного рода исков.

Впрочем, этими же соображениями следует руководствоваться и при определении судьбы других брошенных вещей, в том числе предметов, изъятых и невостребованных в рамках дел о контрафактной продукции[8], вещественных доказательств и т.д.

Особого внимания в свете обсуждаемой проблемы требует и приобретение права собственности в силу давностного владения. В основе представлений о приобретательной давности обычно находится истец, фигура же прежнего собственника, как правило, не обсуждается. При этом упускается из виду, что именно его поведение, часто неэффективное, приводит к возникновению права собственности на стороне давностного владельца. Так, недвижимая вещь, оставленная собственником при длительном его отсутствии и наличии условий, описанных в ст. 234 ГК РФ, может стать собственностью давностного владельца. По одному из дел, пересмотренных впоследствии Верховным судом РФ, препятствием для удовлетворения иска давностного владельца стало наличие наследников в отношении спорного имущества. Вместе с тем установлено, что указанные наследники с момента смерти наследодателя какого-либо интереса к этому имуществу не проявляли, им не владели и не пользовались, фактически отказались от него. Учитывая это, Верховный суд отменил вынесенные по делу судебные постановления и отправил дело на новое рассмотрение[9].

В судебной практике последних лет весьма распространены иски о признании права собственности на долю в праве общей собственности на жилое помещение, которая перешла к муниципальному образованию в качестве выморочного имущества. В ходе рассмотрения таких дел суды, как правило, также принимают во внимание пассивное поведение собственника. Так, в одном из решений указано: ответчик город Москва не предпринимал каких-либо действий в отношении имущества, являвшегося выморочным, не осуществлял свои права собственника в отношении указанного имущества. В материалах дела отсутствуют данные о том, что город Москва ранее оспаривал законность владения истцом квартирой. Суд установил, что истец приобрел право общей совместной собственности на квартиру в порядке приватизации, длительное время владеет всей квартирой как своей собственной, проживает в ней, принимает меры к сохранению указанного имущества, несет бремя содержания квартиры, оплачивает коммунальные услуги. При таких обстоятельствах, а также в связи с длительным бездействием публично-правового образования как участника гражданского оборота, не оформившего в разумный срок право собственности на названное имущество, для физического лица не должна исключаться возможность приобретения такого имущества по основанию, предусмотренному ст. 234 ГК РФ[10].

В другом деле истцам, также ссылавшимся на пассивное поведение ответчика (публично-правовое образование какого-либо интереса к спорному имуществу как выморочному либо безхозяйному не проявляло, о своих правах не заявляло, мер по содержа-

---

[6] См., например, Апелляционное определение Московского городского суда от 4 октября 2018 г. по делу № 33-38458/2018. URL: https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/33d9687f-b435-4c84-81c4-037ef8f90e6f; Решение Дорогомиловского районного суда г. Москвы от 22 июня 2016 г. по делу № 2-3761/16. URL: https://sud-praktika.ru/precedent/184686.html и др.

[7] См., например, Постановление Правительства Москвы от 23 сент. 2014 г. № 569-ПП «О Порядке выявления, перемещения, временного хранения и утилизации брошенных, в том числе разукомплектованных, транспортных средств в городе Москве» // СПС «КонсультантПлюс».

[8] См.: Решение Головинского районного суда г. Москвы от 5 декабря 2015 г. по делу № 2-6205/14. URL: https://sud-praktika.ru/precedent/9666.html.

[9] См.: Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 22 октября 2019 г. № 4-КГ19-55, 2-598/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

[10] Определение Верховного Суда РФ от 18 июля 2017 г. № 5-КГ17-76. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-18072017-n-5-kg17-76/.

нию имущества не предпринимало), тем не менее, было отказано в иске[11]. Отменяя вынесенное решение и удовлетворяя заявленные требования, судебная коллегия указала следующее: длительность открытого и непрерывного владения в совокупности с положениями об отказе от права собственности и о бесхозяйных вещах, а также о начале течения срока приобретательной давности с момента истечения срока давности для истребования вещи предполагают, что титульный собственник либо публичное образование, к которому имущество должно перейти в силу бесхозяйности либо выморочности имущества, не проявляли какого-либо интереса к этому имуществу, не заявляли о своих правах на него, фактически отказались от прав на него, устранились от владения имуществом и его содержания.

Целью нормы о приобретательной давности является *возвращение фактически брошенного имущества в гражданский оборот, включая его надлежащее содержание, безопасное состояние, уплату налогов и т.п.*

И далее: требование о добросовестном заблуждении в течение всего срока владения противоречит смыслу положений ст. 234 ГК РФ, без какого-либо разумного объяснения препятствует возвращению вещи в гражданский оборот и лишает лицо, открыто и добросовестно владеющее чужой вещью как своей, заботящееся об этом имуществе и несущее расходы на его содержание, не нарушая при этом ничьих прав, легализовать такое владение, оформив право собственности на основании ст. 234 ГК РФ[12].

В пользу этого подхода говорит и еще один фактор, который, возможно, учитывается судами де факто, однако не кладется в основу решения: закрепление за муниципальным образованием доли в праве в размере, например, 1/8 или 1/4 явно не способствует эффективному осуществлению права собственности ни самим публично-правовым образованием, ни другими участниками общей собственности, ибо осуществление таких прав затруднено практически и нецелесообразно с экономической точки зрения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гражданское право : в 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. — Москва : Волтерс Клувер, 2008. — Т. 2: Вещное право. Наследственное право. Исключительные права. Личные неимущественные права. — 496 с.

2. Дернбург Г. Пандекты / под ред. А.С. Кривцова ; пер. с нем. А.Г. Гойхбарга, Б.И. Элькина. — Санкт-Петербург : Изд. юридического книжного склада «Право», 1911. — Т. 3: Семейное и наследственное право (кн. 4, 5). — 496 с.

3. Дорохин В.С. Ричард Познер и его теория максимизации благосостояния // Правоведение. — 2017. — № 3. — С. 28—45.

4. Иоффе О.С. Избранные труды. — Санкт-Петербург : Юридический центр пресс, 2004. — Т. 2: Советское гражданское право. — 511 с.

5. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации / под ред. А.П. Сергеева. — 2-е изд. — Москва : Проспект, 2010. — Ч. 1. — 912 с.

6. Костин В.В. Принципы осуществления и защиты права собственности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. — Москва, 2005. — 177 с.

7. Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110—1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. Е.Ю. Петров. — Москва : М-Логос, 2018. — 656 с.

8. Рудоквас А.Д. Спорные вопросы учения о приобретательной давности : монография. — Москва : Закон, 2011. — 303 с.

9. Суханов Е.А. Социальное лицо гражданского права (к постановке вопроса) // Гражданское право в социальном государстве : сб. ст. к 90-летию со дня рождения проф. А.Л. Маковского (1930—2020) / отв. ред. В.В. Витрянский и Е.А. Суханов. — Москва : Статут, 2020. — С. 24—36.

10. Тарандо Е. Е. Современная трудовая теория собственности: концептуальные основы и круг проблем // Общество. Среда. Развитие. — 2013. — № 2 (27). — С. 77—81.

REFERENCES

1. Sukhanov E.A. (ed.). *Grazhdanskoe parvo* [Civil Law]. Moscow, Volters Kluver Publ., 2008. Vol. 2. 496 p.

2. Dernburg Heinrich. *Pandekten*. 5. verb. Aufl. Berlin, Müller, 1903. Bd. 3: Familien — und Erbrecht. 1903. 368 S. (Russ. ed.: Dernburg H., Krivtsov A.S. (ed.). *Pandekty*. Saint Petersburg, Pravo Publ., 1911. Vol. 3. 495 p.).

[11] Решение Щербинского районного суда города Москвы от 9 февраля 2021 г. по делу № 2-1064/2021. URL: https://mos-gorsud.ru/rs/shcherbinskij/services/cases/civil/details/653f3a2d-5fc0-4cc9-aeef-ed58ea67dd64.

[12] Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 12 августа 2021 г. по делу № 33-28929/21. URL: https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/1aaba300-e3d4-11eb-8cc3-1337e03aa689.

3. Dorokhin V.S. Richard Posner and his theory of wealth maximization. *Pravovedenie = Legal Science*, 2017, no. 3, pp. 28—45. (In Russian).

4. Ioffe O.S. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Saint Petersburg, Yuridicheskii tsentr press, 2004. Vol. 2. 511 p.

5. Sergeev A.P. (ed.). *Kommentarii k Grazhdanskomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii, chasti pervoi* [Commentary to the Civil Code of the Russian Federation]. Moscow, Prospekt Publ., 2010. Part. 1. 912 p.

6. Kostin V.V. *Printsipy osushchestvleniya i zashchity prava sobstvennosti. Kand. Diss.* [Principles of implementation and protection of property rights. Cand. Diss.]. Moscow, 2005. 177 p.

7. Petrov E.Yu. (ed.). *Nasledstvennoe pravo: postateinyi kommentarii k stat'yam 1110—1185, 1224 Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii* [Inheritance law: article-by-article commentary for articles 1110—1185, 1224 of the Civil Code of the Russian Federation]. Moscow, M-Logos Publ., 2018. 656 p.

8. Rudokvas A.D. *Spornye voprosy ucheniya o priobretatel'noi davnosti* [Controversial issues of the doctrine of the acquisition prescription]. Moscow, Zakon Publ., 2011. 303 p.

9. Sukhanov E.A. Social person of civil law (to the statement of the issue). In Vitryanskii V.V., Sukhanov E.A. (eds). *Grazhdanskoe pravo v sotsial'nom gosudarstve. Materialy k 90-letiyu so dnya rozhdeniya professora A.L. Makovskogo (1930—2020)* [Civil right in social state. Materials to the 90th anniversary of Professor A.L. Makovsky (1930—2020)]. Moscow, Statut Publ., pp. 24—36. (In Russian).

10. Tarando E.E. Movern labor theory of property: conceptual grounds and a range of problems. *Terra Humana*, 2013, no. 2 (27), pp. 77—81. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ламбаев Жаргал Тумунович (Улан-Удэ) — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова (670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 6, e-mail: lambaev2010@yandex.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lambaev, Zhargal T. (Ulan-Ude) — PhD in Law, Ass. Professor of the Civil Law and Procedure Department, Dorji Banzarov Buryat State University (Sukhe-Bator str., 6, 670000, Ulan-Ude, e-mail: lambaev2010@yandex.ru).

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО
CIVIL LAW

УДК 343.535

А.Г. Марценюк
Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России),
Иркутск, Российская Федерация
ORCID:0000-0002-2880-3636
ResearcherID: ABB-9393-2021

ЗАЩИТА ЕДИНСТВЕННОГО ЖИЛЬЯ ПРИ БАНКРОТСТВЕ ГРАЖДАНИНА: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2022. — № 2. — С. 57—64.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2022.2.7.
Дата поступления 18.02.2022, дата принятия к печати 15.06.2022, дата онлайн-размещения 30.06.2022.

АННОТАЦИЯ

Важным аспектом при банкротстве граждан являются вопросы, возникающие при реализации имущества, в частности, единственного жилья, принадлежащего на праве собственности и являющегося для банкрота и членов его семьи единственным пригодным для постоянного проживания. Несмотря на существующую регламентацию об исключении такого жилого помещения из конкурсной массы при введении реализации имущества должника, судебная практика, руководствуясь недобросовестными действиями должников, злоупотреблениями с их стороны, вынуждена вырабатывать иные подходы к установленному исполнительскому иммунитету. Нормы, регулирующие вопросы реализации единственного жилья гражданина в делах о несостоятельности (банкротстве), требуют уточнений. В частности, обоснована необходимость законодательного закрепления требований, предъявляемых к единственному жилью и сформулированы подходы к определению понятия роскошности единственного жилого помещения. Указано, что совершенствование законодателем регулирования данного вопроса должно быть осуществлено с соблюдением соотношения исполнительского иммунитета и удовлетворения требований кредиторов. Установлено, что отсутствие законодательной регламентации, позволяющей определить критерии единственного жилья гражданина-должника порождает процессуальные сложности при рассмотрении вопросов судами, связанных с единственным жильем, что приводит к нарушению прав должников, членов их семей и кредиторов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Банкротство граждан; потребительское банкротство; исполнительский иммунитет; единственное жилье; реализация имущества; кредитор; добросовестность.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Марценюк А.Г. Защита единственного жилья при банкротстве гражданина: проблемы правоприменения // Пролог: журнал о праве. — 2022. — № 2. — С. 57—64. — DOI: 10.21639/2313-6715.2022.2.7.

UDC 343.535

A.G. Martseniuk
Irkutsk Institute (Branch),
All-Russian State University of Justice,
Irkutsk, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-2880-3636
ResearcherID: ABB-9393-2021

PROTECTION OF THE SOLE DWELLING IN THE POSSESSION OF THE BANKRUPT CITIZEN: LAW ENFORCEMENT ISSUES

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal, 2022, no. 2, pp. 57—64.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2022.2.7.
Received 18.02.2022, accepted 15.06.2022, available online 30.06.2022.

ABSTRACT

The important aspect while considering the bankruptcy of citizens represents issues that rise while realization of dwelling, in particular, when this dwelling is the only place of living that belong to the family of the bankrupt person. This dwelling is also the only place suitable for living for such family. In spite of the existing regulation of exclusion of such residential premises from the contest lot of premises when the dwelling is taken from the debtor. Representatives of the legal practice, taking into consideration the unscrupulous actions of the debtor, abuses from their part, have to take other approaches to the established executive immunity. The norms that regulate the issues of the realization of the sole dwelling of the bankrupt citizen, has to be more precise. In particular, there is the need to legally reinforce the requirements that are submitted to the sole dwelling of the debtor. Likewise, there is the necessity to establish the level of luxury of the sole dwelling. It is stated that this issue should be regulated by the lawmaker in accordance with the executive immunity and by meeting creditors' requirements. Whereas, as it is stated, if the legislative regulations are absent and they do not allow determining the criteria of the sole dwelling of the debtor, it leads to various procedural complications when the case goes to court. In case of taking sole property of the debtor, his or her rights are violated as well as the rights of the members of his or her family and the rights of creditors.

KEYWORDS

Bankruptcy of citizens; consumer bankruptcy; executive immunity; sole dwelling; realization of property; creditor; honesty.

FOR CITATION

Martseniuk A.G. Protection of the Sole Dwelling in the Possession of the Bankrupt Citizen: Law Enforcement Issues. *Prologue: Law Journal*, 2022, no. 2, pp. 57—64. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2022.2.7.

Общий уровень падения реальных доходов населения повлек за собой рост долговой нагрузки граждан, что подтверждается статистикой потребительских банкротств. По данным, опубликованным в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве, за период существования процедуры потребительского банкротства с октября 2015 г. по конец 2020 года несостоятельными были признаны 282 284 гражданина[1]. За первое полугодие 2021 г. уровень потребительских банкротств составил четверть от всего количества, которое приближено к 370 тыс. граждан.

Проблематика обращения взыскания на единственное жилое помещение активно обсуждается в научной литературе. Это предопределено неоднозначностью сложившейся судебной практики относительно разрешения вопросов, затрагивающих исполнительский иммунитет. Более узким вопросом этой проблемы является обращение взыскание на такое помещение в рамках процедуры банкротства гражданина.

Сгруппируем и проанализируем основные теоретические и практические проблемы, возникающие в ходе банкротства физического лица, владеющего единственным жильем.

Рассмотрим положения ст. 213.25 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»,[2] согласно которой все имущество гражданина, которое имеется на дату принятия арбитражным судом решения о признании его банкротом и введения дальнейшей реализации имущества, выявленное или приобретенное после даты принятия такого решения, составляет конкурсную массу, однако за некоторым исключением. Перечень таких исключений содержится в статье 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации[3].

Как верно отмечает В.А. Гуреев, одним из принципов исполнительского производства является принцип неприкосновенности минимума имущества, необходимого для существования должника-гражданина и членов его семьи [1]. Так, целью установления имущественного иммунитета для физических лиц является обеспечение должника и лиц, находящихся на его иждивении, единственным жильем, пригодным для проживания, от наступления возможных рисков, связанных с обращением взыскания на него по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)».

В данной статье остановимся исключительно на невозможности обращения взыскания на единственное жилье банкрота в связи с участившимися злоупотреблениями со стороны граждан, которые ссылаются на нормы закона об исключении единственного жилого помещения, находящегося на праве собственности, из конкурсной массы. Еще в 2012 году Конституционным Судом РФ было отмечено, что правовое регулирование в части запрета обращения взыскания по исполнительным документам на определенные виды имущества в силу его целевого назначения, свойств и признаков, характеризующих субъекта, в чьей собственности оно находится, как раз-таки обусловило стремление федерального законодателя путем предоставления гражданину-должнику имущественного (исполнительского) иммунитета сохранить за ним и лицами, находящимися на его иждивении, условия, необходимые для достойного существования[4]. Вопрос предела действия исполнительского иммунитета при обращении взыскания на принадлежащие должнику на праве собственности жилые помещения, уже рассматривался Конституционным Судом Российской Федерации[5]. По настоящее время никаких шагов по разрешению предела действия исполнительского иммунитета принято не было, также не были предложены характеристики, определяющие требования к таким жилым помещениям.

В 2012 году Депутатами Государственной Думы был внесен законопроект № 175340-6 «О внесении изменений в статью 446 ГПК РФ (о пределах имущественного иммунитета на

---

[1] Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности. URL: https://fedresurs.ru.

[2] О несостоятельности (банкротстве) : Федер. закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 2 июля 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190. (Далее — Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)».

[3] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532. (Далее — ГПК РФ).

[4] Постановление Конституционного Суда РФ от 14 мая 2012 г. № 11-П по делу о проверке конституционности положения абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф.Х. Гумеровой и Ю.А. Шикунова // СПС «КонсультантПлюс».

[5] Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Октябрьского районного суда города Ижевска о проверке конституционности абзацев первого и второго пункта 1 статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституц. Суда РФ от 4 дек. 2003 г. № 456-О // СПС «КонсультантПлюс».

единственное пригодное для проживания жилое помещение)»[6]. Субъектами права законодательной инициативы предлагалось определить пределы действия имущественного (исполнительского) иммунитета применительно к единственно пригодному для постоянного проживания гражданина-должника и членов его семьи жилому помещению с тем, чтобы обеспечить возможность удовлетворения имущественных интересов кредитора. Профильным Комитетом Государственной Думы по государственному строительству и законодательству данный проект не был поддержан в связи с отсутствием в нем порядка реализации жилого помещения, на которое обращается взыскание, а также порядка приобретения иного жилого помещения взамен того, на которое обращено взыскание. Также Комитет отметил, что, исходя из текста законопроекта, представляется неясным, каким образом будет производиться оценка стоимости имущества, кем именно будет подбираться такое жилое помещение, в которое подлежит переселению должник и совместно проживающие с ним члены его семьи, где указанные лица будут проживать после продажи взыскиваемого жилого помещения до момента приобретения нового жилого помещения, в какие сроки должно быть приобретено новое жилое помещение. Кроме того, в обосновании Комитет обратил внимание на отсутствие положений, посвященных основаниям, по которым бы проводилось обращение взыскания на жилое помещение, если оно является для указанных лиц единственно пригодным для постоянного проживания. В итоге данный проект был отклонен большинством голосов в первом чтении.

Говоря о целевом предназначении исполнительского иммунитета, Конституционный Суд в Постановлении № 11-П обратил внимание на необходимость соблюдения принципа соразмерности при обеспечении защиты прав и законных интересов участников исполнительного производства и счел необходимым провести уточнение абзаца второго части первой статье 446 ГПК относительно размеров жилого помещения[7]. Исходя из буквального толкования вышеуказанной статьи, правоприменителем не в каждой жизненной ситуации может быть обеспечен надлежащий баланс законных интересов кредиторов и должника. Положение статьи 446 ГПК РФ в приведенной части не может рассматриваться как не допускающее ухудшения жилищных условий гражданина-должника и членов его семьи лишь на том основании, что принадлежащее должнику на праве собственности жилое помещение независимо от его количественных и качественных характеристик, включая стоимостные, является для указанных лиц единственным пригодным для постоянного проживания.

Более того, статья 446 ГПК РФ в рассматриваемой части даже не включает примерных показателей, благодаря которым можно было бы определить уровень обеспеченности жильем как разумно достаточного. В наши дни рынок жилья активно развивается, и изменение структуры жилищного фонда может вызвать несоразмерное и не закрепленное конституционно значимой целью ограничение прав кредиторов. Отсутствие средних показателей применительно к площади и стоимости единственного жилого помещения, а также в целом дифференцированного подхода, порождает сложности при рассмотрении доводов в судах как со стороны должника, так и кредиторов.

В 2018 году в Постановлении «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» Пленум Верховного Суда РФ четко обозначил, что при наличии у должника нескольких жилых помещений, принадлежащих последнему на праве собственности, помещение, в отношении которого предоставляется исполнительский иммунитет, определяется судом, рассматривающим дело о банкротстве, исходя из необходимости как удовлетворения требований кредиторов, так и защиты конституционного права на жилище самого должника и членов его семьи, обеспечивая указанным лицам нормальные условия существования и гарантий их социально-экономических прав[8]. Кроме этого, согласно указанному Постановлению, не подлежит признанию недействительной сделка, направленная на отчуждение должником жилого помещения, если на момент рассмотрения дела в таком помещении совместно продолжают проживать банкрот и члены его семьи и при возврате помещения в конкурсную массу оно будет защищено исполнительским иммунитетом.

Так, банкроту принадлежали на праве собственности квартира стоимостью почти 21

[6] Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации : офиц. сайт. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/175340-6.

[7] Постановление Конституционного Суда РФ от 14 мая 2012 г. № 11-П // Российская газета. 2012. 21 дек.

[8] О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан : Постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 25 дек. 2018 г. № 48 // СПС «КонсультантПлюс».

млн. р. и дом, стоимость которого составляла 1 млн. р. Уровень комфорта, разница в жилой площади и рыночная стоимость двух жилых объектов значительно отличались. Изучив все обстоятельства данного дела, судом было принято решение о продаже дорогостоящей квартиры, несмотря на условия и уровень комфорта, имеющиеся в частном доме[9].

Несмотря на то, что вышеуказанное постановление было разработано уже в 2018 году и вопрос о необходимости введения более четких характеристик, предъявляемых к единственному жилью, назревал, Пленумом Верховного Суда РФ так и не были введены такие уточнения, что негативно сказывается на разрешении споров по таким делам.

Остановимся подробно на категории добросовестности. Ключевым фактором при рассмотрении любого дела, в ходе которого ставится вопрос о возможности исключении единственного жилья должника из конкурсной массы, является добросовестность его поведения [10].

С.А. Карелина придерживается мнения о том, что одним из условий применения механизма банкротства граждан является правомерное поведение должника (добросовестность) и недопущение им правонарушений в сфере банкротства. Важно учитывать, что сомнения в добросовестности гражданина-должника могут быть выражены в виде злоупотреблений с его стороны посредством использования норм о реабилитации в интересах собственного обогащения, через формирование предпосылок для создания различных афер с целью финансового обогащения, через приоритетное погашение или освобождение от исполнения обязательств перед отдельными кредиторами в ущерб другим, а также в возможностях погашения требований путем создания каких-либо препятствий, блокирующих возможность полного удовлетворения требований кредиторов [6, с. 371 – 372]. Можно с уверенностью констатировать рост участившихся случаев, при которых банкроты ведут себя недобросовестно, намеренно нарушая принцип баланса интересов между должником и кредитором, надеясь на гарантированное применение судом абзаца второго части первой статьи 446 ГПК РФ. Особое внимание на важность поведения должника обращает А.В. Саркисян, подробно анализирующий Определение судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 29 ноября 2018 г. № 305-ЭС18-15724 [8].

Как справедливо отмечает П.М. Морхат, установление пределов действия исполнительского иммунитета должно быть направлено именно на недобросовестных должников, которые выводят дорогостоящее жилье из-под взыскания и освобождаются от долгов [5].

Как недобросовестные действия должника может быть расценена ситуация, когда в преддверии банкротства он добровольно снимается с регистрационного учета в одном месте с тем, чтобы зарегистрироваться в принадлежащем ему на праве собственности единственном жилом помещении [9].

Заслуживающим внимания является Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 14 февраля 2020 г. № 17АП-2517/2019(4)-АК по делу № А50-34786/2017, в котором должник пытался исключить из конкурсной массы квартиру площадью более 600 кв.м. (если точнее, это были две квартиры, объединенные в одну)[10]. В другом, схожем по обстоятельствам деле, судом отмечено, что жилой дом, возвращенный в конкурсную массу, многократно превышает размер жилого помещения, необходимого для реализации должником права на жилище – соответственно в удовлетворении заявления должника об исключении спорного имущества из конкурсной массы было отказано[11]. Из анализа приведенных примеров можно резюмировать, что законодательное отсутствие характеристик, присущих единственному жилому помещению гражданина-должника, порождает сложности при разрешении таких споров судами. Должники пытаются найти различные способы сохранения своего единственного жилья независимо от стоимостных показателей жилой площади, от размера жилой площади, от месторасположения такого жилья относительно региона, отдаленности от центра города (элитный жилой комплекс, «сталинская высотка» и др.).

Интересным представляется точка зрения Н.С. Бондаря, который обратил внимание, что использованный законодателем при установлении имущественного (исполнительского) иммунитета в соответствующей его части формальный критерий, выраженный в признаке единственности жилого помещения, пригодного для постоянного прожива-

[9] Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 4 октября 2017 г. № Ф07-436/2017 по делу № А56-71357/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

[10] Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 14 февраля 2020 г. № 17АП-2517/2019(4)-АК по делу № А50-34786/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

[11] Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 6 октября 202 г. № Ф04-7359/2019 по делу № А45-2083/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

ния гражданина-должника, лишает судебные органы, рассматривающие соответствующую категорию дел, их дискреционных полномочий, необходимых для достижения целей правосудия и установления справедливости по конкретному делу [2].

Такое утверждение среди прочего подтверждает необходимость законодательного введения характеристик, позволяющих признать жилое помещение единственным и раскрыть критерии роскошности и достаточности относительно него.

В теории существует мнение, согласно которому единственным верным способом разрешения существующих в настоящее время противоречий (так и неиспользованным законодателем) послужит формулировка четких критериев достаточности жилья [4]. Ведь существующие нормы, предъявляемые к положениям о социальном найме, имеют другие цели и не могут быть использованы для определения размеров жилой площади в подобных делах. К таким нормам прибегают лишь для того, чтобы определить, сколько квадратных метров достаточно должнику для нормального существования.

Спустя продолжительный период времени важным толчком в решении всех вышеперечисленных вопросов стало обращение гражданин И.И. Ревкова с жалобой в Конституционный суд о проверке конституционности положений абзаца второго части первой статьи 446 ГПК РФ и пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»[12]. Содержание и значимость данного документа по-разному интерпретируется специалистами. Так, некоторые ученые отмечают важность и положительные стороны данного документа, кто-то из них, наоборот, раскрывает его недостатки.

М.Л. Гальперин, в частности, подчеркивает, что заслуга Конституционного Суда состоит в следующем: именно наличие явной недобросовестности должника по отношению к кредитору может выступить тем решающим фактором, который оправдает с точки зрения конституционного баланса ценностей лишение должника не просто права собственности, а права на жилище его самого и членов его семьи [3].

Судьями Конституционного суда вопрос о признании нормы ст. 446 ГПК РФ неконституционной так и не был решен. Таким образом, окончательное разрешение ситуации по установлению пределов иммунитета ложится на плечи законодателя. Р.Т. Мифтахутдинов считает, что недостаточность данного Постановления состоит в неиспользовании характеристики «роскошное» применительно к единственному жилью: нельзя руководствоваться правилом «давайте продадим то, что дороже, и взамен купим то, что дешевле, потому что разницу можно отдать кредиторам», так как вопрос о возможности обращения взыскания должен быть поставлен только тогда, когда жилище, в котором проживает должник, очевидно является не нормальным и достойным, а избыточно роскошным [3]. Несомненно, данное мнение заслуживает внимания и включения в проработку на законодательном уровне.

Интересным представляется позиция Б.М. Гонгало в части требований, которым должно отвечать предоставляемое должнику и членам его семьи жилое помещение, и в части необходимости включения таких требований в закон в форме, характерной для регулятивных норм [3]. Данная точка зрения представляется верной, так как предложение о включении в закон таких требований позволит судам объективно разрешать споры о единственном жилье гражданина-должника.

Также Б.М. Гонгало не исключает применения правотворческого и правоприменительного опыта советского периода (например, ст. 96, 40, 41 ЖК РСФСР, постановлений судебных органов). Необходимо, чтобы жилье являлось благоустроенным применительно к условиям конкретного населенного пункта; отвечало установленным санитарным и техническим требованиям; не должно допускаться заселение одной комнаты лицами разного пола (кроме супругов); не менее важным является и состояние здоровья граждан, проживающих с должником.

В научной литературе в качестве примера предложен ряд обстоятельств, которые необходимо доказать юристам при рассмотрении дел о предоставлении исполнительского иммунитета единственного жилья должника. К таким обстоятельствам следует отнести: добросовестность должника; давность приобретения жилья; момент возникновения задолженности и неплатежеспособности; место жительства; размер единственного жилья; количество лиц, проживающих с должником; стоимость жилья и размер кредиторской задолженности [2].

Проанализировав вышеизложенное, подробно рассмотрев различные подходы ученых к вопросу исполнительского иммунитета, сто-

[12] Постановление Конституционного Суда РФ от 26 апреля 2021 г. № 15-П по делу о проверке конституционности положений абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «КонсультантПлюс».

ит всецело поддержать значимость изложенной позиции Конституционного Суда, так как цель исполнительского иммунитета состоит в сохранении минимально необходимого имущества, удовлетворяющего нормальное существование должника и членов его семьи, но никак негарантированное, несмотря ни на какие обстоятельства, сохранение такого имущества за должником. Граждане-банкроты зачастую создают искусственную видимость невозможности погашения требований перед кредиторами в полном объеме в связи с тем, что заведомо знают о работающей статье, регламентирующей иммунитет на единственное жилье.

В силу положений Постановления Конституционного суда № 15-П в случаях доказанности недобросовестных действий банкрота, взыскание долга будет более перспективно. Конституционный суд повторно призывает законодателя принять соответствующие поправки в российское законодательство в целях преодоления действия исполнительского иммунитета. Приведенный выше пример внесенного Депутатами Государственной Думы законопроекта нельзя отнести к успешному опыту, более того — работа в указанном направлении не была продолжена. Также нельзя поспорить и с тем, что закон не успевает за развитием судебной практики и существенно тормозит совершенствование института банкротства в этой части, ограничивая судей в возможности обращать взыскание на единственное жилье должников. В своих решениях судьи в приоритетном порядке оценивают соблюдение предусмотренных Конституцией Российской Федерации фундаментальных принципов: о праве частной собственности, о неприкосновенности жилища и другие, непосредственно с ними связанные[13].

Осуществление взыскания на единственное жилье должника будет возможным в случае соблюдения условий, при которых должник и члены его семьи не должны будут оставаться без пригодного для проживания жилого помещения, изменять место жительства (территорию поселения), за исключением согласия со стороны должника, а реализация единственного жилья выполняться с возможностью проведения расчетов по обязательствам перед кредиторами, если большая часть кредиторской задолженности все же будет покрыта. Так, помимо необходимости установления критериев роскошности, достаточности жилья, также назрела необходимость формализовать схему замены большей по площади недвижимости на меньшую. Вопрос о необходимости принятия мер по конкретизации механизма обращения взыскания на единственное жилье, который возможно de lege lata использовать для удовлетворения требований кредиторов, также освещался в научных трудах [8].

В большинстве своем за банкротством граждан стоит спасение дорогостоящего имущества, которое, как правило, влечет ущемление прав кредиторов. Суды продолжат ссылаться на положения, принятые Постановлением КС № 15-П, до тех пор, пока законодатель не прибегнет к работе над изменениями нормативных правовых актов, которые с нетерпением ждут большинство практикующих юристов.

Подводя итоги, необходимо выделить наиболее применимые характеристики, законодательное закрепление которых окажет позитивный эффект на разрешение вопросов, связанных с исполнительским иммунитетом:

— легальное определение добросовестности в действиях должника применительно к исполнительскому иммунитету;

— легальное определение роскошности единственного жилого помещения;

— давность приобретения жилого помещения;

— разъяснение понятия «место жительства должника» (определение по месту регистрации, строго по ГК РФ);

— размеры минимально допустимой площади единственного жилья;

— соотношение площади единственного жилья и количества членов семьи, проживающих с должником;

— стоимость единственного жилья (путем проведения оценочных мероприятий);

— порядок замены большего по площади единственного жилого помещения на меньшее;

— недопустимость понуждения к изменению места проживания должника и членов его семьи (переезд должника ведет к проблемам, непосредственно связанным с его работой, закреплением за организациями, в которых должник и члены его семьи проходят медицинское наблюдение, где осуществляется процесс обучения детей в дошкольных и общеобразовательных учреждениях — очевидно, что местность, в которой проживает гражданин-должник не ограничивается только его жилищем);

— обоснование отказа от исполнительского иммунитета должно иметь реальный экономический смысл.

[13] Конституция Российской Федерации (принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/ Document/ View/0001202007040001.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гуреев В.А. Современное восприятие исполнительского иммунитета в отношении единственного жилья должника в рамках процессуального законодательства // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2019. — № 5. — С. 31—35.

2. Джафаров И. Исполнительский иммунитет единственного жилья должника: новый вектор судебной практики // Жилищное право. — 2021. — № 9. — С. 67—70.

3. Исполнительский иммунитет в отношении единственного жилья: разрубил ли Конституционный Суд гордиев узел? / Л. Михеева, М. Гальперин, В. Ярков [и др.] // Закон. — 2021. — № 5. — С. 18—30.

4. Кредиторы не вправе решать судьбу единственного жилья должника / В. Лосева, О. Гринев, П. Двойченков [и др.] // Жилищное право. — 2020. — № 11. — С. 95—107.

5. Мохрат П.М. Обращение взыскания на единственное жилье должника-банкрота: теоретико-правовой аспект и анализ судебной практики // Судья. — 2020. — № 9. — С. 55—60.

6. Несостоятельность (банкротство) : учеб. курс: в 2 т. / под ред. С.А. Карелиной. — Москва : Статут, 2019. — Т. 2. — 848 с.

7. Обращение взыскания на единственное жилье: в поисках баланса интересов / Н. Бондарь, А. Клишас, Р. Мифтахутдинов [и др.] // Закон. — 2018. — № 12. — С. 27—45.

8. Саркисян А.В. Обращение взыскания на единственное жилье при банкротстве: поиск баланса ценностей // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2019. — № 7. — С. 12—20.

9. Струков К. Банкротство физического лица: когда могут отнять единственное жилье // Жилищное право. — 2020. — № 10. — С. 29—37.

10. Харитонова Ю.С. Исполнительский иммунитет единственного жилья гражданина и доктрина добросовестности участников оборота // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2019. — № 5. — С. 26—31.

REFERENCES

1. Gureev B.A. Modern perception of executive immunity in respect of the debtor's sole dwelling within the framework of procedural legislation. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Law of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2019, no. 5, pp. 31—35. (In Russian).

2. Dzhafarov I. Executive immunity of the debtor's sole dwelling: a new vector of judicial practice. *Zhilishchnoe pravo = Housing Law*, 2021, no. 9, pp. 67—70. (In Russian).

3. Miheeva L., Gal'perin M., Yarkov V. et. al. Executive immunity in respect of the sole dwelling: Did the Constitutional Court cut the guardian knot? *Zakon = Law*, 2021, no. 5, pp. 18—30. (In Russian).

4. Loseva V., Grinev O., Dvoichenkov P. et. al. Creditors have no right to decide on the destiny of the sole dwelling of the debtor. *Zhilishchnoe pravo = Housing Law*, 2020, no. 11, pp. 95—107. (In Russian).

5. Morkhat P.M. Levying execution against the sole housing of an insolvent debtor: theoretical aspect and case-law analysis. *Sud'ya = Judge*, 2020, no. 9, pp. 55—60. (In Russian).

6. Karelina S.A. (ed.). *Nesostoyatel'nost' (bankrotstvo)* [Insolvency (bankruptcy)]. Moscow, Statut Publ., 2019. Vol. 2. 848 p.

7. Bondar' N., Klishas A., Miftakhutdinov R. et. al. Foreclosure on a sole dwelling: in search of the balance of interests. *Zakon = Law*, 2018, no. 12, pp. 27—45. (In Russian).

8. Sarkisian A.V. Foreclosure on a sole residence in bankruptcy: the search for a balance of values. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*, 2019, no. 7, pp. 12—20. (In Russian).

9. Strukov K. Bankruptcy of an individual: cases when the sole dwelling can be taken away. *Zhilishchnoe pravo = Housing law*, 2020, no. 10, pp. 29—37. (In Russian).

10. Kharitonova Yu.S. Executive immunity of the sole dwelling of the citizen and the doctrine of good faith of participants of turnover. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Law of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2019, no. 5, pp. 26—31. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Марценюк Александра Георгиевна (Иркутск) — аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), помощник Депутата Государственной Думы (664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: ezhik94@mail.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Martseniuk, Alexandra G. (Irkutsk) — Postgraduate Student of the Civil and Business Law Department, Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice, Assistant to the Deputy of the State Duma (Nekrasov st., 4, 664011, Irkutsk, e-mail: e-mail: ezhik94@mail.ru).

УДК 343; 341.4

А.А. Сергеева
Санкт-Петербургский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)
ORCID: 0000-0002-6792-6372
ResearcherID: AAD-2680-2021

К.В. Питулько
Санкт-Петербургский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)
ORCID: 0000-0002-2090-6227
ResearcherID: AAA-2534-2021

ДИСКРИМИНАЦИЯ В СПОРТЕ: ПОНЯТИЕ, ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И МЕТОДЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2022. — № 2. — С. 65—74.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2022.2.8.
Дата поступления 31.01.2022, дата принятия к печати 15.06.2022, дата онлайн-размещения 30.06.2022.

АННОТАЦИЯ

В статье исследованы актуальные вопросы квалификации дискриминационных проявлений в спортивных отношениях. Авторами выявлены две формы дискриминационного поведения, одна из которых состоит в унижении достоинства личности по признаку отношения к определенным социальным группам, а вторая — в создании ограничений в сфере допуска к участию в спортивных соревнованиях, мотивированных неверным истолкованием равных возможностей спортсменов. При этом первая форма дискриминации — это фактически компонент экстремизма, тогда как вторая, будучи атипичной, имеет сложную медико-правовую природу, не имеющую в современный период адекватного закрепления в нормах спортивного права. Эффективно противодействовать ординарной форме дискриминации возможно с использованием административно-правовых и уголовно-правовых инструментов. Авторами обобщен значительный объем эмпирического материала, из которого следует, что правоприменительная практика в данном направлении требует оптимизации. В системе действующего правового регулирования спортивных отношений приоритетным является возложение штрафных санкций на спортивные организации, если их члены или участники спортивных мероприятий допускают проявления дискриминации. Персональная ответственность лиц, виновных в ее проявлении, наступает достаточно редко, что не соответствует характеру и степени общественной опасности дискриминационного поведения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Спорт; дискриминация; спортивные соревнования; преступление; правонарушение.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ Сергеева А.А., Питулько К.В. Дискриминация в спорте: понятие, правовая природа и методы противодействия // Пролог: журнал о праве. — 2022. — № 2. — С. 65—74. — DOI: 10.21639/2313-6715.2022.2.8.

UDC 343; 341.4

A.A. Sergeeva
Saint Petersburg Institute (Branch),
All-Russian State University of Justice
Saint Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-6792-6372
ResearcherID: AAD-2680-2021

K.V. Pitulko
Saint Petersburg Institute (Branch),
All-Russian State University of Justice
Saint Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-2090-6227
ResearcherID: AAA-2534-2021

DISCRIMINATION IN SPORT'S SPHERE: CONCEPT, LEGAL NATURE AND METHODS OF COUNTERACTION

PUBLICATION DATA *Prologue: Law Journal*, 2022, no. 2, pp. 65—74.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2022.2.8.
Received 31.01.2022, accepted 15.06.2022, available online 30.06.2022.

ABSTRACT The authors of the article analyze current issues of how to qualify discrimination manifestations in relations to sports events. The authors distinguish two forms of the discrimination behavior; one of them represents the demeaning of dignity of the person on the ground of the person's belonging to a certain social group. The second form relates to creating the restrictions to access to sports events participation based on the wrong interpretation of the equal opportunities of sportsmen. The first form of discrimination can be viewed as an actual component of extremism whereas the second one, being atypical, has complicated medical and legal nature that is not appropriately reflected in the legal norms of the sports legislation. Counteraction to the ordinary form of discrimination is feasible when one uses administrative and criminal legal instruments. The authors summarize significant volume of empirical material that shows the need for optimization of the law enforcement practice in this field. In the system of current law regulation of sports events, the priority is in imposing penalties on sports organizations if their members or participants of sports events allow manifestation of discrimination. People who are directly accountable for the discrimination manifestations rarely are found personally responsible for that which is not related at all to the character and degree of the social danger of discriminatory behavior.

KEYWORDS Sport; discrimination; sport competition; crime; violation.

FOR CITATION Sergeeva A.A., Pitulko K.V. Discrimination in Sport's Sphere: Concept, Legal Nature and Methods of Counteraction. *Prologue: Law Journal*, 2022, no. 2, pp. 65—74. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2022.2.8.

В современный период возрастает роль спорта в социальной жизни. В большинстве государств, в том числе и в России, формируется политика приобщения населения к здоровому образу жизни, разрабатываются стратегические программы, направленные на увеличение доли граждан, регулярно занимающихся спортом, активно развивается фитнесс-индустрия и другие формы проведения любительских спортивных занятий. Профессиональный спорт как совокупность зрелищных мероприятий успешно коммерциализирован, и соревнования в единоличных и командных видах спорта востребованы среди миллионов болельщиков. Общегуманитарная миссия спорта широко используется как средство воспитания толерантности. Однако, несмотря на перечисленные обстоятельства, дискриминация как негативное явление, сопровождающее спортивные мероприятия, не изжита в полном объеме. Ее основные детерминанты связаны с низким уровнем культуры, правовым нигилизмом, ксенофобией и нетерпимостью. Проявления дискриминации отрицательно влияют как на спортсменов, психика которых и без того подвергается серьезным перегрузкам, так и на общество, к сожалению, отягощённое наличием предубеждений на этнической, конфессиональной и расовой почве.

Проявления враждебности, нетерпимости в современном профессиональном спорте стали предметом научных исследований в большей степени во взаимосвязи с самореализацией во многих его видах лиц с ограниченными возможностями [4, с. 233 – 236], а также в контексте политических предпочтений и гражданства спортсменов [3, с. 133 – 136]. В обоих случаях следует констатировать достижение спортивным сообществом положительных результатов. Правила проведения Олимпийских и Паралимпийских игр как спортивный стандарт сформировались не так давно; развитие адаптивной физической культуры и спорта в настоящее время осуществляется при государственной поддержке во многих странах мира. При этом сама олимпийская идея категорически отвергает отсутствие толерантности, базируясь на принципе равных возможностей и равного доступа к спортивной сфере. В научных исследованиях спортивные отношения исследуются чаще в плоскости, связанной с организацией спортивных состязаний [2, с. 36 – 51] или с защитой трудовых прав спортсменов [11, с. 23 – 37]. В зарубежной правовой доктрине научное осмысление получили социокультурные аспекты спортивных отношений [13, p. 7 – 14], отдельные аспекты спортивного спонсорства [12, p. 838 – 851], факторы риска повреждения здоровья спортсменов [14, p. 48 – 58].

В то же время дискриминационные явления в спортивных состязаниях не утратили актуальность и интерес для научного исследования. Несмотря на то, что в XXI веке они выглядят анахроничными, очевидно, что они не изжиты полностью ни в среде спортсменов, ни среди болельщиков. К тому же болельщики, особенно в популярных командных видах спорта, эксплуатируют агрессивный образ, как нельзя более сочетающийся с дискриминационной практикой, основанной на унижении достоинства личности. Соответственно, оскорбительные проявления, искусственно подпитываемые нетолерантным отношением к сопернику, становятся распространенными и отчасти даже обыденными. Между спортсменами такие инциденты возникают, как правило, во время игрового конфликта или непосредственно в ходе состязания, поскольку провокативные элементы достаточно широко практикуются во многих видах спорта (бокс, хоккей и др.). Очевидно, что акты дискриминации грубо противоречат спортивным идеалам, основанных на принципах самоотверженности, добросовестности и готовности бороться за честь и престиж своей страны, а существующие правовые механизмы противодействия дискриминации в спорте в системе действующего правового регулирования либо недостаточны, либо неэффективны. При данных обстоятельствах совершенствование таких инструментов выглядит достаточно интересным предметом для обсуждения. Проводя связь между спортивной сферой и социальной жизнью, можно отметить, что акты дискриминации, оскорбительные выходки во время спортивных мероприятий и иные формы унижения достоинства личности представляют собой, по сути, проявления экстремистского характера, а это, в свою очередь, требует разработки и принятия взвешенных политико-правовых решений. Будучи одной из опаснейших угроз национальной безопасности, экстремизм зарождается в социальной микросреде, которая нуждается в коррекции, в том числе, с помощью формально-юридических средств.

Правовая природа дискриминации в спорте представляется неоднозначной. Имея имманентную связь с экстремистской деятельностью, дискриминационные проявления препятствуют проведению спортивных мероприятий на конкурентной основе, становятся условиями для возникновения конфликтов и вызывают негативный общественный резо-

нанс. Их юридическая оценка на основании положений законодательства о противодействии экстремизму, административно-правовых и уголовно-правовых норм является полностью справедливой, но в силу многогранности спортивных отношений в ряде случаев может быть затруднена.

Спорт как деятельность человека заключается не только в сопоставлении, сравнении физических и интеллектуальных возможностей и способностей человека в состязании с другим человеком. Одна из главных социальных гуманитарных задач спорта состоит в том, чтобы способствовать сближению культур, выдвигать на первый план идеи равенства и взаимного уважения. В то же время спортивные состязания все чаще омрачаются такими явлениями, как политизация спорта, проявления расизма, национализма и двойных стандартов, что свидетельствует о том, что дискриминационные практики не утратили негативного влияния на спортивные отношения и во многом обусловили кризис олимпийского движения, идеологии которого они противоречат, но при этом существуют параллельно с ней [5, с. 9—12]. При этом, хотя в российском и зарубежном законодательстве подобные инциденты квалифицируются как правонарушения, они крайне редко получают надлежащую правовую оценку.

Собственно, термин «дискриминация» (лат. *discriminatio* — обособление, ограничение) подразумевает негативное отношение к человеку, умаление в правах или отказ в предоставлении ему определенных прав, мотивированное его принадлежностью к этнической, расовой, религиозной, гендерной или иной социальной группе [8, с. 30—42]. Основы противодействия дискриминации сложились в универсальной и региональных правозащитных системах, в том числе во Всеобщей декларации прав человека 1948 г. (ст. 7), Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г. (ст. ст. 2, 3, 26), Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (ст. 14). В отечественном законодательстве запрет дискриминации основан на конституционном принципе юридического равенства, а его соблюдение гарантировано положениями трудового (ст. 3 Трудового кодекса Российской Федерации), административного (ст. 5.62 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях) и уголовного (ст. 136 Уголовного кодекса Российской Федерации) законодательства. Применительно к сфере спортивных отношений запрет дискриминации сложился на основании олимпийского принципа о недопустимости ее проявлений по признакам расы, религии, политической, гендерной или иной принадлежности. Характер и степень общественной опасности дискриминации в российском законодательстве представляется несколько недооцененным, а квалификация события как административного правонарушения или преступления вследствие этого — затруднительной. Фактически ст. 5.62 КоАП РФ и ст. 136 УК РФ обладают сходством до степени смешения, что зачастую не позволяет правоприменителю принять верное решение. При этом проявления дискриминации, например, во время спортивных состязаний со стороны болельщиков обладают публичностью, а, кроме того, фиксируются в ходе трансляции, то есть процесс доказывания их наличия, в целом, не представляет сложности.

Дискриминация в ее сложившемся понимании основана на нетерпимом отношении по отличительным признакам, характеризующим расу, пол, этническую, религиозную или иную принадлежность. Иными словами, как социальное явление дискриминация обладает выраженным умышленным и твердо сформированным неприязненным отношением к человеку или группе лиц, в основе которого лежат эти отличительные признаки. Надо отметить, что задачу противодействия дискриминации в отношении спортсменов-представителей ЛГБТ-сообщества Международный олимпийский комитет (далее — МОК) решил, и возможность их участия в олимпийских состязаниях именно по причине их принадлежности к такой социальной группе сомнению не подвергалась[1]. Но в перспективе вызывает интерес формирование комплексной медико-правовой позиции, определяющей матрицу допуска таких атлетов к соревнованиям в смешанных группах.

Как одна из форм дискриминации, «классическая» или ординарная дискриминация проявляется в негативной конфликтной форме, унижающей и оскорбляющей спортсменов, а необходимость противодействия ей не вызывает сомнений. Не наблюдается особой сложности в принятии юридически значимых решений в рамках такого противодействия. Относительно пресечения проявлений расизма и ксенофобии со стороны зрителей спортивных мероприятий заслуживает одобрения практика Международной федерации футбола (фр. *Federation Internationale de Football Association*, сокр. FIFA, рус. ФИФА), в соответ-

[1] МОК пообещал принять меры из-за оскорблений ЛГБТ-олимпийцев на российском ТВ. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4929619.

ствии с которой при проведении футбольных матчей присутствуют специальные наблюдатели, задачи которых — выявление и пресечение подобного поведения[2]. В условиях достаточно серьезного внимания к действиям болельщиков и наличия специальных правовых инструментов, позволяющих лишать права посещения спортивных мероприятий в связи с совершением административного правонарушения (ст. 3.14 КоАП РФ), этот опыт согласуется с международным спортивным правом.

В частности, Правила поведения зрителей при проведении официальных спортивных соревнований, утвержденные постановлением Правительства РФ от 16 декабря 2013 г. № 1156, запрещают оскорблять других лиц (в том числе с использованием баннеров, плакатов, транспарантов и иных средств наглядной агитации) и совершать иные действия, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию либо направленные на возбуждение ненависти или вражды, а также на унижение достоинства человека или группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии (пп. «г» п. 5). В этом запрете охарактеризованы ординарные и наиболее распространенные приемы дискриминационного поведения, направленного на унижение достоинства личности. Нарушение этого правила может влечь за собой применение административного наказания в виде административного запрета на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения. Как уже отмечалось выше, такой административно-правовой запрет обладает эффективным потенциалом для пресечения и недопущения дискриминационного поведения. Традиционные практики болельщиков различных клубов, использующие речевки и другие приемы, содержание которых характеризует преимущество одних из них перед другими, не должны пересекать ту грань, за которой формируется дискриминационное поведение.

Кроме того, в соответствии с ординарной практикой ФИФА, воспринятой Российским футбольным союзом (далее — РФС), в таких случаях могут быть применены меры дисциплинарной или иной ответственности (так, в соответствии со ст. 53 Дисциплинарного регламента РФС[3] основанием для возбуждения производства по делу о дисциплинарном правонарушении является обращение офицера РФС по борьбе с дискриминацией и расизмом, при получении которого контрольно-дисциплинарный комитет РФС может применить санкции к игроку или клубу, предусмотренные ст. 121 Дисциплинарного регламента РФС). Одной из санкций является проведение нескольких матчей без зрителей, и это обладает серьезным профилактическим потенциалом, поскольку футбол — это один из самых зрелищных видов спорта, достаточно популярный в России и в мире. Между тем невозможно возлагать ответственность в таких случаях исключительно на спортивные команды.

Правовая природа спортивных отношений презюмирует недопустимость любых проявлений дискриминации как формы нарушения равноправия участников спортивных соревнований. Вместе с тем, дискриминационные акты наблюдаются не только со стороны болельщиков, но и со стороны участников спортивных состязаний (спортсменов, тренеров и судей). Примеры из более чем трехсот изученных нами материалов, опубликованных, в том числе в средствах массовой информации в период с 2011 по 2021 г., полностью подтверждают данный тезис. Примечательно, что в большинстве случаев инциденты, связанные с проявлениями дискриминации, влекут возложение серьезной материальной ответственности на спортивные клубы или ассоциации, однако персональные санкции в отношении конкретных лиц применяются достаточно редко, хотя негативное отношение законодателей практически всех государств к *hate speech* (проявлениям вербальной агрессии, бытовому экстремизму) является общеизвестным. В 80 % изученных материалов юридические последствия для конкретных субъектов не наступали, что свидетельствует о явной недооценке общественной опасности проявлений дискриминации во время спортивных мероприятий. При этом агрессивное поведение, например, футбольных болельщиков, мотивированное межэтнической неприязнью как к команде соперника, так и к друг другу, неоднократно становилось условием для вмешательства правоохранительных органов и применения ими комплекса мер, направленных на защиту общественного порядка. Так, во время проведения матчей Euro-2016 во Франции имели место массовые беспорядки с участием английских и российских болельщиков, выражавшиеся в драках и столкновениях, поводом для которых практически всегда выступало оскорбительное поведение, связанное с унижением достоинства по наци-

[2] Регламент ФИФА по охране правопорядка и обеспечению безопасности стадионов от 14 дек. 2012 г. URL: http://crimescience.ru/wp-content/uploads/.

[3] Дисциплинарный регламент Российского футбольного союза (в ред. от 30 дек. 2021 г.) // Российский футбольный союз : офиц. сайт. URL: https://rfs.ru/subject/1/documents.

ональному признаку[4]. Эти инциденты широко обсуждались в средствах массовой информации, но в большинстве случаев не влекли серьезных последствий для правонарушителей (некоторым из них были аннулированы французские визы; в единичных случаях французские суды выносили решения об осуждении и наказании виновных, но не за проявления дискриминации, а за нанесение телесных повреждений или порчу чужого имущества). Относительно проявлений ординарной дискриминации сложилась правоприменительная практика, которую уместно проиллюстрировать на следующих примерах.

В 2011 г. во время проведения отборочного матча Евро-2012 между футбольными командами Болгарии и Англии болельщики болгарской команды сопровождали получение мяча темнокожим игроком команды соперника оскорбительными выкриками и улюлюканием. Болгарский футбольный союз был оштрафован на 34 тыс. фунтов стерлингов, а тренер сборной Болгарии принес официальные извинения[5]. Никакие юридические меры к болельщикам не применялись, хотя с учетом существующего порядка допуска лиц на матчи международного уровня их идентификация не представляла особой трудности. Для сравнения, ст. 3.14 КоАП РФ устанавливает наказание в виде административного запрета на посещение мест проведения официальных спортивных мероприятий в дни их проведения. Срок наказания составляет от шести месяцев до семи лет; оно назначается за нарушение правил поведения зрителей при проведении официальных спортивных соревнований. Правила поведения зрителей при проведении официальных спортивных соревнований[6] утверждены постановлением Правительства в РФ в 2013 г., на зрителей возлагаются обязанности соблюдать общественный порядок и уважительно относиться по отношению к другим зрителям, организаторам и участникам соревнований. Оскорблять других лиц и совершать иные действия, направленные на возбуждение ненависти или вражды или унижение достоинства человека запрещается. При этом пп. «г» п. 5 указанных правил непосредственно характеризует оскорбительное поведение как проявление дискриминации по признаку пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии.

В 2020 г. матч группового раунда Лиги чемпионов между командами «ПСЖ» (Франция) и «Истанбул» (Турция) был омрачен неспортивным поведением резервного судьи, который допустил ряд высказываний расистского толка в адрес одного из сотрудников тренерского штаба турецкой команды, при этом матч был прерван. Союзом европейских футбольных ассоциаций (англ. *Union of European Football Associations*, сокр. – UEFA, рус. – УЕФА) проводилось специальное расследование, виновный был отстранен от судейства в международных турнирах . Однако юридическая оценка его действий не производилась, фактически же результат дисциплинарного расследования был обоснован особой эмоциональной атмосферой во время матча и неспособностью субъекта контролировать свою речь, а также наличием обоюдного конфликта.

Дискриминационные проявления имеют место не только на футбольных матчах. Во время проведения велогонки на олимпиаде в Токио тренер немецкой команды также позволил себе аналогичное высказывание, подбадривая своих подопечных и назвав представителей команды соперника «погонщиками верблюдов»[8]. Следует отметить, что реакция последовала незамедлительно, и после разразившегося скандала он был уволен, невзирая на принесенные извинения и объяснение своих действий эмоциональным напряжением во время соревнований. Применение дисциплинарных санкций в данном случае представляется обоснованным, поскольку последующее поведение субъекта свидетельствует о понимании им характера и степени общественной опасности своего поступка и о раскаянии в содеянном. В двух же других приведенных выше примерах персональная правовая оценка проявлений дискриминации не состоялась. Из этого можно заключить, что сложившаяся практика применения штрафных санкций к спортивным объединениям и дисциплинар-

[4] Беспорядки на EURO-2016. URL: https://tass.ru/besporyadki-na-evro-2016.

[5] В 2011 году российский спорт сотрясли скандалы, связанные с проявлением расизма. URL: https://www.gazeta.ru/sport/2011/12/a_3953057.shtml.

[6] Правила поведения зрителей при проведении официальных спортивных соревнований : утв. постановлением Правительства РФ от 16 дек. 2013 г. № 1156. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155773/.

[7] Матч «ПСЖ» – «Истанбул» прерван из-за расистских оскорблений от резервного судьи. URL: https://www.sports.ru/football/1091827070-match-pszh-istanbul-prervan-iz-za-rasistskix-oskorblenij-tureczkaya-ko.html.

[8] Немецкий тренер покинет олимпиаду в Токио из-за расистского скандала. URL: https://www.championat.com/olympic/news-4416115-nemeckij-trener-pokinet-olimpiadu-v-tokio-2021-iz-za-rasistskogo-skandala.html.

ных мер к части правонарушителей не в полном объеме соответствует опасности проявлений дискриминации.

Вторая форма дискриминации «неклассическая» или атипичная заключается в заведомом ограничении спортивной конкуренции при участии в соревнованиях на основе неравной (завышенной или заниженной) оценки потребностей определенных категорий спортсменов. Если ординарная дискриминация выражается в проявлении агрессии среди участников спортивных соревнований или зрителей, то атипичная может проявляться в деятельности структур международных спортивных федераций при принятии решений о допуске к участию в спортивных состязаниях.

В современных спортивных отношениях появляются новые особенности, требующие оценки и возможной правовой реакции. Не имея дискриминационной природы, эти особенности получают искусственную характеристику в таком качестве. Не в последнюю очередь это связано с непродуманными решениями спортивных федераций, которые широко практикуют внутреннее правовое регулирование на базе собственных правил, статус которых как источника права выглядит довольно спорным, но, тем не менее, в целях регулирования спортивных отношений такой аналог *soft law* (мягкого права) традиционно используется.

Как известно, в преддверии летней Олимпиады-2020 в Токио (Япония) высокий общественный резонанс получила информация о том, что МОК изменил олимпийскую клятву, дополнив ее обязанностью заниматься спортом без какой-либо дискриминации, и процедуру ее принесения, обеспечив гендерно равную базу[9]. Вследствие этого впервые в олимпийской истории сложилась практика участия в соревнованиях небинарных спортсменов. Если выступления представителей ЛГБТ-сообщества серьезного резонанса не вызывали, поскольку они допускаются к участию в соревнованиях на общих основаниях, представляя свои страны и не обсуждая собственную половую принадлежность, то в данном случае возникли вопросы, тесно связанные со сферой спортивной конкуренции. Наиболее обсуждаемой стала ситуация, отражающая выступление спортсменки-трансгендера из Новой Зеландии Л. Хаббард, допущенной МОК к участию в олимпиаде[10]. В своем решении МОК руководствовался нормативами измерения уровня тестостерона, а также признанием права участия в олимпийских соревнованиях трансгендеров-мужчин даже в тех случаях, когда они не прибегали к хирургическим манипуляциям [7, с. 304—311]. Эта практика вызвала множество споров, в том числе в медицинском профессиональном сообществе, исходящем из физиологических и биологических параметров, ставящих в таком случае в уязвимое положение представителей стандартного физиологического генотипа, а также осуждение со стороны спортивных правозащитных организаций (например, Save Women's Sport, прямо обвинившей МОК в непоследовательности и отсутствии твердых критериев отбора небинарных спортсменов для участия в играх[11]). Сложившаяся практика МОК, апробированная на «казусе Хаббард» и некоторых других прецедентах аналогичного содержания, не имеет в данный момент юридической базы и основывается на провозглашении равных возможностей небинарных спортсменов. Однако в контексте их допуска к соревнованиям в женском спорте возникает вопрос о том, не нарушаются ли в таких случаях права и законные интересы спортсменок, однозначно определяющих свой биологический пол. Соответственно, может быть поставлен вопрос о том, не является ли такая практика скрытой формой дискриминации, когда преимущество, основанное на физиологических параметрах, становится фактором, определяющим более успешное выступление в группе изначально более слабых соперников. При том условии, что отказ небинарным спортсменам в участии в соревнованиях был бы, безусловно, проявлением дискриминации, в данной ситуации необходимо принятие продуманного правового решения.

Аналогично возникает вопрос о равных возможностях спортсменов, добросовестно соблюдающих антидопинговые правила (в современный период в России полностью сформирована правовая основа противодействия применению запрещенных субстанций и методов в спорте [6, с. 69—75], и в большинстве случаев установленные правила неукоснительно соблюдаются [9, с. 130—135]), и атле-

[9] МОК изменил церемонию приношения клятвы спортсменов // Российский стадион. 2021. 16 июля. URL: https://stadium.ru/news/16-07-2021-mok-izmenil-tseremoniyu-prinosheniya-klyatvi-sportsmenov.

[10] Тяжелоатлетку-трансгендера Лорелл Хаббард оградят от повышенного внимания на олимпиаде в Токио. URL: https://www.eurosport.ru/weightlifting/tokyo-2020/2021/story_sto8421749.shtml.

[11] «Не пускайте мужчин в женский спорт». Первый олимпиец-трансгендер: история, которая возмутила соперниц. URL: https://www.sports.ru/tribuna/blogs/interval/2940352.html.

тов, использующих лекарственные средства, назначенные в связи с выявленным заболеванием (например, астмой), но по химическому составу содержащие компоненты, близкие по своей структуре к препаратам, находящимся под запретом. Если относительно выявленных случаев употребления допинга в российском и международном механизме правового регулирования спортивных отношений сформирован единый негативный подход [1, с. 175—178], то названный казус пока еще не имеет решения. Хотя очевидно, что допуск атлетов, использующих подобные лекарственные препараты, к участию в соревнованиях нарушает конкуренцию в достижениях. Фактически спортсмены, не пользующиеся лекарственными средствами в терапевтических целях, оказываются в неравном положении, а опыт развития инклюзивных спортивных отношений в полном объеме оказывается невостребованным в этих целях [10, с. 7—12]. В принципе, если рассматривать понятие дискриминации вне традиционной агрессивной формы выражения пренебрежительного отношения к спортсмену, принцип равного участия в состязаниях здесь оказывается грубо нарушен.

Гендерная составляющая в спорте также оказывается в сфере правового регулирования. Область спортивных правоотношений в данном случае не может быть единственным регулятором, посредством которого должен получить однозначное решение вопрос об участии в спортивных соревнованиях небинарных спортсменов и тех атлетов, которые не акцентируют трансгендерную принадлежность. Основанное исключительно на нормативном постулате о физическом преимуществе мужчин над женщинами в спорте, правовое регулирование участия трансгендеров, в том числе небинарных спортсменов, в спортивных состязаниях дискриминационно по определению. Пользуясь биологическими параметрами, характеризующими мужской организм, такие спортсмены неминуемо обладают физическим превосходством, выступая в женской спортивной группе. Спортсменки женского пола оказываются в данной ситуации в ущемленном положении. Требования спортивных норм не отличаются однозначностью, так как основаны на попытке смешения постулата о физическом превосходстве мужчин в спорте и элементов вариативной инклюзивной соревновательной политики в виде предоставления результатов гендерно-подтверждающей гормональной политики либо подтверждения операции по смене пола или даже истечения определенного периода времени с момента ее проведения. И пределы разрешенной лекарственной терапии также не могут быть установлены исключительно нормами спортивного права. Для объективного разрешения сложившейся ситуации требуется одобренное на уровне международных спортивных федераций и олимпийских структур проведение комплекса инструментальных медицинских и смежных исследований с последующим единым и безусловным признанием указанными структурами их результатов. До завершения таких исследований постановка проблемы о дискриминации спортсменов различных гендерных групп различных уровней состояния физического здоровья, основана исключительно на манипулировании принципом равенства, а, следовательно, преждевременна.

В качестве мер, позволяющих успешно решить проблемы определения содержания понятия дискриминации в спорте, следует признать: закрепление признаков дискриминации, имеющих объективный и субъективный характер, в специально разработанном акте МОК, проект которого имел бы широкое обсуждение и был бы одобрен иными международными спортивными организациями; формирование единой практики рассмотрения «дискриминационных» прецедентов спортивными судами и судами общей юрисдикции; обновление этических стандартов международного спортивного права, основанных на постулате об умышленном характере и низменной мотивации дискриминационных актов, недопустимых при проведении спортивных состязаний. Среди признаков дискриминации требуется выделить альтернативную форму ее выражения, не замкнутую только на проявлении агрессии, а равно ситуации, в которых она возможна. Универсальный принцип юридического равенства должен во всех случаях иметь приоритет, но с учетом специфики сферы спортивных соревнований его соблюдение не может противоречить законам логики и конкурентному духу спортивных отношений.

Исходя из этого, дискриминация в спортивных отношениях охватывает как совершение низменных поступков, направленных на унижение достоинства личности по признаку отношения к какой-либо социальной группе (в том числе, этнической, религиозной и др.), так и заведомое ограничение спортивной конкуренции при участии в соревнованиях на основе завышенной оценки потребностей определенных категорий спортсменов. Если первая форма дискриминации является ординарной и выражается в агрессивном поведении участников спортивных соревнований или

зрителей, то вторая — атипичная — может явно или скрытно практиковаться в структурах международных спортивных федераций при принятии решений о допуске к участию в спортивных состязаниях.

Внесенные предложения, на взгляд авторов, послужат условием для формирования современных правил недискриминационного поведения в спортивных отношениях, позволяющих разграничить умышленные низменные действия и потенциальное ограничение равных возможностей участников спортивных состязаний, мотивированное иными обстоятельствами. Латентность такого ограничения не должна становиться условием, препятствующим обсуждению дискриминационной проблематики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Амиров И.М. Антидопинговый правопорядок в России // Вестник Краснодарского университета МВД России. — 2016. — № 3. — С. 175—178.

2. Буянова М.О. Теория спортивного права : монография. — Москва : Юрайт, 2020. — 154 с.

3. Зайцев В.А., Алексеев И.М. К вопросу о дискриминации российских спортсменов международными организациями // Вестник Краснодарского университета МВД России. — 2017. — № 3. — С. 133—136.

4. Кислинская А.Д. Необходимость устранения законодательного дискриминационного подхода к спортсменам-инвалидам // Образование и право. — 2017. — № 3. — С. 233—236.

5. Круглик И.И. Международное олимпийское движение в ракурсе кризиса олимпийской идеи // Здоровье для всех. — 2019. — № 2. — С. 9—12.

6. Кутуев А.Р. Уголовная ответственность за организацию, распространение и применение субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России. — 2018. — № 1. — С. 69—75.

7. Олейник Е.А., Бугаевский К.А. К вопросу о трансгендерности в современном спорте // Ученые записки Университета им. П.Ф. Лесгафта. — 2020. — № 2. — С. 304—311.

8. Осипов А.Г. Что такое этническая дискриминация и что с ней можно сделать. — Москва : Центр «Сова», 2012. — 151 с.

9. Питулько К.В., Сергеева А.А., Горбатова М.А. Правовые проблемы противодействия использованию в спорте запрещенных субстанций и методов // Человек. Спорт. Медицина. — 2021. — Т. 21, № S1. — С. 130—135.

10. Саввулиди М.П. Адаптивный спорт в современной России: идеология государственного управления // Общество: социология, психология, педагогика. — 2018. — № 4. — С. 7—12.

11. Спортивное право: договорные отношения в спорте / под ред. С.В. Алексеева. — Москва : Юрайт, 2020. — 107 с.

12. Morgan A., Taylor T., Adair D. Sport events sponsorship management from the sponsee's perspective // Sport Management Review. — 2020. — Vol. 23, iss. 5. — P. 838—851.

13. Palmer C. The Sports Monograph: Critical Perspectives on Socio-Cultural Sport, Coaching and Physical Education. Prelims, Contents, Publications, Acknowledgements, Notes on Contributors. — Preston : SSTO Publications. — 392 p.

14. Viljoen C. Trail running injury risk factors: a living systematic review // British Journal of Sports Medicine. — 2021. — № 10. — P. 48—58.

REFERENCES

1. Amirov I.M. Anti-doping law and order in Russia. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of Krasnodar university of Russian MIA*, 2016, no. 3, pp. 175—178. (In Russian).

2. Buyanova M.O. *Teoriya sportivnogo prava* [Theory of sport law]. Moscow, Yurizdat Publ., 2020. 154 p.

3. Zaytsev V.A., Alekseev I.M. To the question of disrimination of Russian athletes by international sports organizations. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of Krasnodar university of Russian MIA*, 2017, no. 3, pp. 133—136. (In Russian).

4. Kislinskaya A.D. Need of elimination legislative discrimination approach to disabled athletes. *Obrazovanie i pravo = Education and Law*, 2017, no. 3, pp. 233—236. (In Russian).

5. Kruglik I.I. International Olympic movement at an angle crisis of the Olympic idea. *Zdorov'e dlya vsekh = Heflth for all*, 2019, no. 2, pp. 9—12. (In Russian).

6. Kutuev A.R. Criminal responsibility for the organization, distribution and use of substances and (or) methods forbidden for use in sports. *Vestnik Vserossiiskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov MVD Rossii = VESTNIK «All-Russian Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation»*, 2018, no. 1, pp. 69—75. (In Russian).

7. Oleynik E.A., Bugaevsky K.A. On the issue of transgenderism in modern sports. *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta*, 2020, no. 2, pp. 304—311. (In Russian).

8. Osipov A.G. *Chto takoe etnicheskaya diskriminatsiya i chto s nei mozhno sdelat'* [What is ethnical discrimination and what to do with it]. Moscow, Tsentr «Sova» Publ., 2012, 151 p.

9. Pitulko K.V., Sergeeva A.A., Gorbatova M.A. Some legal problems of countering the use of prohibited substances and prohibited methods in sport. *Chelovek. Sport. Meditsina = Human. Sport. Medicine*, 2021, vol. 21, no. S1, pp. 130—135. (In Russian).

10. Savvulidi M.P. Adaptive sports in modern Russia: Ideology of public administration. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika = Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, 2018, no. 4, pp. 7—12. (In Russian).

11. Alekseev S.V. (ed.). *Sportivnoe pravo: dogovornye otnosheniya v sporte* [Sport law: contractual relations in sport]. Moscow, Yurizdat Publ., 2020. 107 p.

12. Morgan A., Taylor T., Adair D. Sport events sponsorship management from the sponsee's perspective. *Sport Management Review*, 2020, vol. 23, iss. 5, pp. 838—851.

13. Palmer C. *The Sports Monograph: Critical Perspectives on Socio-Cultural Sport, Coaching and Physical Education*. Preston, SSTO Publ., 392 p.

14. Viljoen C. Trail running injury risk factors: a living systematic review. *British Journal of Sports Medicine*, 2021, no. 10, pp. 48—58.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Сергеева Анжелика Анатольевна (Санкт-Петербург) — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (199178, г. Санкт-Петербург, Васильевский остров, 10 линия, д. 19, лит. А, e-mail: anzh-sergeeva@yandex.ru).

Питулько Ксения Викторовна (Санкт-Петербург) — кандидат юридических наук, заведующая кафедрой уголовного права и процесса Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (199178, г. Санкт-Петербург, Васильевский остров, 10 линия, д. 19, лит. А, e-mail: lokhi@yandex.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergeeva, Angelika A. (St. Petersburg) — PhD in Law, Assoc. Professor of the Criminal Law and Procedure Department, St. Petersburg Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (10th line of Vasilievsky Island, 19, lit. A, St. Petersburg, 199178, e-mail: anzh-sergeeva@yandex.ru).

Pitulko, Ksenia V. (St. Petersburg) — PhD in Law, Ass. Professor, Head of the Criminal Law and Procedure Department, St. Petersburg Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (Vasilievsky Island, 10th Line, 19, St. Petersburg, 199034, e-mail: lokhi@yandex.ru).

КРИМИНАЛИСТИКА
CRIMINALISTICS

УДК 434.98; 343.982.5:77

Н.Н. Егоров
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОИЗВОДСТВА НАГЛЯДНО-ОБРАЗНЫХ СПОСОБОВ ФИКСАЦИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2022. — № 2. — С. 75—82.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2022.2.9.
Дата поступления 07.04.2022, дата принятия к печати 15.06.2022, дата онлайн-размещения 30.06.2022.

АННОТАЦИЯ

Процесс доказывания рассматривается автором как собирание, проверка, оценка и использование доказательств в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, то есть несколько шире, чем заявлено в ст. 85 УПК РФ. Фиксация является вторым элементом собирания доказательств, после их поиска и обнаружения. Анализируется классификация фиксации доказательств: на обязательные или предписанные уголовно-процессуальным законом и факультативные или рекомендованные законом (по отношению к уголовно-процессуальному закону); на субъективные или зависящие от свойств личности субъекта фиксации, его знаний, умений, навыков, профессионального опыта и объективные или основанные на физических, химических и иных процессах (по процессам, которые лежат в основе фиксации). Пристальное внимание уделено объективным способам фиксации доказательств, особенно фотосъемке и видеозаписи как наглядно образным способам фиксации доказательств, наиболее часто применяющимся на практике. Уточнено, что содержание системы методов судебно-следственной фотографии предполагает включение в нее панорамирования, измерительной, репродукционной, опознавательной фотосъемок и макрофотосъемки. Современное техническое и программное обеспечение видеозаписи позволяет производить скоростную и замедленную видеосъемки, которые можно рассматривать как специальные технические приемы, применимые при производстве экспертиз и некоторых следственных действий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Доказывание; собирание доказательств; фиксация доказательств; обязательные способы фиксации; объективные способы фиксации; фотографирование; видеозапись.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Егоров Н.Н. Криминалистические аспекты производства наглядно-образных способов фиксации доказательств // Пролог: журнал о праве. — 2022. — № 2. — С. 75—82. — DOI: 10.21639/2313-6715.2022.2.9.

UDC 434.98; 343.982.5:77

N.N. Egorov
Moscow State University
named after M. V. Lomonosov,
Moscow, Russian Federation

CRIMINAL ASPECTS OF PRODUCTION OF VISUAL-FIGURATIVE METHODS OF EVIDENCE RECORDING

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal, 2022, no. 2, pp. 75—82.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2022.2.9.
Received 07.04.2022, accepted 15.06.2022, available online 30.06.2022.

ABSTRACT

The author analyses the process of proving as gathering, checking, evaluating and using the evidence in the purpose of determining the circumstances that have to be proven. It means that the author views the process of proving somewhat broader than it is cited in the Article 85 of the Criminal Law Code of the Russian Federation. The recording is the second element of the evidence gathering after they have been searched for and found. The author analyses the classification of the evidence recording. It can be of two kinds: obligatory or prescribed by the Criminal Procedure Law and optional or recommended by law (with regard to Criminal Procedure Law); the classification also divide them on subjective or depending on the qualities of the personality of the subject who record the evident. In this case his or her knowledge, skills and professional experience is taken into account. Objective, on the other hand, are based on physical, chemical or other processes (these processes are the basis of the recording). The article pays close attention to the means of the recording of evidence, especially to photo and video recording as these are the graphic ways to record evidence that are frequently used in practice. The author specifies that the content of the systems of methods of forensic and investigative photography implies including into it panoramic shooting, measuring, reproduction, identification photography and macro photography. Modern technical equipment and software for video recording allow to perform high-speed and slow-motion video shooting that can be viewed as special technical means that can be used while conducting examinations and some investigative actions.

KEYWORDS

Process of proving; gathering of evidence; evidence recording; obligatory recording of evidence; objective means of recording; photographing; video recording.

FOR CITATION

Egorov N.N. Criminalistic Aspects of Production of Visual-Figurative Methods of Evidence Recording. *Prologue: Law Journal*, 2022, no. 2, pp. 75—82. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2022.2.9.

Доказывание, являясь своеобразным познавательным процессом, в трактовке статьи 85 УПК РФ состоит из собирания, проверки и оценки доказательств в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию. Далее мы не будем оценивать соответствие приведенной формулировки фактическому содержанию процесса доказывания. Но это соответствие явно вызывает сомнение, поскольку доказывание, в конечном счете, есть именно использование доказательств или оперирование ими в процессе доказывания. На указанное обстоятельство еще в 60-е годы прошлого века обращалось внимание Р.С. Белкиным [1, с. 96]. Следует отметить, что наличие такого элемента в процессе доказывания косвенно признается законодателем, но только по отношению к результатам оперативно-розыскной деятельности, и в негативном аспекте (ст. 89 УПК РФ).

Доказывание открывается собиранием доказательств, что придает ему особое значение — без него не будут реализованы остальные элементы данного процесса.

Поскольку собирание доказательств законодателем нормативно не раскрывается, разные авторы вкладывают в его содержание от двух (обнаружение и фиксация доказательств) [4, с. 128] до четырех (обнаружение, фиксация, изъятие и сохранение доказательств) [1, с. 29] и более элементов [6, с. 24].

Преобладает точка зрения, что собирание доказательств начинается с поисковых операций, направленных на обнаружение доказательств. Параллельно с этими операциями или после них осуществляется фиксация доказательств, предполагающая систему действий субъекта доказывания, направленных на преобразование выявленных фактических данных в форму, установленную законом [16, с. 5].

Способы фиксации доказательств, предусмотренные действующим уголовно-процессуальным законодательством, обозначены в статье 166 УПК РФ. Они могут быть классифицированы по различным основаниям.

Во-первых, по отношению к уголовно-процессуальному закону они могут быть разделены на обязательные (предписанные уголовно-процессуальным законом) и факультативные (рекомендованные законом). Во-вторых, по процессам, которые лежат в основе фиксации, они могут быть разделены на субъективные (зависящие от свойств личности субъекта фиксации, его знаний, умений, навыков, профессионального опыта и т.д.) и объективные (основанные на физических, химических и иных процессах).

К обязательным способам фиксации уголовно-процессуальный закон относит: составление протокола следственного действия (ч. 1 ст. 166 УПК РФ); фотографирование и дактилоскопирование неопознанных трупов, их государственную геномную регистрацию (ч. 2 ст. 178 УПК РФ); видеозапись или киносъемку допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, за исключением случаев, когда они либо их законный представитель против этого возражают (ч. 5 ст. 191 УПК РФ). Остальные способы фиксации доказательств уголовно-процессуальный закон определяет как факультативные.

В основе субъективных способов фиксации доказательств лежат такие особенности личности субъекта фиксации как способности, темперамент, волевые качества, эмоции, мотивация и др. Они включают протоколирование, стенографирование и составление чертежей, планов и схем. Объективные способы фиксации напрямую от личностных особенной субъекта фиксации не зависят, поскольку основаны на физических, химических и иных процессах: фотографирование, киносъемка, аудио- и видеозапись, изготовление слепков и оттисков следов, копирование электронных носителей информации, приобщение предметов и документов.

Законодатель ориентирует правоприменителей на объективизацию процесса фиксации доказательств, применению для этих целей технических средств. Например, в части 1.1 статьи 170 УПК РФ отмечено, что в некоторых следственных действиях понятые участвуют по усмотрению следователя, если же он их не привлекает, то применение технических средств фиксации следственного действия в этом случае является обязательным.

Далее мы рассмотрим только наглядно-образные способы фиксации доказательств: такие, как фотосъемка и видеозапись. Они исторически наиболее разработаны в криминалистике, наиболее обеспечены технически и методически, вследствие чего наиболее часто применяются на практике.

Фотография, бесспорно, является одним из величайших изобретений человечества. Днем ее создания принято считать 7 января 1839 года. В этот день физик Франсуа Араго в Парижской академии наук доложил о результатах многолетних опытов Луи Дагера, позволяющих получать изображение объекта (дагеротип) на основе светочувствительности йодистого серебра.[1]

[1] 7 января 1839 года — официальное рождение фотографии. URL: https://don-katalan.livejournal.com/329461.html (дата обращения: 23.04.2022).

Уже с 1841 года фотографию стала использовать французская полиция, а затем — полицейские подразделения Бельгии, Швейцарии и других стран для запечатления внешнего облика преступников перед их освобождением из тюрем.[2]

Основоположниками криминалистической (судебной) фотографии как отрасли криминалистической техники являются французский криминалист А. Бертильон и русский ученый Е.Ф. Буринский. Бертильон является основоположником той части криминалистической фотографии, которую мы называем судебно-следственной. Он разработал опознавательную и измерительную фотосъемки, а также приемы фотосъемки на местах происшествий и трупов, что нашло отражение в книге «Судебная фотография», изданной им в 1890 году. Родоначальником раздела судебно-исследовательской фотографии считается Е.Ф. Буринский, разработавший методы цветоделения и усиления контраста для выявления невидимых и слабовидимых текстов, и практически применивший их при производстве экспертизы 11 сентября 1889 года по уголовному делу Рокоссовского и Юнгерца. Результаты исследований Буринского были изложены в книге «Судебная экспертиза документов», опубликованной им в 1903 году [3].

Именно тогда и определилось традиционное деление криминалистической фотографии на судебно-следственную и судебно-исследовательскую фотографии, что возражений среди криминалистов не вызывает. Но следует сказать, что среди криминалистов нет единой точки зрения на включение ряда методов в вышеуказанные разделы криминалистической фотографии.

Отнесение методов панорамирования, измерительной и опознавательной фотосъемки к судебно-следственной фотографии, а таких как микросъемка, контрастирующая, цветоделительная и съемка в невидимых лучах спектра — к исследовательской фотографии, поддерживается большинством криминалистов. В отличие от включения в соответствующие разделы криминалистической фотографии таких методов, как стереофотосъемка, репродукционная съемка, макросъемка, телесъемка и съемка со сменными объективами.

Стереофотосъемку [15, с. 27], телесъемку [12, с. 25] и съемку со сменными объективами [11, с. 369] ряд авторов относит к методам судебно-следственной фотографии, другие вообще не упоминают и (или) не включают их в методы криминалистической фотографии. Очень противоречива точка зрения на макросъемку и репродукционную съемку: их относят то к следственной фотографии [7, с. 90—93], то к исследовательской [14, с. 9—82; 15, с. 28].

Для разрешения этого противоречия следует определить, что понимается под фотографическим методом. Исходя из сложившегося понятия метода в криминалистике, под фотографическим методом понимают систему правил и рекомендаций по применению фотографических средств для запечатления заданных свойств и признаков отдельных объектов.

Стереофотосъемка была разработана для получения объемных изображений объектов как с помощью специальных, так и обычных аналоговых фотоаппаратов, снабженных стереонасадкой или стереопленкой. Для воспроизведения объемного изображения фотосъемка одного и того же объекта производится с двух точек, расстояние между которыми около 65 мм, что равно среднему расстоянию между центрами зрачков глаз человека. Изучение в стереоскопе этих двух снимков, выполненных в одном масштабе, формирует объемное изображение, что возможно только в аналоговой фотографии, которая уже практически не применяется. В цифровой фотографии это уже 3D-технологии.

Фотосъемка со сменными объективами может осуществляться как нормальными (среднефокусными) объективами, так и короткофокусными (широкоугольными) или длиннофокусными (телеобъективами).

Телеобъективы могут быть использованы только для фотосъемки удаленных объектов, когда приблизиться к ним невозможно, а также при негласной фотосъемке в оперативно-розыскной деятельности. В этом случае телеобъективы незаменимы, но в следственной фотографии, когда закон требует перед началом следственного действия предупреждать участников следственного действия о применении технических средств, использование их теряет целесообразность.

Широкоугольные объективы используют при съемке в небольших помещениях, когда обычный объектив не позволяет охватить все детали обстановки. При этом формируется фотоизображение с существенными перспективными искажениями, что явно не вписывается в принципы криминалистической фотографии.

По-существу, смена объектива представляет техническую операцию, обеспечивающую переход от одного метода фотосъемки к другому.

[2] История криминалистической фотографии в Европе. URL: https://vuzlit.com/1357563/istoriya_kriminalisticheskoy_fotografii_evrope (дата обращения: 23.04.2022).

Макросъемку и репродукционную съемку можно смело включить в судебно-следственную фотографию, так как их производство не требует специального лабораторного оборудования. Они могут быть выполнены на месте производства следственного действия с помощью фотоаппаратуры, входящей в следственный комплект.

Таким образом, содержание системы методов судебно-следственной фотографии предполагает включение в нее панорамирования, измерительной, репродукционной, опознавательной фотосъемок и макрофотосъемки.

Беспилотные летательные аппараты существенно расширяют возможности криминалистической фотографии и видеозаписи.

Например, разработан аппаратно-программный комплекс для фиксации доказательств с места происшествия большой площади в районах вооруженных конфликтов, который может применяться при фиксации любых объектов большой площади. Он включает беспилотный летательный аппарат вертолетного типа с блоком аэрофотовидеофиксации с возможностями панорамной и стереографической съемки, блок управления и обработки, состоящий из смартфона и ноутбука, с необходимым программным обеспечением, фотоаппарат с комплектом объективов и вспышкой, блок питания с соединительными кабелями, ранец для транспортирования. Беспилотный летательный аппарат управляется при помощи смартфона, при этом видеосигнал с блока аэрофотовидеофиксации передается на ноутбук и обрабатывается программой, создающей виртуальную модель места происшествия.[3]

Фактически видеозапись в нашей стране началась с закупки ГСУ МВД СССР в Японии около десятка комплектов видеоаппаратуры (видеомагнитофонов, видеокамер и блоков питания к ним), что произошло в конце семидесятых годов прошлого столетия.[4]

Как мы уже отмечали, видеозапись иногда является обязательным способом фиксации доказательств (ч. 5 ст. 191 УПК РФ). Ее чаще всего используют для фиксации следственных действий, насыщенных динамикой, в которых их участники совершают достаточно сложный комплекс действий: следственный эксперимент, проверка показаний на месте и др. К несомненным достоинствам видеозаписи можно отнести то, что она:

– объективно, полно и оперативно фиксирует и воспроизводит ход, результаты следственных и иных действий;

– позволяет регистрировать быстропротекающие процессы и в последующем изучать их как в целом, так и по частям (метод стоп-кадра);

– дает возможность хронометрировать время протекания зафиксированного события;

– позволяет опровергать заявления участников следственного действия о якобы имевших место нарушениях уголовно-процессуального законодательства (обобщение практики суда присяжных показало, что просмотр видеозаписей следственных действий позволял опровергнуть заявления о насилии в отношении их участников или неверном протоколировании) [17, с. 40 – 47].

Носитель видеозаписи либо зафиксированная на нем информация в некоторых случаях могут выступать в качестве объектов исследования для:

1) выявления и установления признаков монтажа видеозаписи, особенно полученной за рамками уголовно-процессуальной деятельности;[5]

2) установления лиц и признаков их внешности на видеоизображениях [8];

3) определения размеров объектов на видеозаписи и расстояний между ними [10];

4) установления на видеозаписи скорости движения запечатленных объектов [13];

5) определения скорости и времени движения транспортного средства (ТС) на запечатленном участке происшествия;

6) установления места и расположения ТС, пешеходов и других участников движения, запечатленных в момент контактного взаимодействия;

7) определения направления и характера движения контактировавших объектов;

8) уточнения расстояния, на котором находилось ТС в момент возникновения опасности для движения (выход пешехода на проез-

[3] Способ фиксации доказательств с места происшествия большой площади в районах вооруженных конфликтов и аппаратно-программный комплекс для его реализации. URL: https://patents.google.com/patent/RU2707247C1/ru (дата обращения: 23.04.2022).

[4] История судебной видеозаписи в деятельности ОВД. URL: https://studopedia.ru/12_80337_istoriya-sudebnoy-videozapisi-v-deyatelnosti-ovd.html (дата обращения: 23.04.2022).

[5] Судебный эксперт : сайт Центра по проведению судебных экспертиз и исследований. URL: http://sudexpa.ru/expertises/ustanovlenie-podlinnosti-i-autentichnosti-videozapisi-vyiavleniia-priznakov-montazha/ (дата обращения: 23.04.2022).

жую часть; пересечение линий разметки ТС, создавшим опасность, и т.д.) [5];

9) анализа звукового сопровождения видеоизображения, звукового фона, отдельных звуков, речи, совпадение речи с артикуляцией;

10) определения астрономического времени событий, зафиксированных видеозаписывающими устройствами, их продолжительности и последовательности [2].

Панорамирование, наезд-отъезд и покадровый просмотр (метод стоп-кадра) образуют систему методов видеозаписи [9]. В следственной и экспертной практике наблюдается взаимная адаптации методов фотосъемки и видеозаписи, таких как измерительная, опознавательная и макросъемка, которая осуществляется с учетом технических различий фото- и видеоаппаратуры.

Современное техническое и программное обеспечение видеозаписи позволяет производить скоростную и замедленную видеосъемки, которые можно рассматривать как специальные технические приемы, применимые при производстве экспертиз и некоторых следственных действий, например, следственного эксперимента.

Использование ПЗС-матриц[6] позволило осуществлять видеозапись со скоростью до 1000 кадров в секунду. Внедрение КМОП-матриц[7] позволило совершить технологический прорыв, увеличив скорость видеозаписи до 0,58 триллиона кадров в секунду.[8] В 2017 году технические возможности видеозаписи позволили осуществлять съемку со скоростью до 5 триллионов кадров в секунду.[9] В 2018 году появились технологии, позволившие снимать 10 триллионов кадров в секунду, а в 2020 году исследователями Калифорнийского технологического института была разработана камера, увеличившая скорость съемки до частоты 70 триллионов кадров в секунду.[10]

Замедленная видеосъемка, с использованием режима time lapse, применяется для съемки и изучения медленно протекающих процессов, когда покадровая съемка производится с равномерно задаваемым интервалом от нескольких секунд или минут до часов, что при обычном просмотре обеспечивает многократное ускорение видимого на дисплее движения[11].

Таким образом, законодатель особо выделяет применение технических средств фиксации доказательств, отдавая предпочтение так называемым объективным способом фиксации доказательств, как не зависящим от субъективных особенностей лица, их осуществляющего. Среди них особое место занимают фотосъемка и видеозапись как наиболее часто применяющиеся на практике, современные возможности которых существенно расширились.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Белкин Р.С. Собирание, исследование и оценка доказательств: Сущность и методы. — Москва : Наука, 1966. — 295 с.

2. Белкова Г.Г. Некоторые проблемы криминалистической экспертизы видеоизображения // Новый юридический вестник. — 2017. — № 2 (2). — С. 57—60.

3. Булкина Н.В., Пацкевич А.П. История возникновения и развития криминалистической фотографии // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. D: Экономические и юридические науки. — 2006. — № 8. — С. 231—234.

4. Волынская О.В. Доказывание истины в уголовном процессе // Вестник МВД РФ. — 1999. — № 3-4. — С. 128.

5. Гунько И.В., Новиков И.А. Метод определения скорости движения ТС с использованием графического моделирования // Информационные технологии и инновации на транспорте : материалы 2-ой Междунар. науч.-практ. конф. (Орел, 17—18 мая 2016 г.) / под общ. ред. А.Н. Новикова. — Орел : Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, 2016. — С. 393—398.

6. Деятельность экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел по применению экспертно-криминалистических методов и средств в раскрытии и расследовании преступле-

[6] ПЗС — прибор с зарядовой связью, сокр. от англ. CCD, «charge-coupled-device». URL: https://www.npk-photonica.ru/info/reading/18320/ (дата обращения: 23.04.2022).

[7] КМОП. Комплементарная структура металл-оксид-полупроводник; англ. CMOS, complementary metal-oxide-semiconductor — технология построения электронных схем. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/КМОП (дата обращения: 23.04.2022).

[8] URL: https://habr.com/ru/company/ruvds/blog/654161/ (дата обращения: 23.04.2022).

[9] Наука и жизнь. 2017. № 9. С. 26.

[10] URL: https://habr.com/ru/company/ruvds/blog/654161/ (дата обращения: 23.04.2022).

[11] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Замедленная_киносъемка (дата обращения: 23.04.2022).

ний : учеб. пособие / [ред. В.А. Снетков, В.А. Ивашков и др.]. — Москва : Экспертно-криминалистический центр МВД России, 1996. — 101 с.

7. Егоров Н.Н., Ищенко Е.П. Криминалистика : учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры : в 2 ч. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Юрайт, 2017. — Ч. 1. — 362 с.

8. Ильин Н.Н. Возможности исследования вещественных доказательств, содержащих видеоинформацию // Вещественные доказательства: собирание и возможности исследования : монография / отв. ред. Н.Н. Егоров. — Москва : Юрлитинформ, 2017. — С. 124—136.

9. Ищенко Е.П., Егоров Н.Н., Мерецкий Н.Е. Криминалистика : учебник. — Владивосток : Изд-во ТГЭУ, 2010. — 254 с.

10. Кривощеков С.А. Способы определения размеров объектов и расстояний между ними по изображению, зафиксированному фото- или видеокамерой с неизвестными параметрами, при помощи фотограмметрического программного обеспечения // Теория и практика судебной экспертизы. — 2013. — № 3 (31). — С. 46—52.

11. Криминалистика : учебник / под ред. В.А. Образцова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Юристъ, 1999. — 369 с.

12. Криминалистика : учеб. пособие в схемах / под ред. А.Г. Филиппова. — Москва : Новый Юрист, 1998. — 222 с.

13. Пронин В.Н., Звездин М.В., Шавыкина С.Б. Расчет скоростей движения объектов по видеозаписям, полученным средствами видеофиксации // Теория и практика судебной экспертизы. — 2013. — № 3 (31). — С. 84—88.

14. Силкин П.Ф. Судебно-исследовательская фотография : учебник. — Волгоград : Высшая следственная школа МВД СССР, 1979. — 335 с.

15. Судебная фотография и видеозапись : учеб. пособие / сост. Е.В. Нарыжный, А.А. Шаевич. — Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД Российской Федерации, 2014. — 96 с.

16. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. — Москва : Норма, 2008. — 238 с.

17. Щерба С.П., Власова Н.А., Стеснова Т.И. Если нарушены правила получения и фиксации доказательств (из анализа практики суда присяжных) // Вестник МВД РФ. — 1995. — № 3. — С. 40—47.

REFERENCES

1. Belkin R.S. *Sobiranie, issledovanie i otsenka dokazatel'stv: Sushchnost' i metody* [Gathering, researching and evaluation of the evidence: Essence and methods]. Moscow, Nauka Publ., 1966. 295 p.

2. Belkova G.G. Some issues of the criminal expertise of video image. *Novyi yuridicheskii vestnik = New legal bulletin*, 2017, no. 2 (2), pp. 57—60. (In Russian).

3. Bulkina N.V., Patskevich A.P. History of origin and development of criminal photography. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya D. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki = Vestnik of Polotsk State University. Part D. Economic and legal sciences*, 2006, no. 8, pp. 231—234. (In Russian).

4. Volynskaya O.V. Proving the truth in the legal process. *Vestnik MVD RF = Bulletin of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*, 1999, no. 3—4, p. 128. (In Russian).

5. Gun'ko I.V., Novikov I.A. Method of determining the speed of movement of a vehicle using graphic modeling. In Novikov A.N. (ed.). *Informatsionnye tekhnologii i innovatsii na transporte. Materialy 2-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Orel, 17—18 Maya 2016 g.* [Information technology and innovations in transport. Materials of the 2nd All-Russian Research Conference, Orel, May 17—18, 2016]. Orel State University named after I.S. Turgenev Publ., 2016, pp. 393—398. (In Russian).

6. Snetkov V.A., Ivashkov V.A. et. al. (eds). *Deyatel'nost' ekspertno-kriminalisticheskikh podrazdelenii organov vnutrennikh del po primeneniyu ekspertno-kriminalisticheskikh metodov i sredstv v raskrytii i rassledovanii prestuplenii* [Activities of forensic units of internal affairs bodies on the use of forensic methods and tools in the disclosure and investigation of crimes]. Moscow, Forensic center of the ministry of internal affairs of Russia Publ., 1996. 101 p.

7. Egorov N.N., Ishchenko E.P. *Kriminalistik* [Criminalistics]. 2nd ed. Moscow, Yurait Publ., 2017. Pr. 1. 362 p.

8. Il'in N.N. Possibilities of the research of the evidence that contain video information. In Egorov N.N. (ed.). *Veshchestvennye dokazatel'stva: sobiranie i vozmozhnosti issledovaniya* [Evidence: gathering and possibilities of research]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2017, pp. 124—136. (In Russian).

9. Ishchenko E.P., Egorov N.N., Meretskii N.E. *Kriminalistik* [Criminalistics]. Vladivostok State University of Economics and service Publ., 2010. 254 p.

10. Krivoshchekov S.A. Ways of determining the size of objects and distances between them by the image captured with photo and video camera with unknown parameters photogrammetric software. *Teoriya i praktika sudebnoi ekspertizy = Theory and Practice of Forensic Investigation*, 2013, no. 3 (31), pp. 46—52. (In Russian).

11. Obraztsov V.A. (ed.). *Kriminalistik* [Criminalistics]. 2nd ed. Moscow, Yurist Publ., 1999. 369 p.

12. Filippov A.G. (ed.). *Kriminalistik* [Criminalistics]. Moscow, Novyi Yurist Publ., 1998. 222 p.
13. Pronin V.N., Zvezdin M.V., Shavykina S.B. Calculation of the speed of the objects by video records made with the means of video fixing. *Teoriya i praktika sudebnoi ekspertizy = Theory and Practice of Forensic Investigation*, 2013, no. 3 (31), pp. 84—88. (In Russian).
14. Silkin P.F. *Sudebno-issledovatel'skaya fotografiya* [Forensic and research photography]. Volgograd, Higher investigative school of the ministry of internal affairs of the USSR Publ., 1979. 335 p.
15. Naryzhnyi E.V., Shaevich A.A. (eds). *Sudebnaya fotografiya i videozapis* [Forensic photography and video recording]. Irkutsk, East Siberia Institute of the Russian Internal Affairs Ministry Publ., 2014. 96 p.
16. Sheifer S.A. *Dokazatel'stva i dokazyvanie po ugolovnym delam: problemy teorii i pravovogo regulirovaniya* [Evidence and proving in criminal cases: problems of theory and legal regulation]. Moscow, Norma Publ., 2008. 238 p.
17. Shcherba S.P., Vlasova N.A., Stesnova T.I. If the rules of getting and fixating the evidence are violated (from the analysis of the jury trial practice). *Vestnik MVD RF =Bulletin of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*, 1995, no. 3, pp. 40—47. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Егоров Николай Николаевич (Москва) — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, строение 13 (4-й учебный корпус), e-mail: egorovnn@yandex.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Egorov, Nikolay N. (Moscow) — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Criminalistics Department, Lomonosov Moscow State University (1 Leninskiye Hills, Bldg. 13 (4th academic building), Moscow, 119991, e-mail: egorovnn@yandex.ru).

УДК 342.98

Е.А. Глухов
Военный университет Минобороны России,
Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-7212-8156
ResearcherID: AGN-4907-2022

УПРАВЛЕНИЕ ПУТЕМ ОТДАЧИ УСТНЫХ ПРИКАЗОВ В РАКУРСЕ ВОИНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2022. — № 2. — С. 83—93.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2022.2.10.
Дата поступления 04.03.2022, дата принятия к печати 15.06.2022, дата онлайн-размещения 30.06.2022.

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются нормы отечественного и зарубежного военного законодательства относительно порядка исполнения приказа военнослужащим в случае, когда исполнение такого приказа может повлечь наступление вреда охраняемым законом интересам. Выявляются различия приказа для военнослужащего и гражданского сотрудника в части его обязательности, возможности обжалования, ответственности за неисполнение. Автор, с одной стороны, акцентирует внимание на невозможности для военнослужащего уклониться от исполнения приказа под угрозой юридических санкций за отказ от исполнения, с другой стороны — показывает возможность исполнения приказа как формы соучастия в преступлении. Приводятся типовые примеры приказов воинских начальников, следствием которых возможно совершение преступлений и привлечение к уголовной ответственности исполнителя. Рассматриваются приказы, противоречащие нравственным нормам. Исследуется опыт оценки приказов со стороны военнослужащего в ряде зарубежных стран (в США, Германии, Италии, Словакии, Сингапуре). Подвергаются анализу причины и условия некритичного и даже неосмысленного отношения военнослужащих к любым полученным приказам. На основе выявленных противоречий вносятся предложения о совершенствовании российского законодательства путем предоставления подчиненным права оценки поступивших приказов на предмет их соответствия закону и нормам морали, а также права в мирное время требовать письменных приказов в случаях, когда они обоснованно сомневаются в их законности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Приказ; военнослужащий; военное управление; статья 342 УК РФ; соучастие в преступлении; концепция умных штыков; дисциплина воинская; свобода выбора.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Глухов Е.А. Управление путем отдачи устных приказов в ракурсе воинских правоотношений // Пролог: журнал о праве. — 2022. — № 2. — С. 83—93.

UDC 342.98

E.A. Glukhov
Military University of the Ministry of Defense of Russia,
Moscow, Russian Federation
ORCHID: 0000-0002-7212-8156
ResearcherID: AGN-4907-2022

ADMINISTRATION BY GIVING VERBAL ORDERS FROM THE PERSPECTIVE OF MILITARY LEGAL RELATIONS

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal, 2022, no. 2, pp. 83—93.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2022.2.10.
Received 04.03.2022, accepted 15.06.2022, available online 30.06.2022.

ABSTRACT

The article analyzes norms of domestic and foreign military legislation concerning the procedure of execution of the order by military personnel. The article explores cases when the implementing of those orders can be harmful to the interests that are protected by law. The author distinguishes the differences of the order for the military personnel and civil officer; it is pointed out for whom the order is obligatory and who has the right to appeal and who will be liable for failure to execute the order. On one hand, the author emphasizes the inability for the military personnel to evade the execution of the order under the threat of legal sanctions; on the other hand, the article shows the possibility to execute an order as the form of complicity in a crime. The author cites typical examples of military officers' orders that could lead to committing of crimes or to criminal prosecution of the executor. The author examines the orders that contradicts the norms of morality. The article explores the experience of evaluating military orders from the point of view of the military personnel in some foreign countries (for instance, in the USA, Germany, Italy, Slovakia, Singapore). The author analyzes reasons and conditions of non-critical and even thoughtless attitude of the military personnel to any given orders. On the grounds of the found contradictions, the suggestions are expressed to try and make the Russian legislation more perfect by providing the military personnel with the ability to assess all given orders and see if they correlate with the law and the norms of morality. In the peacetime, the military personnel should have to right to inquire written orders if they are doubtful in the legal grounds of any give verbal order.

KEYWORDS

Order; military personnel; military administration, the article 342 of the Criminal Code of the Russian Federation; complicity in a crime; concept of clever bayonets; military discipline; freedom of choice.

FOR CITATION

Glukhov E.A. Administration by Giving Verbal Orders from the Perspective of Military Legal Relations. *Prologue: Law Journal*, 2022, no. 2, pp. 83—93. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2022.2.10.

1. Приказ и специфика его воздействия в отношении военнослужащего

В толковых словарях термин «приказ» определяется как «официальное распоряжение органа власти (войскового начальника, начальника учреждения), обращенное обычно к подчиненным и требующее выполнения определенных действий, соблюдения тех или иных правил или устанавливающее какой-нибудь порядок, положение»[1], «официальное указание, подлежащее неукоснительному исполнению»[2], «нормативный правовой акт управления, официальное письменное или устное распоряжение того должностного лица, кто облечен властью, обязательное для исполнения подчиненными».[3]

Указанные выше сущностные признаки приказа применимы ко всем иерархическим системам управления, как в военной сфере, так и вне ее. Однако, в то же время, имеются и существенные различия в механизме исполнения приказа в военной организации.

Само по себе определение приказа в ст. 39 Устава внутренней службы ВС РФ[4] (далее в настоящей статье — УВС ВС РФ), в общем, соответствует по смыслу значению приказа, указанному выше в толковых словарях. Приказ — это распоряжение командира (начальника), обращенное к подчиненным и требующее обязательного выполнения определенных действий, соблюдения тех или иных правил или устанавливающее какой-либо порядок, положение.

Вместе с тем, тот же Устав содержит весьма важные особенности механизма исполнения приказа в военной среде. Самая главная особенность воинского приказа содержится в статье 45 УВС ВС РФ, согласно которой приказ командира (начальника) должен быть выполнен точно и в срок. Подчиненный должен приложить все усилия для выполнения полученного приказа. Подчиненному нельзя отказываться от его исполнения, ссылаться на свое нежелание его исполнять, на неумение, на религиозные или моральные принципы, на отсутствие опыта, окончание рабочего дня и прочие субъективные причины и объективные трудности. Поскольку деятельность военнослужащего обусловлена целью защиты Отечества от внешних угроз, связана с повышенной опасностью для его жизни и здоровья[5], то сопутствующие выполнению приказа трудности априори считаются вполне естественными и не влияющими на обязательность его исполнения.

Вместе с тем, указанные выше правила характерны для идеальной среды, когда подчиненным отдаются лишь законные приказы, эти приказы подкреплены необходимыми ресурсами, а отдавшие приказы командиры являются военными профессионалами. К сожалению, так бывает далеко не всегда.

В теории управления приветствуется, когда подчиненный думает над приказом, полученной командой, критически анализирует его слабые и сильные стороны, будущий процесс исполнения и связанные с ним трудности. Процесс размышления над приказом, обмен мнениями по данному вопросу с иными лицами (в т.ч. специалистами в сфере мероприятий будущего приказа), постановка задач подчиненным и обсуждение с ними возможных препятствий их реализации — все это ни коим образом не вредит достижению цели, поставленной в приказе [4, с. 167—192]. Но на военной службе все равно существует императивный запрет на любое обсуждение приказа. Приказ должен исполняться **беспрекословно** (ст. 16, 19, 34, 37, 43 УВС ВС РФ). Согласно ст. 7 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащие не вправе обсуждать также и критиковать приказы командира. Такой жесткий принцип исполнения команд (категоричность требований, обязательность исполнения, запрет критики и обсуждения) повышает управляемость подчиненными, но не всегда ведет к повышению эффективности управления [2, с. 94—103].

Ни один нормативный правовой акт Российской Федерации вообще не требует от командира каким-либо образом обосновывать перед подчиненным отданный приказ, объяснять, для чего требуется исполнения приказа.

---

[1] Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка. Москва, 1998. С. 508.

[2] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. Москва: Азбуковник, 1999. С. 592.

[3] Пограничный словарь. М.: Академия Федеральной ПС РФ, 2002. С. 53.

[4] Указ Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495 (ред. от 24 дек. 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 47, 1 ч. Ст. 5749.

[5] Согласно пункта 2 статьи 1 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ (ред. от 28 янв. 2022 г.) «О статусе военнослужащих» на военнослужащих возлагаются обязанности по подготовке к вооруженной защите и вооруженная защита Российской Федерации, которые связаны с необходимостью беспрекословного выполнения поставленных задач в любых условиях, в том числе с риском для жизни (Российская газета. 1998. 2 июня).

То есть командир не обязан разъяснять подчиненным, зачем и для чего ему требуется, чтоб тот, например, начал маршировать на плацу или копать яму.

Необходимо акцентировать внимание на том, что командир вправе направить подчиненного на выполнение мероприятий, которые могут повлечь вред для жизни и здоровья подчиненного. В этом ракурсе жесткий принцип единоначалия и повышенная степень ответственности за неисполнение приказа необходимы для воздействия на подчиненного и гарантии выполнения отданного приказа. Вполне возможно, что командир даже знает, что посылает подчиненного на верную смерть в бою, но и в этом случае он может использовать подчиненного «вслепую», не информировать его о всех сопутствующих исполнению приказа опасностях.

Обучение послушанию в армии ведется целенаправленно. Система воинского воспитания с самого начала военной службы вырабатывает у военнослужащего автоматизм выполнения команд и беспрекословное подчинение любым, пусть даже самым абсурдным, с его точки зрения, приказам. Широкое распространение в боевой подготовке войск получили такие методы психологической подготовки как «обкатка танками», в ходе которой военнослужащего погружают в крайне экстремальную ситуацию, которая позволяет морально подготовить его к бою, а также «Психополоса», где на коротком участке военнослужащих ждут и засады, и мины, и провокации, и крики раненых [9, с. 6]. Все эти и многие другие искусственно созданные командирами трудности подготовки военнослужащего направлены на подготовку его к реальной боевой ситуации, являются воплощение суворовского принципа «тяжело в учении — легко в бою».

Следует напомнить о кардинальной специфике в предназначении военнослужащих — вся их деятельность обусловлена возможностью войны и применением военных методов разрешения конфликтов. Смысл военной службы заключается в защите Отечества от внешних угроз вплоть до степени самопожертвования. Поэтому уже в мирное время командиры тренируют подчиненных к деятельности в сложных условиях боевой обстановки, в т.ч. искусственно создавая трудные условия выполнения команд.

Подчиненный может иначе, чем командир понимать интересы службы, свои обязанности, но это не изменяет обязательности повиноваться приказу. И, вполне возможно, подчиненный мыслит более верно, чем отдающий приказ начальник, но все равно полученный приказ подлежит исполнению. Ведь если позволить подчиненному рассуждать самостоятельно и оправдывать невыполнение приказов различными причинами, в т.ч. уважительными, тем самым будет поставлено под угрозу выполнение боевых задач командования, о которых подчиненному знать и не полагается.

Кстати, желание уволиться и написание соответствующего рапорта об этом также не отменяет и не приостанавливает действие отданного приказа. До момента прекращения статуса военнослужащего подчиненный обязан повиноваться приказам.

Повышенная степень обязательности приказа в военной среде подкрепляется более жесткими санкциями за нарушения правовых норм и приказов начальников по сравнению с обычными гражданами. В отношении военнослужащих, например, введена уголовная ответственность по ст. 332 УК РФ за невыполнение приказа, тогда как для гражданского лица указанные деяния влекут максимально лишь дисциплинарную ответственность. Анализ материалов судебной практики показывает, что объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 332 УК РФ, составляли такие деяния как отказ выполнить приказ заступить в суточный наряд, отказ чистить овощи в столовой для приготовления пищи на подразделение, отказ от убытия к новому месту военной службы [7, с. 221—228]. Казалось бы, вполне обыденные события, от которых нет человеческих жертв или крупного материального ущерба, но на практике такие случаи неповиновения влекут уголовную ответственность, судимость, «пятно на всю жизнь». Суды при квалификации деяний в качестве преступлений указывают на наступление вреда интересам военной службы в виде подрыва авторитета командира, снижения уровня воинской дисциплины, срыва выполнения боевых (учебно-боевых) задач либо важных мероприятий распорядка дня [5, с. 49—53].

В случае открытого неповиновения или сопротивления подчиненного командир (начальник) обязан для восстановления порядка и воинской дисциплины принять все меры принуждения, вплоть до задержания и привлечения нарушителя к ответственности. При этом командир может применить оружие в боевой обстановке, а в условиях мирного времени — в исключительных случаях, не терпящих отлагательства (статья 9 Дисциплинарного Устава ВС РФ[6]).

[6] Указ Президента РФ от 10 нояб. 2007 г. № 1495 (ред. от 24 дек. 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 47 (1 ч.). Ст. 5749.

В большинстве случаев неисполнения приказа, когда не наступило существенного вреда интересам военной службы, такое деяние влечет дисциплинарную, а не уголовную ответственность для военнослужащего. Но и такие санкции имеют весьма болезненные последствия: наличие взыскания автоматически влечет уменьшение размера денежного довольствия военнослужащего по контракту, утрату права на премии и определенные поощрения, затрудняет карьерный рост, способствует увольнению его по дискредитирующим основаниям.

Устав внутренней службы ВС РФ предписывает, что обжалование приказа подчиненным возможно лишь после его исполнения (абз. 3 ст. 43). То есть даже при несогласии подчиненного с полученным приказом, даже при его кажущейся бессмысленности или незаконности подчиненный все равно должен сначала его исполнить. И до момента исполнения обжаловать приказ нельзя, по крайней мере, во внесудебном порядке. Несогласие подчиненного с полученным приказом и желание его оспорить, даже сама подача жалобы, все равно не приостанавливают необходимость его исполнения.

Приказы военнослужащим, в отличие от гражданских работников, могут отдаваться не только по вопросам их должностных обязанностей. Кроме исполнения должностных обязанностей на военнослужащих возлагается также исполнение общих и специальных обязанностей (ст. 26 и 27 Федерального закона «О статусе военнослужащих»), которые у гражданских сотрудников отсутствуют как таковые.

Поэтому вполне естественны и соответствуют закону приказы командиров о назначении подчиненного старшим машины и его поездках на ней в течение длительного времени, о назначении подчиненного старшим на уборке снега или рытье канавы, об участии параде и тренировках к параду и т.п. Исполнение всех подобного рода приказов и многих других охватывается обязанностью военнослужащего исполнять общие обязанности.

Относительно временных рамок отдачи приказов подчиненному, важно отметить, что для военнослужащего они не ограничены служебным временем. Получив приказ начальника в выходной день или ночью, военнослужащий также обязан ответить «Есть» и приступить к его исполнению. В этом случае время отдыха заканчивается, военнослужащий приступает к исполнению обязанностей военной службы. Не требуется здесь и издания письменного распоряжения, достаточно устного распоряжения любого из начальников военнослужащего в иерархической лестнице.

2. Исполнение незаконного приказа военнослужащим

Единственным исключением из правила об обязательности приказа для российского военнослужащего является возможность не исполнять **явно и заведомо** преступный приказ. Да и то, данное исключение содержится не в самом распространенном и доступном для любого военнослужащего «букваре» — не в Общевоинских Уставах ВС РФ, а в части 2 статьи 42 Уголовного Кодекса РФ, где указано:

«Лицо, совершившее умышленное преступление во исполнение заведомо незаконных приказа или распоряжения, несет уголовную ответственность на общих основаниях. Неисполнение заведомо незаконных приказа или распоряжения исключает уголовную ответственность».

В том случае, если военнослужащий не знает и не должен знать о незаконности полученного приказа, и исполняет его, то ответственность за причинение вреда, наступившего в результате исполнения приказа, несет отдавший приказ начальник (ч. 1 ст. 42 УК РФ). Когда исполнитель не может осознать незаконность полученного приказа, его исполнение будет презумироваться как исполнение законного приказа (распоряжения).

И наоборот, если военнослужащий осознавал незаконный характер приказа, и все равно исполнил его, в результате чего наступили тяжкие последствия, то он подлежит уголовной ответственности как исполнитель, а лицо, отдавшее преступный приказ — как организатор преступления. При этом в нормах международного права после судебных процессов над руководителями фашизма[7] сформировался подход, согласно которому исполнение преступного приказ не освобождает исполнителя от ответственности за преступление, совершенное им по приказу начальника. Согласно ст. 154 Перечня обычных норм Международного гуманитарного права [12] каждый участник боевых действий (комбатант) обязан не повиноваться явно незаконному приказу. Указанная позиция базируется на стандарте «обязанности знания» [17], смысл которой сводится к тому, что «средний

[7] Принципы международного права, признанные Уставом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в решении этого Трибунала (приняты в 1950 г. на второй сессии Комиссии международного права ООН) // Международное публичное право : сб. документов. Москва, 1996. Т. 2. С. 101 — 102.

благоразумный человек» в ситуации действующего должен был знать сопутствующую информацию и учесть ее при определении модели своего поведения [13, с. 81].

Так, ст. 33 Статута Международного уголовного суда[8] дает пример подобной ситуации, который в литературе получил название доктрины «умных штыков» [6, с. 35—45]. Исполнение приказа правительства или начальника исключает наступление ответственности в случае, когда приказ не был явно незаконным, чем презюмируется, что противоправность **явно незаконного приказа** всегда осознается лицом.

Главным критерием законности приказа является его соответствие (не противоречие) законам, другим нормативным правовым актам, приказам вышестоящих командиров (начальников) по содержанию, цели и средствам исполнения [10, с. 83]. Совершенно справедливо указывается на то, что кроме собственно содержания приказа правовой оценке подлежит также поставленная в нем цель и определенные командиром средства достижения данной цели.

Незаконные приказы условно можно разделить на преступные и иные противоправные. Все преступные деяния сгруппированы в статьях особенного части Уголовного кодекса РФ. В настоящее время в УК РФ насчитывается более двухсот составов различных преступлений, о многих из которых обычный человек имеет лишь общее представление. И если некоторые преступные деяния довольно легко узнаваемы для обычного среднего человека (убийства, кражи, грабежи), то ряд деяний однозначно классифицировать как преступные или не преступные затрудняются даже профессиональные юристы (например, деяния, связанные с нарушением тайны переписки, мошенничеством, незаконным лишением свободы и т.п.). Даже для судей, выполняющих свою работу в тиши кабинетов, а не в психотравмирующей обстановке поля боя, данный вопрос является зачастую трудным. Подавляющее большинство военнослужащих не являются профессионалами в области юриспруденции, для них вопрос правильной квалификации еще более затруднен.

Безнаказанно, да и то лишь в части уголовных санкций, отказаться можно лишь от выполнения приказа, который подчиненный четко и однозначно квалифицирует как явно преступный, и который на самом деле таковым (преступным) является. Но преступен ли приказ применить оружие по другому человеку? В боевых условиях по противнику, при задержании опасного преступника, для охраны военного имущества и в некоторых иных случаях — нет, а без законных оснований — да.

Имели ли место такого рода обстоятельства, существует ли нормативный акт, определяющий процедуру действий при применении силы, и иные тонкости законодательства — всего этого знать обычные военнослужащий не способен. Тем более 18-летний военнослужащий срочной службы, без опыта применения оружия и профессионального образования. Он, в первую очередь, полагается на презумпцию знания закона командиром и на силу его приказа. Можно сказать, что подчиненный расценивает себя как инструмент в руках командира, полагаясь на его компетентность и следование закону.

В юридической литературе отмечается, что в закрытых организациях (к которым относятся и воинские формирования) незаконные средства зачастую являются единственным вариантом достижения амбициозных целей, поставленных вышестоящим руководством [19].

Характерным в этом плане является громкое в свое время уголовное дело капитана спецназа ГРУ Э.А. Ульмана, который по приказу старшего начальника, полученному по радиостанции, приказал расстрелять задержанных его группой мирных жителей в Чечне. Приказ был безоговорочно исполнен, за что впоследствии все участники данного деяния были осуждены[9].

Приведем несколько примеров приказов, толкающих подчиненных на совершение преступления.

а) Военнослужащий прибыл на построение в состоянии опьянения, стал выкрикивать нецензурные ругательства в строю. Командир в целях пресечения выходки и наведения воинской дисциплины приказывает подчиненным посадить хулигана в пустое помещение казармы и запереть его там до вытрезвления, до следующего утра.

С одной стороны, налицо факт нарушения закона со стороны пьяного подчиненного. Да, он должен понести ответственность за свои вы-

[8] Статут Международного уголовного суда. Принят в г. Риме 17 июля 1998 г. Россия подписала данный документ (Распоряжение Президента РФ от 8 августа 2000 г. № 394-рп). Россия намерена не стать участником данного документа (Распоряжение Президента РФ от 16 ноября 2016 г. № 361-рп).

[9] Приговором Северо-Кавказского окружного военного суда признан виновным в убийстве шести мирных жителей Чечни. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ульман,_Эдуард_Анатольевич (дата обращения: 20.03.2022).

ходки, но в установленном законодательством порядке, т.е. после разбирательства, после вынесения решения уполномоченным лицом. В нашем же примере кара правонарушителя наступает немедленно. И что самое важное — кара не дисциплинарная, а виде лишения свободы[10]. Должны ли подчиненные исполнять приказ командира о лишении свободы данного хулигана? Ведь подобные деяния можно квалифицировать по статье 127 УК РФ.

б) По учениям рота прибыла в район сосредоточения, который оказался на территории природного заказника. Командир приказывает замаскировать технику, выкопать окопы. В этих целях подчиненным приказано срубить несколько деревьев, среди которых оказались редкие.

С одной стороны, такие действия соответствуют Боевым уставам и Наставлениям. С другой — такие деяния при определенных условиях образуют состав преступления, предусмотренного ст. 260 или ст. 262 УК РФ.

в) Старший машины приказывает водителю ехать быстрее, превысить разрешенную скорость. Тот выполняет распоряжение, не справляется с управлением и совершает ДТП. Кто виновен в данном правонарушении: приказавший или исполнивший приказ? Должен ли водитель, в чьи действия по управлению автомобилем вмешался начальник, понести ответственность по ст. 264 УК РФ?

г) Командир воинской части приказывает своему водителю подъехать к хранилищу горюче-смазочных материалов возглавляемой воинской части, наполнить там бочку бензином и отвезти ее по указанному адресу. Должен ли водитель исполнить приказ или отказаться, расценивая исполнение приказа как соучастие в краже (растрате) бензина?

д) В целях придания видимости благополучной обстановки командир приказывает руководителям подчиненных подразделений собрать с курсантов деньги на ремонт и обустройство казармы, в которой они проживают. С одной стороны, такой приказ якобы продиктован заботой о благополучии подчиненных и даже выгоден им. С другой стороны, военнослужащий не должен тратить свои деньги на ремонт казенного здания, это обязанность государства. И подобные требования командира можно квалифицировать как преступление по ст. 285 или ст. 286 УК РФ, сборщики же денег станут соучастниками преступления [3, с. 66—75].

Уверен, что перечень такого рода примеров может быть продолжен.

Но преступные приказы — это только часть айсберга: гораздо больше незаконных приказов, которые не образуют состава преступления, не подпадают под действие Уголовного кодекса РФ, но от этого не перестают быть незаконными. Такие приказы противоречат закону, но не несут вреда до уровня преступления. Сюда можно отнести приказ подготовить документы на увольнение непонравившегося подчиненного (которого на самом деле не за что увольнять). Или приказы ночью вместо сна учить Общевоинский Устав, отжиматься от пола за какую-либо провинность, возить на служебном автомобиле свою жену по личным делам, осуществлять досмотр личных вещей проходящих лиц, выдать своему протеже что-то вне очереди и т.п.

Скорее всего, даже при возникновении сомнений в законности приказа подчиненный сочтет, что за отданный приказ отвечает командир, а не он сам, поэтому исполнит его. Снова и снова, с самого начала военной службы военнослужащему втолковывают, что приказ подлежит безусловному исполнению, что с командиром нельзя спорить и пререкаться, что только командир вправе решать, что правильно, а что неправильно. Все это усваивается настолько глубоко, что уважение к командирскому авторитету и автоматизм выполнения приказа остается в самых разных обстоятельствах, в т.ч. и тогда, когда по условиям обстановки человек должен сам оценивать и определять свои поступки.

В знаменитом психологическом эксперименте Стенли Милгрэма показано, что обычные добропорядочные обыватели готовы наносить боль и страдания совершенно посторонним людям (в эксперименте — выступающим в роли учеников) при условии, что за их действия понесут ответственность не они сами, а отдающие приказ. Поступок, немыслимый для кого-то при обычных обстоятельствах, может быть совершен без колебаний, если на сей счет есть указание начальника и индульгенция от ответственности. Подчиненный снимает с себя ответственность за свои же поступки во исполнение приказа [14, с. 5—6].

Военнослужащий воспринимает приказы командира как естественную составляющую процесса военной службы, покорно подчиняет себя авторитету погон старшего начальника. Если подчинение может быть слепым, без размышления об адекватности

[10] Согласно ст. 22 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению.

требований власти, то неподчинение всегда сознательно и рефлексивно [1, с. 76 – 92], для принятия решения о неподчинении требуется гораздо большая смелость.

Всячески искореняемая в военной среде критическая оценка требований приказа чрезвычайно редко перевешивает внутренней установки на его исполнения «по умолчанию». А угрозы санкций за его неисполнение только усиливает послушание, даже если подчиненный считает поступивший приказ несправедливым. Постепенно мораль и должное поведение начинает интерпретироваться как нечто, происходящее извне, как акт подчинения своей воли правилам поведения, установленным вышестоящей инстанцией [18, с. 340 – 360].

Отдельно следует остановиться на аморальных приказах. Так, например, командир имеет полное право отдать подчиненному приказ принять положение для стрельбы лёжа, прямо на строевом плацу, под дождем, в присутствии сослуживцев. Или потребовать 50-летнего подчиненного не просто подойти к себе, а именно заставить его подбежать, со всей навешанной амуницией, на виду его товарищей без какой-либо на то необходимости (Строевой Устав ВС РФ[11] предусматривает команду начальника «Ко мне, бегом марш»). Применительно к военнослужащим срочной службы простор для их унижения командиром еще более огромен: можно заставить подчиненного голыми руками мыть туалеты, на всех построениях быть в каске, индивидуально тренировать его выполнению команд «Отбой» и «Подъем» на время и т.п. Причины подобных психологических деформаций рассматриваются в психологических исследованиях и объясняются, главным образом, безнаказанностью и неподконтрольностью лица, обладающего властью [15], осознание им такого стиля поведения как должного [20].

Приведенные в предыдущем абзаце приказы соответствуют закону, следовательно, де-юре подчиненный под страхом наказания обязан их исполнить, несмотря на снижение своего авторитета и унижение своего достоинства.

3. Зарубежный опыт оценки приказов со стороны военнослужащего

США. Новобранцев учат подчиняться приказам начальства немедленно и беспрекословно, с самого первого дня учебного лагеря. Статьи 90 – 92 Единого кодекса военной юстиции требуют повиновения законным приказам. Мало того, что незаконный приказ не должен быть выполнен, выполнение такого приказа может привести к уголовному преследованию. Военные суды уже давно считают, что военнослужащие несут ответственность за свои действия, даже выполняя приказы.

В деле "Соединенные Штаты против Кинана" обвиняемый морской пехотинец Кинан был признан виновным в убийстве после того, как подчинился приказу застрелить пожилого вьетнамца. Военный суд постановил, что "оправдания действиям, совершенным во исполнение приказа, не существует, если приказ был такого рода, что **человек, обладающий здравым смыслом и пониманием**, осознавал бы, что приказ незаконен" [16].

Таким образом, по законам США приказ, каким бы опасным он ни был, законен до тех пор, пока он не связан с совершением преступления. Важно отметить, что в праве США существует презумпция понимания явно преступных указаний командира.

Германия. По Конституции ФРГ никто не может быть принуждаем против своей совести к военной службе с оружием (ст. 4). Приведенная правовая норма подразумевает не только право выбрать альтернативную службу, но и право отказаться выполнить приказ.

Согласно германским военным уставам[12] военные приказы, по возможности, должны включать описание задачи и ее цели (Auftragstaktik). Поэтому зная цель полученного приказа, подчиненному гораздо проще оценить его с точки зрения критериев морали. Концепция «внутреннего руководства» (оценки приказа по совести) существенно ограничивает спектр возможных приказов, вводит существенные юридические ограничения, а каждому служащему в Бундесвере дает возможность отказаться от выполнения приказа без военного трибунала, если приказ противоречит его совести, унижает человеческое достоинство подчиненного или того, кого затрагивает приказ. Военнослужащий может не подчиниться, если приказ нарушает международное право или является преступлением (включая проступок)[13].

---

[11] Строевой устав Вооруженных Сил Российской Федерации : утв. приказом Министра обороны РФ от 11 марта 2006 г. № 111 // СПС «КонсультантПлюс».

[12] Zentrale Dienstvorschrift ZDv 10/1 Innere Führung. Bonn: Bundesministerium der Verteidigung Presse – und Informationsstab. 2008.

[13] Practice Relating to Rule 154. Obedience to Superior Orders // Официальный сайт международного Красного Креста и Красного полумесяца. URL: ihl-databases.icrc.org/customary-ihl/rus/docs/v2_cou_de_rule154 (дата обращения: 21.03.2022).

Италия. Солдат, который получает приказ, противоречащий действующему законодательству, должен доложить об этом своему начальнику. Если начальник подтверждает данный приказ, солдат обязан его выполнить. В случае если приказ явно направлен против институтов государства или его выполнение является очевидным преступлением, солдат обязан не выполнять приказ, а незамедлительно поставить в известность старших по отношению к отдавшему приказ начальнику.

Словакия. Никакой военный приказ не может быть отдан в нарушение законодательства, воинской присяги и морального кодекса военнослужащих. Согласно ст. 117.4 закона № 346/2005[14], если кадровый военный считает, что военная команда, директива, приказ или распоряжение его штабного начальника или командира не соответствует общепринятым обязательным правовым нормам, он обязан предупредить об этом начальника или командира. Если начальник или командир настаивает на выполнении команды, директивы, приказа или распоряжения, это должно быть подтверждено в письменной форме и кадровый военный обязан обеспечить выполнение [8, с. 259].

Сингапур. Не являются преступлением действия лица, обязанного по закону действовать или вследствие фактической ошибки полагающего, что у него имеется такая обязанность (ст. 76 УК Синапура). Законодатель приводит пример к данной статье: солдат стреляет в толпу по приказу вышестоящего офицера и в соответствии с велением закона. В этом случае солдат не совершил преступления [11, с. 45—51].

Выводы:

1. Управление посредством отдачи устных приказов получило весьма широкое распространение в военной среде. По сравнению с т.н. «невоенной сферой» трудовых отношений устные приказы воинских командиров начальников отличаются большей степенью властности, обязательности, безусловности исполнения. Своим устным распоряжением любой воинской начальник вправе вмешаться в работу подчиненного и перенаправить ее, даже если эта работа изначально происходит по установленным регламентам и соответствует закону.

2. Современные Общевоинские уставы ВС РФ не оставляют подчиненному вариантов выбора поведения при получении приказа. Подчиненный однозначно должен исполнять полученный приказ, за единственным исключением, когда поступивший приказ носит явно преступный характер и сам подчиненный об этом знает. Следовательно, в военном законодательстве России доктрина «умных штыков» из международного права не имплементирована.

3. Процесс отдачи устных распоряжений минует стадию их правовой экспертизы сотрудниками юридических подразделений, а ввиду недостаточного уровня правовых знаний самих командиров и конформистского отношения подчиненных ко всем без исключения приказам существует реальная опасность стать соучастником преступления у военнослужащего, исполнившего преступный приказ.

4. Аристотель сказал, что рабу свойственно понимать чужие мысли, но не иметь своих, ибо раб получает от других указания, что ему делать и как себя вести. Он повинуется, уступая насилию и не рассуждая. Он еще не знает о своем неотъемлемом духовном праве *признать и не признать* чужое веление.

В целях предупреждения совершения правонарушений во исполнение незаконных приказов командиров полагаю целесообразным внести изменения в военное законодательство, предоставив подчиненным право юридической оценки полученных приказов в случае потенциального причинения вреда охраняемым законом интересам. По аналогии с военнослужащими Бундесвера предлагается предоставить военнослужащим Российской Федерации право оценки полученных приказов в случае причинения вреда в ходе выполнения данного приказа. Целесообразно также наделить военнослужащих в мирное время правом требовать письменных приказов (если это возможно в данной ситуации) в случаях, когда они обоснованно сомневаются в их законности.

[14] Закон № 346/2005 Coll. О гражданской службе профессиональных солдат в Вооруженных силах Словацкой Республики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бовина И.Б., Сачкова М.Е. Подчинение и неподчинение в понимании студенческой молодежи: поисковое исследование // Психология и право. — 2020. — Т. 10, № 4. — С. 76—92.

2. Глухов Е.А. Влияние критики и обсуждения приказа на результативность военного управления // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. — 2017. — № 12. — С. 94—103.

3. Глухов Е.А. Поборы с подчиненных из ложно понятых интересов службы // Гражданин и право. — 2020. — № 3. — С. 66—75.

4. Глухов Е.А. Уклонение российских чиновников от принятия решений: формы и последствия // ЭКО. — 2022. — № 1. — С. 167—192.

5. Зателепин О.К. Актуальные вопросы квалификации преступлений против военной службы, совершенных с применением насилия // Судья. — 2019. — № 2. — С. 49—53.

6. Зимин В.П. Правомерное неисполнение приказа: доктрина «умных штыков» // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 1993. — № 2. — С. 35—45.

7. Лебедев В.М., Давыдов В.А., Иванова И.Н. Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации : науч.-практ. пособие. — Москва : Юрайт, 2017. — 1323 с.

8. Ли Ян, Борн Х. Руководство по правам человека и основным свободам военнослужащих / Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека. — Варшава, 2008. — 304 с.

9. Разуваев Д.С. Реализация метода упражнения в воспитании военнослужащих подразделений Сухопутных войск : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01. — Москва, 2020. — 288 с.

10. Сидоренко В.Н. Уголовная ответственность военнослужащих за неисполнение приказа. — Москва, 2009. — 175 с.

11. Ушаков Е.Ю. К вопросу о юридической конструкции, связанной с уголовно-правовой оценкой исполнения приказа или распоряжения в системе обстоятельств, исключающих преступность деяния // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. — 2014. — № 4. — С. 45—51.

12. Хенкертс Ж.-М. Исследование об обычном международном гуманитарном праве: лучше понимать и полнее соблюдать нормы права во время вооруженного конфликта // Международный журнал Красного Креста. — 2005. — Т. 87, № 857. — 51 с.

13. Федотов А.В. Фикция «среднего» человека в российском уголовном праве. — Москва : Юрлитинформ, 2012. — 1192 с.

14. Milgram S. Obedience to Authority: A Scientific View on Power and Ethics. — Moscow, 2018. — 316 p.

15. Parmar B.L. Disobedience of immoral orders from authorities: an issue construction perspective // Organization Studies. — 2017. — Vol. 38, no. 10. — P. 1373—1396.

16. The Oxford Companion to International Criminal Justice / Antonio Cassese, General editor. — Oxford University Press, 2009. — 1096 p.

17. Report of the commonwealth expert group on implementing legislation for the Rome Statute of the International Criminal Court. — London, 2004. — 7—9 July.

18. Stepanova E.A. Competing moral discourses in Russia: soviet legacy and post-soviet controversies // Politics, Religion & Ideology. — 2019. — Vol. 20, no. 3. — P. 340—360.

19. Van Erp J. The organization of corporate crime: introduction to special issue of administrative sciences // Administrative Sciences. — 2018. — Vol. 8, no. 3. — P. 1—12.

20. Zimbardo P.G. The Lucifer effect: Understanding how good people turn evil. — New York : Random House, 2009. — 42 p.

REFERENCES

1. Bovina I.B., Sachkova M.E. Obedience and disobedience in the understanding of Russian students: An exploratory study. *Psikhologiya i pravo = Psychology and law*, 2020, vol. 10, no. 4, pp. 76—92. (In Russian).

2. Glukhov E.A. The impact of criticism and discussion of the order on the effectiveness of military management. *Pravo v Vooruzhennykh Silakh — Voenno-pravovoe obozrenie = Law in the Armed Forces — Military legal review*, 2017, no. 12, pp. 94—103. (In Russian).

3. Glukhov E.A. Extortion from subordinates from falsely understood interests of the service. *Grazhdanin i pravo = Citizen and law*, 2020, no. 3, pp. 66—75. (In Russian).

4. Glukhov E.A. Avoidance of decision-making by Russian officials: forms and consequences. *EKO*, 2022, no. 1, pp. 167—192. (In Russian).

5. Zatelepin O.K. Current issues of qualifications of crimes against military service committed with use of violence. *Sud'ya = Judge*, 2019, no. 2, pp. 49—53. (In Russian).

6. Zimin V.P. Lawful non-execution of an order: the doctrine of "smart bayonets". *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = Bulletin of Higher Educational Establishments. Jurisprudence*, 1993, no. 2, pp. 35—45. (In Russian).

7. Lebedev V.M., Davydov V.A., Ivanova I.N. *Sudebnaya praktika k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii* [Judicial practice to the Criminal Code of the Russian Federation]. Moscow, Yurizdat Publ., 2017. 1323 p.

8. Li Yang, Born H. *Rukovodstvo po pravam cheloveka i osnovnym svobodam voennosluzhashchikh* [Manual on human rights and fundamental freedoms of military personnel]. Warsaw, Office for Democratic Institutions and Human Rights Publ., 2008. 304 p.

9. Razuvaev D.S. *Realizatsiya metoda uprazhneniya v vospitanii voennosluzhashchikh podrazdelenii Sukhoputnykh voisk. Kand. Diss.* [Implementation of the exercise method in the education of military units on the ground forces. Cand. Diss.]. Moscow, 2020. 288 p.

10. Sidorenko V.N. *Ugolovnaya otvetstvennost' voennosluzhashchikh za neispolnenie prikaza* [Criminal liability of military personnel for non-execution of an order]. Moscow, 2009. 175 p.

11. Ushakov E.Y. The question of the legal structure associated with the criminal law assessment Superior orders in the Criminal defenses. *Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa = The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*, 2014, no. 4, pp. 45—51. (In Russian).

12. Henckaerts Jean-Marie. Study on customary international humanitarian law: A contribution to the understanding and respect for the norms of law in armed conflict. *International Review of the Red Cross*, 2005, vol. 87, no. 857, 51 p. (In Russian).

13. Fedotov A.V. *Fiktsiya «srednego» cheloveka v rossiiskom ugolovnom prave* [The fiction of the "average" person in Russian criminal law]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2012. 1192 p.

14. Milgram S. *Obedience to Authority: A Scientific View on Power and Ethics. Moscow*, 2018. 316 p.

15. Parmar B.L. Disobedience of immoral orders from authorities: an issue construction perspective. *Organization Studies*, 2017, vol. 38, no. 10, pp. 1373—1396.

16. Cassese Antonio (ed.). *The Oxford Companion to International Criminal Justice*. Oxford University Press, 2009. 1096 p.

17. *Report of the commonwealth expert group on implementing legislation for the Rome Statute of the International Criminal Court.* London, 2004, 7—9 July.

18. Stepanova E.A. Competing moral discourses in Russia: soviet legacy and post-soviet controversies. *Politics, Religion & Ideology*, 2019, vol. 20, no. 3, pp. 340—360.

19. Van Erp J. The organization of corporate crime: introduction to special issue of administrative sciences. *Administrative Sciences*, 2018, vol. 8, no. 3, pp. 1—12.

20. Zimbardo P.G. *The Lucifer effect: Understanding how good people turn evil*. New York, Random House, 2009. 42 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Глухов Евгений Александрович (Москва) — кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции, докторант Военного университета Минобороны России (123001, г. Москва, ул. Большая Садовая, 14, e-mail: evgenijgluhov@yandex.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Glukhov, Evgeny A. (Moscow) — PhD in Law, Ass. Professor, Colonel of Justice, Doctoral Student, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation (Bolshaya Sadovaya st., 14, Moscow, 123001, e-mail: evgenijgluhov@yandex.ru).

УДК 341.123; 346.7:66

Т.В. Норбоева
Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-6762-8922
ResearcherID: ACJ-2992-2022

РОЛЬ СПЕЦИАЛЬНОГО ДОКЛАДЧИКА ПО ТОКСИЧНЫМ ВЕЩЕСТВАМ СПЧ ООН В МЕЖДУНАРОДНОМ УПРАВЛЕНИИ В СФЕРЕ ОБРАЩЕНИЯ С ХИМИЧЕСКИМИ ВЕЩЕСТВАМИ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2022. — № 2. — С. 94—104.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2022.2.11.
Дата поступления 01.03.2022, дата принятия к печати 15.06.2022, дата онлайн-размещения 30.06.2022.

АННОТАЦИЯ

Экологически безопасное обращение с химическими веществами является одной из актуальных экологических проблем на современном этапе развития общественных отношений. От соответствия экологически безопасному обращению с химическими веществами зависят качество окружающей среды и благосостояние человека. Одним из международно-правовых механизмов по содействию в реализации такой задачи выступают специальные процедуры Совета по правам человека, в частности, деятельность Специального докладчика по вопросу о последствиях для прав человека экологически обоснованного регулирования и удаления опасных веществ и отходов[1]. Мандат Специального докладчика был учрежден на пороге становления и развития международного управления в сфере обращения с химическими веществами, за этот период мандатарий осуществил огромную работу по исследованию влияния токсичных загрязнений на права человека на доступ к правосудию, права на информацию, права на жизнь, здоровье и телесную неприкосновенность. В настоящей статье предпринята попытка определения роли и значения, оценки вклада Специального докладчика в международно-правовом управлении в сфере обращения с химическими веществами на основе исследования докладов Специального докладчика и научных публикаций. Автор обосновывает вывод о том, что мандат Специального докладчика необходимо поддерживать, стремясь к идеалу экологически безопасного мира.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Токсичные вещества; химическая безопасность; международное управление; Совет по правам человека; права человека; международное экологическое право; Специальный докладчик по токсичным веществам; пластиковый кризис.

[1] Для краткости изложения в названии статьи приведено сокращенное наименование мандата — «Специальный докладчик по токсичным веществам», следует рассматривать их в качестве тождественных.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ Норбоева Т.В. Роль Специального докладчика по токсичным веществам СПЧ ООН в международном управлении в сфере обращения с химическими веществами // Пролог: журнал о праве. — 2022. — № 2. — С. 94—104. — DOI: 10.21639/2313-6715.2022.2.11.

UDC 341.123; 346.7:66

T.V. Norboeva
Kutafin Moscow State Law University,
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-6762-8922
ResearcherID: ACJ-2992-2022

THE ROLE OF THE SPECIAL RAPPORTEUR ON TOXIC SUBSTANCES OF THE UN HRC IN INTERNATIONAL LEGAL GOVERNANCE OF CHEMICAL SUBSTANCES

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal, 2022, no. 2, pp. 94—104.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2022.2.11.
Received 01.03.2022, accepted 15.06.2022, available online 30.06.2022.

ABSTRACT

Environmentally sound management of chemicals is one of the urgent environmental problems today at the present stage of development of social relations. The quality of the environment and human well-being depends on the compliance with environmentally sound chemicals management. One of the international legal mechanisms to facilitate the realization of this task is the special procedures of the Human Rights Council - the mandate of the Special Rapporteur on the implications for human rights of the environmentally sound management and disposal of hazardous substances and wastes. The mandate of the Special Rapporteur was established on the threshold of the establishment and development of the international regime on management of chemicals, and over this period, the mandate holder has undertaken extensive work on the impact of toxic pollution on human right to access to justice, right to information, and right to life, health and bodily integrity. The present article attempts to define the role and significance of, and assess the Special Rapporteur's contribution to, the international legal governance on management of chemicals based on a study of the Special Rapporteur's reports and academic contributions. It is concluded that the mandate of the Special Rapporteur should be supported in the pursuit of the ideal environmentally sound world.

KEYWORDS Toxic substances; chemical safety; international governance; Human Rights Council; human rights; international ecological law; Special Rapporteur on toxics and human rights; plastic crisis.

FOR CITATION Norboeva T.V. The Role of the Special Rapporteur on Toxic Substances of the UN HRC in International Legal Governance of Chemical Substances. *Prologue: Law Journal*, 2022, no. 2, pp. 94—104. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2022.2.11.

Абрис вопроса

Систему Специальных докладчиков в механизме защиты прав человека ООН справедливо называют глазами и ушами Совета по правам человека ООН (СПЧ ООН) [10, с. 204], а бывший Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан во время послания к Совету по правам человека ООН в 2004 году и вовсе призвал сохранить и укрепить эту систему — «жемчужину» Совета по правам человека[2]. И с этим стоит согласиться: специальные докладчики являются независимыми голосами, которые назначаются Советом по правам человека для изучения и предоставления отчетности по конкретному «мандату» (обычно это ситуация в стране или конкретная проблема, связанная с правами человека). Всего, согласно докладу Совета по правам человека о деятельности специальных докладчиков по состоянию на 2021 год, учреждено 58 мандатов специальных докладчиков, 45 из которых посвящены определенной тематике, а 13 рассмотрению ситуаций в отдельных странах[3].

Специальные докладчики располагают определенным набором инструментов для выполнения своей работы, а именно:

— публичные тематические доклады, в которых представляется информация об их действиях и результатах исследований по конкретным темам, а также письменные доклады о работе в рамках мандата;

— посещения стран для оценки вопросов, связанных с правами человека, относящихся к их мандату;

— получение и расследование индивидуальных либо коллективных жалоб, на которые специальный докладчик может составить официальный запрос на получение информации («сообщение»), связанному с этим вопросом правительству.

На практике специальные докладчики выполняют консультативные функции, а не функции обеспечения соблюдения международно-правовых норм в сфере прав человека. Специальные докладчики не обладают полномочиями в правоприменении, а Совет по правам человека, другие органы ООН и государства-члены ООН самостоятельно решают, следует ли действовать согласно их рекомендациям. Несмотря на это, статус специальных докладчиков как экспертов в области прав человека придает их оценке значительный вес и авторитет.

Рассматривая вопрос обращения с химическими веществами как одну из глобальных проблем современности [1, с. 68], заслуживает внимания деятельность Специального докладчика по вопросу о последствиях для прав человека экологически обоснованного регулирования и удаления опасных веществ и отходов (далее — Специальный докладчик, Специальный докладчик по токсичным веществам и правам человека). Мандат Специального докладчика был учрежден в 1995 году Комиссией ООН по правам человека под руководством Группы африканских государств. Поводом для этого послужила обеспокоенность Комиссии по правам человека проблемой законного и незаконного удаления отходов, поступающих с Севера на Юг. Побудительным мотивом для учреждения мандата послужила и обеспокоенность тем, что Базельская конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением 1988 года (далее — Базельская конвенция) практически официально установила «экологический расизм» [5, с. 205], фактически разрешив транспортировать отходы из развитых стран в развивающиеся (ввиду того, что государства самостоятельно определяют, что понимается под «отходами»).

Объем полномочий Специального докладчика с момента учреждения мандата существенно изменился. Изначально, согласно резолюции Управления Верховного комиссара по правам человека ООН (УВКПЧ ООН) 1995/81, Специальный докладчик проводил расследования и изучение последствий, связанных с незаконным обращением с токсичными и опасными отходами в африканских и других развивающихся странах, а также вел список стран и транснациональных корпораций, осуществляющих такую деятельность и список жертв. Безусловно, такая привязка к географическому району и, в целом, сведение его деятельности к выполнению аналитических функций объяснялась тем, что регулирование обращения химическими веществами еще находилось в зародышевом состоянии.

---

[2] Secretary-General, in message to Human Rights Council, cautions against focusing on Middle East at expense of Darfur, other grave crises: [message, to the 3rd session of the Human Rights Council, Geneva, 29 November 2006] / [on behalf of the UN Secretary-General by the High Commissioner for Human Rights]. URL: https://digitallibrary.un.org/record/588460?ln=ru (accessed: 22.04.2022).

[3] Human Rights Council Report. A/HRC/49/82. Activities of special rapporteurs, independent experts and working groups of the special procedures of the Human Rights Council undertaken in 2021, including updated information on special procedures and information on the twenty-seventh annual meeting of special rapporteurs, independent experts and chairs of working groups. URL: https://waps.ohchr.org/en/documents/procedural-documents/ahrc4982add1-facts-and-figures-regards-special-procedures-2021 (accessed: 22.04.2022).

Именно события на африканском континенте стали предшественниками бурного развития международно-правового управления в сфере обращения с химическими веществами. С расширением международной повестки дня, а главное — увеличением торгового оборота химической продукции, веществ и отходов, расширились и полномочия Специального докладчика.

В 2020 году исполнилось 25 лет с момента учреждения мандата Специального докладчика. За этот период Специальный докладчик провел колоссальную работу по исследованию проблемных аспектов, возникающих в процессе использования химических веществ. Всего с 1996 по 2021 Специальным докладчиком было подготовлено и представлено 36 докладов, посвященных вопросам различного содержания (в том числе обзор деятельности Специального докладчика, проблемы обращения с медицинскими отходами, COVID-19, обязанности государств предупреждать вредные последствия и т.д.).

В резолюции 45/17 Совета по правам человека ООН (далее — Совет) Совет выразил свою глубокую признательность деятельности Специального докладчика, постановил продлить мандат его полномочий на три года и призвал информировать Совет о наиболее актуальных вопросах, связанных с безопасным обращением химических веществ и отходов. В числе перечисленных Советом вопросов — связь науки и политики «в отношении рисков, связанных с жизненным циклом опасных веществ и отходов, включая риски для права на свободу выражения мнений, которое включает свободу искать, получать и распространять информацию, а также право пользоваться благами научного прогресса»[4].

С тем, чтобы определить роль и значение Специального докладчика, мандат которого был продлен в восьмой раз, в рамках системы защиты прав человека, а также в международном управлении в сфере обращения с химическими веществами, автор настоящей статьи предлагает некоторые размышления относительно результатов деятельности Специального докладчика, основанные на анализе периодических докладов Специального докладчика по токсичным веществам и правам человека, а также ряда научных публикаций.

«Пластиковый кризис»: размышления Специального докладчика

Прежде всего, следует отметить, что Специальный докладчик в своей деятельности подвергает анализу наиболее актуальные, важные с точки зрения защиты прав человека в контексте химических (токсичных) загрязнений, темы. Один из последних докладов Специального докладчика посвящен злободневной сегодня проблеме — загрязнению окружающей среды пластиком. Доклад Специального докладчика A/76/207 от 22 июля 2021 года (Доклад по пластику)[5] включает рекомендации по устранению негативных последствий цикла производства пластика на права человека и интеграции подхода, основанного на правах человека, при переходе к химически безопасной экономике замкнутого цикла.

По замечанию Специального докладчика, токсичные вещества, содержащиеся в пластмассах, а также используемые при производстве, например, при добыче нефти и газа, при выбросах в процессе производства, транспортировке пластмасс, и утилизации (сжигании), создают негативные последствия для прав человека. Следует согласиться с выводом Специального докладчика о том, что «глобальный кризис, связанный с пластмассами, требует всемирного решения, основанного на правах человека» (п. 5 Доклада по пластику). В числе тех прав человека, которым наносится вред загрязнением пластиком, Специальный докладчик указывает на следующие: права на жизнь, наивысший достижимый уровень здоровья, здоровую окружающую среду, жилье, воду и санитарию, достаточное питание, равенство и недискриминацию, а также права на информацию, участие и эффективные средства правовой защиты (п. 9 Доклада по пластику).

Маркос Орельяна, ныне действующий мандатарий, подверг анализу и действующее международно-правовое регулирование производства и использования пластика. Мандатарий заметил, что международные соглашения, относящиеся к подходу учета жизненного цикла пластика, включая Базельскую конвенцию 1989 года, Стокгольмскую конвенцию о стойких органических загрязнителях 2001 года и Международную конвенцию по предотвращению загрязнения с судов 1973

[4] Резолюция Совета по правам человека, принятая на двадцать пятой сессии ООН A/HRC/RES/25/17. Поощрение и защита всех прав человека, гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав, включая право на развитие. URL: https://www.ohchr.org/ru/special-procedures/sr-housing/resolutions%20 (дата обращения: 22.04.2022).

[5] Доклад Специального докладчика по вопросу о последствиях для прав человека экологически обоснованного регулирования и удаления опасных веществ и отходов : документ ООН A/76/207 22 июля 2021 г. URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N21/201/80/PDF/N2120180.pdf?OpenElement (дата обращения: 22.04.2022).

года (МАРПОЛ 73/78), измененную Протоколами 1978 и 1997 годов, не справляются с решением таких задач, как сокращение объемов производства пластмасс и отходов; контроль опасных добавок в пластмассах; продвижение химически безопасной экономики замкнутого цикла; защиты прав человека. В связи с этим мандатарий характеризует действующее международно-правовое регулирование безопасного обращения с пластмассой и отходами пластмассы как фрагментированное и рассматривает вопрос о необходимости заключения глобального документа с применением подхода, основанного на правах человека.

В докладе также рассматриваются последствия «пластикового кризиса» в отношении тех, кто находится в уязвимом положении, а именно: работники нефтехимической промышленности и промышленности по производству пластмасс и их отходов (п. 34 Доклада по пластику); дети, чьи права на жизнь, здоровье, физическую неприкосновенность и свободную от токсичных веществ окружающую среду при контакте с опасными веществами нарушаются (п. 41 Доклада по пластику); женщины, которым не предоставлено право в процессах принятия решений (п. 43 Доклада по пластику); лица африканского происхождения, проживающие в непосредственной близости к предприятиям с более высокой концентрацией опасных отходов, загрязненным участкам и свалкам (п. 46 Доклада по пластику); коренные народы, чьи земли загрязняются в результате эксплуатации ископаемых, которые составляют основную часть пластикового сырья (п. 48 Доклада по пластику); прибрежные государства, берега которых оказываются затопленными морским пластиковым мусором (п. 49 Доклада по пластику); люди, живущие за чертой бедности, в районах, которые являются получателями глобального потока отходов пластмассы (п. 51 Доклада по пластику); а также будущие поколения, чья способность пользоваться своими правами человека и здоровой окружающей средой находится под угрозой (п. 53 Доклада по пластику).

В докладе Специального докладчика содержатся рекомендации для государств, предприятий и соответствующих международных соглашений, и механизмов, в том числе о том, что государства должны принять основанный на правах человека подход к обращению с пластмассами и провести переговоры для выработки нового международного юридически обязывающего документа по пластмассам. Хочется заметить, что на прошедшей в Найроби специальной онлайн-сессии Ассамблеи ООН по окружающей среде (ЮНЕА), посвященной 50-летию Программы Организации Объединенных Наций по окружающей среде (ЮНЕП), был рассмотрен вопрос о заключении к концу 2024 года международного юридически обязательного соглашения по вопросу о загрязнении пластиком, в том числе в морской среде. Согласно проекту Резолюции ЮНЕА, это соглашение «может включать как обязательные, так и добровольные подходы, основанные на комплексном подходе, который охватывает весь жизненный цикл пластика»[6]. Представляется, что замечания и заключения Специального докладчика могут послужить ценным подспорьем для ЮНЕП (и ООН в целом) при разработке этого международного соглашения.

Выводы по результатам 25-летней деятельности: позиция Специального докладчика

В докладе A/75/290 о последствиях для прав человека экологически обоснованного регулирования и удаления опасных веществ и отходов[7] (Доклад 2020 года) Специальный докладчик поделился размышлениями о своей работе в рамках мандата в честь 25-летней годовщины учреждения мандата, а также о вызовах и возможностях на будущее. В докладе Специальный докладчик дает краткое описание тематических областей, которыми он занимается, в их числе — экологическая несправедливость, защита отдельных уязвимых групп населения, права человека, право на информацию, предпринимательская деятельность.

Специальный докладчик начинает с констатации того, что в регулировании обращения химических веществ признается подход, основанный на концепции учета всего жизненного цикла химических веществ. Как утверждается в п. 6 Доклада, «благодаря такому подходу, становятся очевидными дискриминация, несправедливость, расизм и безнаказанность, которые по-прежнему сплошь и рядом имеют ме-

[6] Draft resolution End plastic pollution: Towards an international legally binding instrument 2 March 2022. URL: https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/38522/k2200647_-_unep-ea-5-l-23-rev-1_-_advance.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed: 22.04.2022).

[7] Доклад Специального докладчика по вопросу о последствиях для прав человека экологически обоснованного регулирования и удаления опасных веществ и отходов : документ ООН A/75/290 от 5 авг. 2020 г. URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N20/205/19/PDF/N2020519.pdf?OpenElement (дата обращения: 22.04.2022).

сто при производстве, использовании, вывозе и удалении опасных веществ». Экологическая несправедливость, по мнению Специального докладчика, обращена и к коренным народам, цветному населению, расовым и этническим меньшинствам, представителям определенных конфессий и малообеспеченных групп — все это в совокупности служит доказательством «международного экологического расизма» (п. 11 Доклада). Практика вывоза развитыми государствами запрещенных токсичных химических веществ в более бедные страны, которые не в состоянии контролировать эти риски, является одним из ярких примеров экологической несправедливости. И даже несмотря на вступление в силу поправки к Базельской конвенции о запрете экспорта опасных отходов, включая отходы для переработки, из государств-членов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), государств-членов Европейского союза и Лихтенштейна в другие страны (Запретительная поправка), Специальный докладчик попрежнему выражает свою обеспокоенность по поводу «перенаправления отходов в ряд других стран, поскольку это могло обострить уже существующие экологические и социальные проблемы в этих странах» (п. 4 Доклада). Специальный докладчик призывает государства к запрещению продолжения политики двойных стандартов, чтобы химические вещества, запрещенные внутри страны, не вывозились в другие страны. Для реализации этого предложения безусловно необходимо дальнейшее международного сотрудничества.

По замечанию Специального докладчика, «международное управления в сфере обращения с опасными веществами сильно устарело и продолжает создавать лазейки и возможности для тех, кто хотел бы воспользоваться менее строгими стандартами защиты и перенести все вредные последствия (*прим.* токсичного загрязнения) за границу» (п. 14 Доклада). В 2019 году Специальный докладчик предложил международному сообществу конкретные рекомендации по укреплению глобальных систем управления в части, касающейся регулирования токсичных и опасных веществ и отходов» (Доклад A/74/480[8]). Красной нитью в докладе Специального докладчика проходит призыв к тому, чтобы государства брали на себя обязательства по защите прав человека, а не только промышленные предприятия. Это обращение снова было выражено и в докладе 2020 года, где Специальный докладчик отметил, что «государства должны нести ответственность за выполнение своих экстерриториальных обязательств» (п. 8 Доклада).

Специальный докладчик также затронул проблемы, связанные с обеспечением безопасных условий труда и этому посвящен доклад о проблемах, с которыми сталкиваются трудящиеся при контакте с токсичными веществами (A/HRC/39/48 и A/HRC/39/48/Corr.1). Рассматривая системы защиты прав трудящихся на опасном производстве, специальный докладчик выступил с инициативой разработать свод принципов защиты работников от воздействия токсичных веществ, предложенные Специальным докладчиком в докладе A/HRC/42/41. Эти принципы впоследствии были приняты в форме резолюции Совета по правам человека 42/21. Так принципы, разработанные специальным докладчиком, обрели более емкую правовую форму, а государства и компании могут ими руководствоваться.

Специальным докладчиком широко исследован вопрос нарушения прав отдельных категорий населения, например, прав коренных народов в результате химических загрязнений. Специальный докладчик указывает на нарушения статьи 29 Декларации ООН о правах коренных народов (2007 г.) в отношении детей — нарушение обязанности предотвращать воздействие вредных веществ на детей в форме права ребёнка на здоровую окружающую среду (Статья 24 Конвенции о правах ребенка (1989 г.)). Автор настоящей статьи в полной мере разделяет позицию Специального докладчика по вопросу о том, что независимо от того, какую форму принимают права человека или особо уязвимых групп населения, «принципы равенства и недискриминации могут быть реализованы только в случае предотвращения загрязнения и контакта с токсичными химическими веществами» (п. 51 Доклада 2020 года).

Следует резюмировать, что по прошествии 25 лет с учреждения мандата Специального докладчика им были выявлены особо уязвимые группы населения, которым вследствие устаревшей системы международного управления опасных веществ и отходов причиняется вред, который рассматривается как невидимая угроза их правам и достоинству, в том числе физической неприкосновенности, а также предложены рекомендации по устране-

[8] Доклад Специального докладчика по вопросу о последствиях для прав человека экологически обоснованного регулирования и удаления опасных веществ и отходов : документ ООН A/74/480 от 7 окт. 2019 г. URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N19/304/16/PDF/N1930416.pdf?OpenElement (дата обращения: 22.04.2022).

нию несовершенств системы международно-правового управления.

Помимо этого, одним из ключевых аспектов деятельности Специального докладчика выступают официальные визиты в государства. Во время визитов Специальный докладчик проводит анализ законодательства на предмет соответствия международным правилам в сфере обращения с химическими веществами в рамках своей компетенции, а также выносит свои рекомендации. На момент подготовки настоящего исследования Специальный докладчик осуществил 26 официальных визитов как в развивающиеся, так и в развитые страны. Ни одного визита в Российскую Федерацию совершено не было.

В 2019 году Специальный докладчик совершил официальный визит в Канаду (с 24 мая по 6 июня). Согласно Докладу об итогах визита[9], Специальный докладчик обратил внимание на сохранение проблемы «экологического расизма», нарушения прав коренных народов, трудности с реализацией права на доступ к правосудию, права на информацию, права на жизнь, здоровье и телесную неприкосновенность (bodily integrity). В п. 14 Доклада Специальный докладчик отметил, что Канада не обращает должного внимания вопросу имплементации международных обязательств и рекомендаций. В п. 27 Доклада Специальный докладчик уделяет внимание тому, что Закон Канады «О защите окружающей среды»[10] (1999 г.) требует учитывать степень воздействия в оценках для определения веществ как «токсичных», что манипулирует классификацией опасных веществ и лишает общественность права на информацию.

Следует заметить, рекомендации Специального докладчика впоследствии легли в основу законопроекта о внесении изменений в Закон Канады «О защите окружающей среды» (1999 г.) в части признания, что каждый обладает правом на здоровую окружающую среду, подтверждения приверженности выполнения обязательств по Декларации ООН о правах коренных народов, признания важности учета уязвимых групп населения при оценке рисков и сведения к минимуму рисков, связанных с кумулятивным воздействием токсичных веществ. Министры окружающей среды, изменения климата и здравоохранения должны будут составить список веществ, которые, как они имеют основания подозревать, могут стать токсичными или которые, как было установлено, являются токсичными. Министры также должны будут ответить на запрос любого лица об оценке вещества, чтобы определить, является ли оно токсичным или способным стать токсичным[11].

Помимо этого, Специальный докладчик осуществляет и проводит расследование индивидуальных и коллективных сообщений. Такая практика позволяет получать сведения и разъяснения от компетентных лиц (как всего государства, международных организаций, так и отдельных предприятий, должностных лиц), деятельность которых связана с экологически безопасным обращением с химическими веществами. Обращения Специального докладчика могут содержать запросы о даче комментариев на соответствие национального законодательства принятым государствами международно-правовым обязательствам. К примеру, 21 июня 2021 года Специальным докладчиком было направлено обращение Европейской Комиссии для получения сведений о прогрессе, достигнутом в области запрещения экспорта опасных отходов в третьи страны[12]. Кроме того, его обращения могут быть направлены должностным лицам международных организаций с целью получения конкретных сведений, разъяснений о какой-либо ситуации, например, он может обратиться к Генеральному секретарю ООН о положении работников на объектах ООН в Городе Знаний в Панама-Сити, которые, как сообщается, подвергаются воздействию токсичных и других опасных ве-

[9] Доклад Специального докладчика по вопросу о последствиях для прав человека экологически обоснованного регулирования и удаления опасных веществ и отходов : документ ООН A/HRC/45/12/Add.1 от 27 ноября 2020 г. URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G20/328/39/PDF/G2032839.pdf?OpenElement (дата обращения: 22.04.2022).

[10] Canadian Environmental Protection Act, 1999 (CEPA). URL: https://www.canada.ca/en/environment-climate-change/services/canadian-environmental-protection-act-registry/publications/canadian-environmental-protection-act-1999/part-5.html (accessed: 22.04.2022).

[11] BILL S-5. An Act to amend the Canadian Environmental Protection Act, 1999. URL: https://www.parl.ca/DocumentViewer/en/44-1/bill/S-5/first-reading (accessed: 22.04.2022).

[12] Mandate of the Special Rapporteur on the implications for human rights of the environmentally sound management and disposal of hazardous substances and wastes REFERENCE: OL OTH 201/2021 21 June 2021. URL: https://spcommreports.ohchr.org/TMResultsBase/DownLoadPublicCommunicationFile?gId=26474 (accessed: 22.04.2022).

ществ[13]. При этом, за редким исключением, на каждое такое обращение сторона-адресат направляет ответные разъяснения. Представляется, что такая вовлеченность в коммуникацию со Специальным докладчиком как минимум свидетельствует о его высоком значении в системе международного управления в сфере обращения с химическими веществами.

Роль Специального докладчика: доктринальный взгляд

Оценке деятельности Специального докладчика посвящено сравнительно немного научных публикаций, чему тяжело дать обоснование, учитывая, что мандат Специального докладчика является одним из старейших среди всех существующих в системе специальных процедур Совета по правам человека ООН. Между тем, следует выделить научное исследование Ц.У. Гвам, посвященное взаимосвязям между токсичными загрязнениями и правами человека, а также исследование Д. Олову относительно результатов деятельности Специального докладчика за первые десять лет со дня учреждения мандата. Оба исследования фокусируются на выявлении положительных и отрицательных черт рассматриваемого мандата.

Так, например, Д. Олову отмечает плодотворную работу Специального докладчика при посещении стран для оценки области прав человека на национальном уровне. Однако, как указывает ученый, в виду отсутствия у докладов какой-либо властной поддержки [7, с. 211] с тем, чтобы оказать влияние на те государства, промышленные корпорации, действия которых осуждаются в докладах Специального докладчика, Совет по правам человека фактически остается последним адресатом наблюдений Специального докладчика.

Похожее заключение было выдвинуто и в научном исследовании Д. Митчелл, касающемся анализа всей системы специальных процедур Совета по правам человека [6, с. 242]. Автор особо подчеркивает, что конечной целью «страновых визитов» специальных докладчиков следует называть распространение информации о правах человека на местах. В действительности, по мнению исследователя, «миссия специальных докладчиков может не иметь прямого влияния на ситуацию на местах, но ситуация на местах, безусловно, оказывает прямое влияние на докладчика. Это воздействие позволяет докладчикам обосновывать универсальные нормы прав человека, закрепленные в их мандатах, конкретным жизненным опытом, в режиме реального времени» [6, с. 243].

Отсутствие властного характера заключений (например, подкрепленные силой авторитета ООН) всех докладчиков Совета по правам человека обладает как недостатками, так и преимуществами. Положительные стороны, безусловно, связаны с тем, что специальные докладчики, выступая в качестве независимых экспертов, фактически не сталкиваются с необходимостью соответствия политическим отношениям, что гарантирует им большую свободу в действиях [6, с. 243]. Отрицательной стороной следует назвать описательность докладов специальных докладчиков. Однако, как нами было выявлено, в этом и состоит мандат специальных докладчиков. Учитывая, что докладчики дают оценку национальных властных решений (иными словами, предметом их исследований становится суверенитет государств) [6, с. 245], то в опосредованной форме, следуя подходу «name and shame» [3, с. 713; 11, с. 1289; 4, с. 6], государства, подвергающиеся мировому осуждению, зачастую продолжают последовательно нарушать нормы международного права, в которых их обвинили[14]. Так, в докладах Специального докладчика нередко содержатся призывы к устранению выявленных нарушений прав человека. К примеру, по итогам визита в Бразилию в 2019 г.

[13] Mandate of the Special Rapporteur on the implications for human rights of the environmentally sound management and disposal of hazardous substances and wastes REFERENCE: AL OTH 55/2020 13 July, 2020. URL: https://spcommreports.ohchr.org/TMResultsBase/DownLoadPublicCommunicationFile?gId=25441 (accessed: 22.04.2022).

[14] Такая ситуация характерна при публичном осуждении действий конкретного государства, в особенности в тех случаях, когда речь идет о страновых мандатариях. К примеру, по итогам визита в Исламскую Республику Иран Специальный докладчик по вопросу о положении в области прав человека в Исламской Республике Иран выразил «серьезную озабоченность сохранением смертной казни для несовершеннолетних преступников и призвал правительство немедленно запретить все казни лиц, которым были предъявлены обвинения за преступления, совершенные ими в возрасте до 18 лет» (п. 35 Доклада A/73/398). Другой пример — нарушения прав человека в отношении мусульман-рохинджа в Республике Союз Мьянма, специальному докладчику по вопросу о положении в области прав человека в Мьянме в 2017 году и вовсе было отказано во въезде в страну. Подробнее: Власти Мьянмы отказались от сотрудничества со Специальным докладчиком ООН // Официальный сайт ООН. URL: https://www.ohchr.org/en/press-releases/2017/12/myanmar-refuses-access-un-special-rapporteur?LangID=E&NewsID=22553 (дата обращения: 22.04.2022).

Специальный докладчик особо подчеркнул, что государства обязаны обеспечивать безопасность и защиту своего населения (п. 92 Доклада A/HRC/45/12/Add 2[15]). Вместе с тем, основываясь на инцидентах, связанных с прорывом Марианской плотины в 2015 году и повторении этого сценария в Брумадинью в 2019 году, Специальный докладчик пришел к выводу, что Бразилия уклоняется от выполнения своих обязанностей в области соблюдения экологических прав человека, что требует срочного внимания и использования более эффективных методов воздействия СПЧ ООН для стабилизации ситуации в стране (пп. 95-98 Доклада).

Продолжая характеристику сильных и слабых качеств мандата Специального докладчика, следует отметить, что Д. Олову называет мандат Специального докладчика многообещающим механизмом. По словам исследователя, «мандат, несмотря на его ограничения и многочисленные проблемы, чрезвычайно помог в привлечении внимания международного сообщества к проблемам незаконного трансграничного перемещения и захоронения токсичных и опасных веществ и их влияния на экономические, социальные и культурные аспекты прав человека» [7, с. 215]. По мнению Д. Митчелл, специальные докладчики вносят уникальный вклад в международную систему прав человека, выявляя критические вопросы в области защиты прав человека по мере их развития и «формируя нормы прав человека по мере их возникновения» [6, с. 244].

Следует согласить и с позицией о том, что «задача решения проблем, связанных с индустриализацией токсичных отходов и вредных продуктов, не может быть возложена на одного Специального докладчика. Задача требует активного участия государств и негосударственных субъектов, в том числе физических лиц, для эффективной реализации» [7, с. 216].

Научное исследование Ц. У. Гварн в целом посвящено изучению и обоснованию взаимозависимости целостности прав человека от токсичных загрязнений. Важным заключением автора является тезис о том, что пренебрежение правами второго поколения может привести «к острым и систематическим нарушениям прав первого поколения» [11, с.190]. В целом размышления исследователя можно свести к следующему. Во-первых, по его мнению, мандат Специального докладчика вновь подчеркивает зависимость и взаимосвязанность прав человека различных категорий, будь то политические, гражданские, социальные, экономические или культурные права. Это особенно видно на примере первых докладов Специального докладчика[16]. Во-вторых, токсичные загрязнения оказывают пагубное влияние на права человека, и для того, чтобы защитить права человека, нужно обеспечить экологически безопасное обращение с такими веществами и отходами. Этот вопрос и составляет актуальную экологическую повестку сегодняшнего дня. В-третьих, поскольку нереализуемым видится принятие отдельной декларации по правам человека в контексте токсичных загрязнений, постоянное обновление мандата как инструмента привлечения внимания общественности к такой проблеме — следует назвать крайне необходимым. Даже если международный документ подобного содержания вступит в силу, в виду географического и численного разделения, будет сложно добиться его реализации.

По справедливому замечанию С. Субеди, эффективность специальных процедур следует оценивать по общему воздействию их работы на государства, на жертв нарушений прав человека, на позицию, занимаемую правозащитными организациями, и так далее. Даже в случае отсутствия ощутимых результатов работы специальных докладчиков нельзя недооценивать их влияние в области прав человека и осведомленности об их работе на население в целом, государства, в частности [9, с. 19]. Специальные докладчики могут не привести к немедленным изменениям, но они способствуют борьбе за права человека путем повышения прозрачности информации и подотчетности деятельности государств.

Заключение

Таким образом, решению проблемы защиты прав человека от токсичных загрязнений может способствовать постоянное обновление мандата Специального докладчика СПЧ ООН, неустанно привлекающего внимание международного сообщества к нарушениям

[15] Доклад Специального докладчика по вопросу о последствиях для прав человека экологически обоснованного регулирования и удаления опасных веществ и отходов : документ ООН A/HRC/45/12/Add 2 17 сент. 2020 г. от 27 нояб. 2020 г. URL: https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/Issues/ToxicWaste/A_HRC_45_12_Add2_AUV.docx (дата обращения: 22.04.2022).

[16] Commission on Human Rights Resolution 1996/14, above n. 51 para. 3; United Nations, Commission on Human Rights Resolution 1997/9, 53rd Sess., 36th mtg., UN Doc. E/CN.4/RES/1997/9 (3 April 1997), para. 4; Commission on Human Rights Resolution 2002/27, above n. 51 para. 4.

прав человека в исследуемой сфере. Это будет служить подтверждением его ведущей роли во всей системе международного управления в сфере обращения с химическими веществами.

Несмотря на описательный характер докладов Специального докладчика, объем охватываемых им вопросов чрезвычайно широк, а предлагаемые рекомендации представляют собой источник ценной информации о современном состоянии прав человека. Безусловно, мандат Специального докладчика не позволяет напрямую принудить государства к устранению выявленных им нарушений, однако его доклады служат средством, способствующим получению знаний и совершенствованию международно-правовых и внутригосударственных норм. Кроме того, в отсутствие прямого закрепления права человека на благоприятную окружающую среду в международных соглашениях под эгидой ООН размышления Специального докладчика вносят весомый вклад в поддержание осведомленности международного сообщества и населения относительно состояния защищенности прав человека и их корреляционной зависимости от загрязнений окружающей среды.

Мандат Специального докладчика чрезвычайно важен в стремлении международного сообщества к идеалу экологически безопасного мира. Однако задача решения проблем, связанных с переработкой токсичных веществ и отходов, не может быть возложена только на Специального докладчика. Она требует активного участия в процессе государств и негосударственных образований, включая частных лиц, к чему и призывает Специальный докладчик. В настоящее время жизненно необходимо, чтобы все страны мира и иные стороны, заинтересованные в обеспечении экологической безопасности, прислушались к рекомендациям Специального докладчика и старались следовать им.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Норбоева Т.В. Международно-правовые основы обращения с химическими веществами: в поисках оптимальной модели управления // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». — 2021. — № 7. — С. 68—75.

2. Gwam C.U. Toxic Waste and Human Rights // The Brown Journal of World Affairs. — 2000. — Vol. 7, no. 2. — P. 185—196.

3. Hafner-Burton E.M. Sticks and Stones: Naming and Shaming the Human Rights Enforcement Problem // International Organization. — 2008. — Vol. 62, no. 4. — P. 689—716.

4. Koliev F. Naming and Shaming: The politics and effectiveness of social pressure in the ILO. — Stockholm : Stockholm University, 2018. — 60 p.

5. Mpanya M. The Dumping of Toxic Waste in African Countries: A Case of Poverty and Racism // Environmental Racism : Reviewing the Evidence / ed. by Paul Mohay and Bryant Bunyan. — Boulder, CO : Westview Press, 1992. — P. 204—214.

6. Naples-Mitchell J. Perspectives of UN special rapporteurs on their role: inherent tensions and unique contributions to human rights // The International Journal of Human Rights. — 2011. — Vol. 15, no. 2. — P. 232—248.

7. Olowu D. The United Nations Special Rapporteur on the Adverse Effects of the Illicit Movement and Dumping of Toxic and Dangerous Wastes on the Enjoyment of Human Rights: A Critical Evaluation of the First Ten Years // Environmental Law Review. — 2006. — Vol. 8, no. 3. — P. 199—217.

8. Pinheiro P. S. Musings of a UN Special Rapporteur on Human Rights // Global Governance. — 2003. — Vol. 9, no. 1. — P. 7—13.

9. Subedi S.P. Life as a UN Special Rapporteur: The Role of UN Special Rapporteurs in Developing International Law, the Impact of Their Work, and Some Reflections of the UN Special Rapporteur for Human Rights in Cambodia // Asian Yearbook of International Law. — 2014. — Vol. 20. — P. 12—52.

10. Subedi S.P. Protection of Human Rights through the Mechanism of UN Special Rapporteurs // Human Rights Quarterly. — 2011. — Vol. 33, no. 1. — P. 201—228.

11. Taebi B., Safari A. On Effectiveness and Legitimacy of «Shaming» as a Strategy for Combatting Climate Change // Science and Engineering Ethics. — 2017. — Vol. 23. — P. 1289—1306.

REFERENCES

1. Norboeva T.V. The international legal framework for chemicals management: looking for an optimal regulatory model. *Mezhdunarodnyi pravovoi kur'er = International legal courier*, 2021, no. 7, pp. 68—75. (In Russian).

2. Gwam C.U. Toxic Waste and Human Rights. *The Brown Journal of World Affairs*, 2000, vol. 7, no. 2, pp. 185—196.

3. Hafner-Burton E.M. Sticks and Stones: Naming and Shaming the Human Rights Enforcement Problem. *International Organization*, 2008, vol. 62, no. 4, pp. 689—716.

4. Koliev F. *Naming and Shaming: The politics and effectiveness of social pressure in the ILO*. Stockholm University Publ., 2018. 60 p.

5. Mpanya M. The Dumping of Toxic Waste in African Countries: A Case of Poverty and Racism. In Mohay Paul and Bunyan Bryant (eds). *Environmental Racism: Reviewing the Evidence*. Boulder, CO, Westview Press, 1992, pp. 204—214.

6. Naples-Mitchell J. Perspectives of UN special rapporteurs on their role: inherent tensions and unique contributions to human rights. *The International Journal of Human Rights*, 2011, vol. 15, no. 2, pp. 232—248.

7. Olowu D. The United Nations Special Rapporteur on the Adverse Effects of the Illicit Movement and Dumping of Toxic and Dangerous Wastes on the Enjoyment of Human Rights: A Critical Evaluation of the First Ten Years. *Environmental Law Review*, 2006, vol. 8, no. 3, pp. 199—217.

8. Pinheiro P. S. Musings of a UN Special Rapporteur on Human Rights. *Global Governance*, 2003, vol. 9, no. 1, pp. 7—13.

9. Subedi S.P. Life as a UN Special Rapporteur: The Role of UN Special Rapporteurs in Developing International Law, the Impact of Their Work, and Some Reflections of the UN Special Rapporteur for Human Rights in Cambodia. *Asian Yearbook of International Law*, 2014, vol. 20, pp. 12—52.

10. Subedi S.P. Protection of Human Rights through the Mechanism of UN Special Rapporteurs. *Human Rights Quarterly*, 2011, vol. 33, no. 1, pp. 201—228.

11. Taebi B., Safari A. On Effectiveness and Legitimacy of «Shaming» as a Strategy for Combatting Climate Change. *Science and Engineering Ethics*, 2017, vol. 23, pp. 1289—1306.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Норбоева Туяна Владимировна — аспирант кафедры международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (125993, Россия, Москва, Садовая-Кудринская ул., 9, e-mail: norboevatv@mail.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Norboeva, Tuyana V. — Postgraduate Student of the International Law Department, Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Sadovo-Kudrinskaya st., 9, Moscow, 125993, e-mail: norboevatv@mail.ru).

УДК 341:004.8; 327.88

Д.О. Матяшова
Международный центр социально-политических исследований и консалтинга, Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-8528-5054
ResearcherID: GLN-6366-2022

ЗЛОНАМЕРЕННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ОБСУДИЛИ В РАМКАХ XIII МЕЖДУНАРОДНОГО IT-ФОРУМА

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2022. — № 2. — С. 105—114.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2022.2.12.
Дата поступления 12.06.2022, дата принятия к печати 15.06.2022, дата онлайн-размещения 30.06.2022.

АННОТАЦИЯ

Разработка новых технологий в сфере искусственного интеллекта и расширение их применения в повседневной жизни подразумевают масштабные социальные и политические последствия как на национальном, так и на глобальном уровнях. Данные последствия отражаются как в кооперативных взаимодействиях, таких как совместная выработка стратегий развития на уровне межгосударственных объединений, создании этических кодексов искусственного интеллекта, так и в деструктивных тенденциях применения искусственного интеллекта террористическими группировками, экстремистами и конфликтующими государствами, злоупотреблений и манипуляций общественных мнением со стороны транснациональных IT-корпораций и т.д. Темпы разработки и распространения искусственного интеллекта в пользовательской среде требуют, помимо осмысления актуальных трендов, прогнозирования их динамики и содержания с учётом международных политических и экономических вызовов, стоящих перед современным обществом. Предлагаемый обзор конференции представляет результаты данных осмысления и прогнозирования, озвученные авторитетными экспертами в области политических, юридических и технических наук в рамках конференции на базе XIII международного IT-форума с участием стран БРИКС и ШОС.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Искусственный интеллект; злонамеренное использование искусственного интеллекта; международная информационно-психологическая безопасность; этика искусственного интеллекта; фейковые новости; терроризм; Big Tech; Европейский Союз; Африка.

ФИНАНСИРОВАНИЕ

Обзор подготовлен при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) и Вьетнамской Академии общественных наук (ВАОН), проект № 21-514-92001 «Злонамеренное использование искусственного интеллекта и вызовы информационно-психологической безопасности в Северо-Восточной Азии».

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ Матяшова Д.О. Злонамеренное использование искусственного интеллекта обсудили в рамках XIII международного IT-форума // Пролог: журнал о праве. — 2022. — № 2. — С. 105—114. — DOI: 10.21639/2313-6715.2022.2.12.

UDC 341:004.8; 327.88

Matyashova D.O.
International Center for Social and Political Studies and Consulting, Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-8528-5054
ResearcherID: GLN-6366-2022

MALICIOUS USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE DISCUSSED IN THE FRAMEWORK OF THE XIII INTERNATIONAL IT-FORUM

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal, 2022, no. 2, pp. 105—114.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2022.2.12.
Received 12.06.2022, accepted 15.06.2022, available online 30.06.2022.

ABSTRACT

Development of the new technologies in the sphere of artificial intelligence and expanding their application for our everyday life supposes large-scale social and political consequences on the national and global levels. The mentioned above consequences are reflected on cooperative interactions like mutual development of strategies on the level of interstate associations, creating ethical codes of artificial intelligence as well as taking into account destructive tendencies of application of artificial intelligence by terrorist organizations, extremists and conflicting states. It also can be applied for malpractice and social opinion manipulation from the side of transnational IT-corporations etc. The pace of development and spreading of artificial intelligence by users demand, besides comprehension of current trends, prognosis of its dynamics and content taking into account international political and economic challenges that modern society faces. The suggested review of the conference presents the results of the mentioned comprehension and prognosis that were announced by reputable experts in the area of political, legal and technical sciences in the frame of the conference on the basis of XIII International IT-Forum with BRICS and SCO Participation.

KEYWORDS

Artificial intelligence; malicious use of artificial intelligence; international informational and psychological security; ethics of international intelligence; fake news; terrorism; Big Tech; European Union; Africa.

ACKNOWLEDGEMENTS

The review was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) and the Vietnamese Academy of Social Sciences (VASS), Project No. 21-514-92001 «Malicious Use of Artificial Intelligence and Challenges of Information and Psychological Security in Northeast Asia».

FOR CITATION

Matyashova D.O. Malicious Use of Artificial Intelligence Discussed in the Framework of the XIII International IT-forum. *Prologue: Law Journal*, 2022, no. 2, pp. 105—114. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2022.2.12

7 — 9 июня 2022 года в г. Ханты-Мансийск прошел XIII Международный IT-форум с участием стран БРИКС и ШОС, который объединил более 5000 участников из разных стран мира.

В рамках форума был проведен ряд международных конференций, среди них — IV международная конференция «Информация и коммуникация в цифровую эпоху: явные и неявные воздействия», организованная Правительством Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, Комиссией РФ по делам ЮНЕСКО, Российским комитетом Программы ЮНЕСКО «Информация для всех» и Межрегиональным центром библиотечного сотрудничества. Конференцию открыли губернатор Югры **Наталья Владимировна Комарова** и послы ряда стран.

Отдельная секция конференции была посвящена угрозам злонамеренного использования искусственного интеллекта (ЗИИИ) и вызовам информационно-психологической безопасности. Председателем секции выступил ведущий научный сотрудник Дипломатической академии МИД России и координатор Международной группы исследователей угроз информационно-психологической безопасности посредством злонамеренного использования ИИ (Research MUAI), доктор исторических наук, профессор **Евгений Николаевич Пашенцев**. В своем вступительном слове он подчеркнул, что практически все этические кодексы искусственного интеллекта (ИИ), принимаемые в разных странах, говорят о ЗИИИ лишь мельком либо не упоминают о нём вообще, несмотря на количественный и качественный рост этой масштабной угрозы. Между тем, ЗИИИ и информационно-психологическая безопасность должны оказаться в фокусе внимания экспертов и политиков уже сейчас, поскольку на определенном этапе качественного развития ИИ злонамеренное использование данной технологии способно стать эффективным средством тотального контроля и управления, а не просто одним из каналов пропаганды (как радио, телевидение или интернет). По словам Е. Н. Пашенцева, против ЗИИИ необходимо уже сейчас принимать соответствующие меры, поскольку проникновение в нашу жизнь ИИ носит повседневный характер, а степень угрозы, исходящей от злонамеренного использования ИИ, быстро растет. В то же время она далеко еще не осознается адекватно большей частью общества.

Рис. 1. Арвинд Гупта

Доклад руководителя фонда «Digital India» **Арвинда Гупты** «Определяется ли то, что мы видим, читаем и потребляем, алгоритмами? И если да, то в каких этических рамках?» затронул аспект монополизма крупных технологических компаний в критических областях, таких как операционные системы, платежная архитектура, электронная коммерция, социальные медиа, реклама. Одной из проблем становится сужение аутсорсинга производства важнейших цифровых ресурсов до нескольких государств. Другим вызовом является отсутствие ответственности данных компаний за дезинформацию в социальных сетях. Дизайн алгоритмов, служащих целям компаний, приводит к распространению фейковых новостей: персонализированные рекомендации создают эхо-камеры и подтверждают предвзятые суждения, управление которыми осуществляется с помощью ботов. В совокупности это подрывает основополагающий принцип взаимосвязанного мира: нейтральность контента. Для преодоления данных проблем А. Гупта выдвинул такие рекомендации, как обеспечение открытого доступа к алгоритмам для исследователей, стимулирование изучения ИИ, гармонизация политики в отношении алгоритмов в разных странах, введение законодательства, определяющего различные типы информации: личную, конфиденциальную, важную и т. д., запрет таргетированной рекламы, локальное производство компонентов стратегических производств. Крайне важны также продвижение многостороннего регулирования новых технологий, межотраслевое сотрудничество для выработки этических норм управления ИИ, а также международные соглашения о прекращении использования цифровых технологий в качестве оружия.

Е.Н. Пашенцев в докладе «Злонамеренное использование ИИ в определении повестки дня: тенденции и перспективы в условиях

Рис. 2. Выступление Е. Н. Пашенцева

нарастания мирового кризиса»[1] подчеркнул, что многочисленные положительные стороны использования ИИ несомненны, однако в связи с нарастанием социально-политических и экономических противоречий в современном обществе, обострением геополитического соперничества и усилением международной напряженности можно предположить, что масштабное злонамеренное использование ИИ при установлении повестки дня уже наблюдается на национальном и глобальном уровнях в формах дезинформационных кампаний. При этом ни государства, ни транснациональные корпорации не берут на себя ответственность за это. Как и в традиционных формах пропаганды, они обвиняют только своих оппонентов и публично не признают, что сами активно прибегают к пропаганде.

Преимущества использования ИИ в установлении повестки дня, по мнению Е. Н. Пашенцева, становятся все теснее связанными с количественными и качественными изменениями традиционных механизмов производства, доставки и управления информацией, новыми возможностями для психологического воздействия на людей и для ведения информационно-психологического противоборства. Измерениями этих изменений, в частности, являются:

(1) объем производимой и получаемой информации,

(2) скорость, с которой информация может быть создана и распространена,

(3) правдоподобность информации,

(4) сила интеллектуального и эмоционального воздействия,

(5) новые возможности аналитической обработки данных,

(6) использование ресурсов прогнозной аналитики на основе ИИ,

(7) новые методы убеждения и

(8) новые возможности интеграции ИИ в процесс принятия решений.

Докладчик сделал предварительный вывод, что преимущества 1 и 2 уже достигнуты, тогда как преимущества 3—8 находятся в стадии разработки и фрагментарно внедрены в общественную практику.

Использование ИИ в радиовещании, кино, телевидении и рекламе быстро растет, а его влияние на общество проявляется в различных формах. Так, исследователи Ланкастерского и Калифорнийского университетов установили, что средний уровень доверия, который вызывают изображения людей, созданные ИИ, на 7,7% выше, чем средний уровень доверия изображениям реальных людей [4]. В связи с кризисом в мировой экономике, деградацией демократических институтов во многих странах и обостряющимся геополитическим соперничеством ЗИИИ в установлении повестки дня могут осуществлять люди разного возраста, пола, расы, нации или политической ориентации. Перераспределение материальных средств в пользу сверхбогатых за годы коронавирусной пандемии не просто усиливает социально-политическую напряженность в обществе, но и создает дополнительные возможности и стимулы для роста ЗИИИ. Рост совокупного состояния сверхбогатых с 8 до 13 трлн. долларов в кризисный 2020 год [1] на фоне рекордного экономического спада за последние десятилетия; новые сотни миллионов безработных; рост, по данным ООН, числа голодающих в мире с 690 млн. в 2019 г. [2] до 811 млн. в 2020 г.[2] не способствует решению этих и других острых проблем современности. Особую опасность представляет концентрация финансовых и интеллектуальных ресурсов немногочисленными частными информационными группами, которые часто активно используют ИИ в своекорыстных целях. Шесть из десяти крупнейших личных состояний в мире принадлежат владельцам Amazon (1), Microsoft (2), Google (2) и Facebook (1)[3]. В конце 2019 года совокупная рыночная капитализация пяти крупных тех-

[1] Доклад подготовлен при финансовой поддержке РФФИ и ВАОН, проект № 21-514-92001 «Злонамеренное использование искусственного интеллекта и вызовы информационно-психологической безопасности в Северо-Восточной Азии».

[2] World Health Organization. UN report: Pandemic year marked by spike in world hunger. URL: https://www.who.int/news/item/12-07-2021-un-report-pandemic-year-marked-by-spike-in-world-hunger.

[3] Forbes. The World's Real-Time Billionaires. URL: https://www.forbes.com/real-time-billionaires/#1d7a52b83d78.

нологических компаний — Alphabet, Amazon, Apple, Microsoft и Facebook (все основаны на разработках в сфере ИИ) — составила 4,9 трлн. долларов, что означает, что за один кризисный год они выросли на 52 % — до $7,5 трлн. в конце 2020 г. Вместе с растущим технологическим гигантом Tesla Inc. Илона Маска эти шесть компаний в совокупности стоили в 2021 г. почти 11 трлн. долларов [3].

В недалеком будущем национальные и наднациональные антидемократические режимы с помощью технологий ИИ смогут удерживать население под своим контролем качественно эффективнее, чем аналогичные современные режимы. Такие режимы в странах со значительным военным и экономическим потенциалом смогут совершать акты информационно-психологической агрессии против других государств, тем самым превращая повестку дня в важный элемент гибридной войны. Следует иметь в виду, что относительная дешевизна и простота передачи программного обеспечения ИИ, а также привлечение специалистов ИИ к преступной деятельности позволяют проводить психологические операции посредством ИИ относительно небольшим группам людей, что может дестабилизировать обстановку на национальном или даже глобальном уровне. Однако это лишь подчеркивает важность умелого использования технологий ИИ социально ориентированными силами не только на уровне государственного управления, но и через различные структуры гражданского общества, с целью нейтрализации угроз информационно-психологической безопасности общества.

Ведущий научный сотрудник Института Европы Российской академии наук, член Research MUAI **Дарья Юрьевна Базаркина** представила доклад «Искусственный интеллект в руках террористов: пути воздействия на общественное сознание», в котором очертила текущие и будущие угрозы использования ИИ террористическими организациями и террористами-одиночками. Она отметила, что коммуникация остается одним из основных аспектов террористической деятельности. Террористическая пропаганда, вербовка и поиск финансирования не просто происходят в цифровой среде, а подразумевают использование широкого спектра технологий: новых средств шифрования, криптовалют, операций в даркнете. В то же время все больше преступлений совершается с помощью инструментов социальной инженерии (психологических манипуляций с целью побудить человека совершить определенные действия или поделиться конфиденциальной информацией). Учитывая конвергенцию терроризма и киберпреступности, террористические организации и террористы-одиночки могут активно использовать механизмы социальной инженерии в своих психологических операциях.

Рис. 3. Выступление Д. Ю. Базаркиной

Эта угроза может стать еще более актуальной в связи с развитием и распространением технологий ИИ, которые при злонамеренном использовании могут облегчить задачи социальной инженерии даже преступникам, не обладающим специальными техническими знаниями. Так, еще в 2015 году запрещенная в России организация «Исламское государство» (ИГ) создала тысячи ботов в «Twitter» для пропаганды, сбора средств и вербовки, а также для подавления оппонентов. Террористы использовали ботов не только для продвижения и формирования повестки дня, но и для координации активных и потенциальных боевиков и, как следствие, для расширения своей аудитории среди активных пользователей существующих продуктов ИИ. О том, что в целях социальной инженерии террористы хотели бы привлечь в свои ряды не только пользователей, но и разработчиков ИИ, свидетельствуют открытые объявления. В марте 2021 года медиа-группа, связанная с «Аль-Каидой», призвала сторонников создавать платформы для поддержки организации в мессенджере «Telegram». Через Telegram-бота медиагруппа регулярно обращается к волонтерам за помощью в создании медиаконтента или даже в хакинге. Таким образом, несмотря на свою архаичную идеологию, террористические организации намерены использовать все средства, даже самые передовые, для ее продвижения.

Террористическая пропаганда в странах ЕС в настоящее время направлена на побуждение лиц к совершению террористических актов в местах их проживания. Предлагаемые инструменты для совершения террористических актов включали в себя дроны и аэро-

статные зажигательные устройства. Теоретически даже использование террористами современной робототехники, в первую очередь беспилотных летательных аппаратов, несет в себе элемент социальной инженерии, поскольку у людей, использующих автономные технологии, может снижаться способность принимать решения, связанные с моральным выбором, самоконтролем или эмпатией. В случае с террористической организацией это может быть преднамеренное снятие личной ответственности с лица, совершившего террористический акт. В то же время, по словам Д. Ю. Базаркиной, социальная инженерия в узком смысле (психологические манипуляции с целью получения паролей и других конфиденциальных данных) также используется террористическими группировками.

Исследователь из Италии **Питер Мантелло** в докладе «Автоматизация экстремизма: сопоставление аффективных ролей искусственного интеллекта» отметил, что массовые кампании политической идеологической обработки ранее когда-то были прерогативой государства. Однако сегодня распространение недорогих или даже бесплатных ботов, которых легко создать, снизило порог входа в информационную войну для экстремистских организаций, позволив им установить аффективные связи с пользователями социальных сетей и мобилизовывать их через это на радикальные и насильственные действия.

Рис. 4. Выступление П. Мантелло

По словам П. Мантелло, одной из самых быстрорастущих областей развития искусственного интеллекта является интерактивное программное обеспечение, развертываемое в социальных сетях для имитации человеческих «активностей» или усиления их эффективности в различных целях. Такое программное обеспечение — интеллектуальные агенты, обычно называемые «веб-роботами», «социальными» или «чат-ботами» — выполняет множество функций: автоматическое создание сообщений, продвижение идей, подражание в пользователям-«сторонникам» или пользователям-«агентам». Диалоговые программные приложения в настоящее время дополняют и заменяют человека в постоянно расширяющемся спектре областей — рекламе, финансах, консультировании по вопросам психического здоровья, даже свиданий. ИИ может обучаться на материалах взаимодействий в социальных сетях, новостных статьях и другом текстовом контенте, что позволит им «понимать» контекст ситуации, историю и этику, чтобы взаимодействовать более «человечно». П. Мантелло отметил, что подобные достижения позволяют интеллектуальным агентам считывать эмоциональное состояние пользователей и реагировать соответствующим «эмоциональным» образом, повышая антропоморфную привлекательность ИИ.

Как и другие приложения ИИ, социальные боты, вероятно, должны были стать инструментами для достижения общественного блага, но их неправомерное и злонамеренное использование негосударственными и государственными субъектами — уже реальность. Враждующие государства и негосударственные акторы используют социальных ботов, чтобы увеличивать скорость и масштаб распространения дезинформации в Интернете, создавать фальшивые учетные записи в социальных сетях, собирать личные данные ничего не подозревающих пользователей, выдавать себя за друзей или соратников пользователя, а также манипулировать политическими коммуникациями. В руках воинствующих экстремистских организаций боты на основе ИИ быстро заменяют людей-пропагандистов, вербовщиков и наёмных троллей. В настоящее время такие боты также используются для вербовки неонацистов в Германии и сторонников превосходства белой расы в США. Организации типа «Аль-Каиды» или ИГ имеют самый большой опыт и самые широкие сети в социальных сетях и, таким образом, представляют собой наиболее опасный и тревожный пример этой тенденции в глобальном масштабе. Исследователь также подчеркнул растущую зависимость современной войны от интеллектуальных машин и ее особую ценность для сторон, обладающих меньшими ресурсами или традиционным оружием в асимметричном конфликте.

Рис. 5. А.М. Бычкова

Начальник отдела научных исследований Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции **Анна Михайловна Бычкова** в докладе «Международно-правовые аспекты противодействия угрозам информационно-психологической безопасности посредством злонамеренного использования искусственного интеллекта» доказала важность перехода от нравственных регуляторов ИИ к правовым: прошло время защищать информационно-психологическую безопасность, апеллируя к нормам этики — наступает время норм права. Однако правовые нормы наследуют нормам этическим. Осознание рисков использования ИИ привело к разработке этических норм на уровне отдельных стран. Выбрав для сравнения Россию и Китай, А.М. Бычкова указала, что если российский «Кодекс этики в сфере ИИ» — акт рекомендательного характера, содержащий этические нормы в сфере искусственного интеллекта и устанавливающий общие принципы, а также стандарты поведения для акторов в сфере ИИ, то подход Китая принципиально иной. Этика в сфере ИИ не является самостоятельным предметом рассмотрения, *а вместе с законодательством и регулированием ИИ* составляет триаду, определяющую главную цель — создание ИИ, которому люди могут доверять (Trustworthy AI). Планирование, разработка и внедрение практик обеспечения каждой из характеристик такого ИИ ведется на корпоративном уровне, система стандартов и контроля для всех практик разрабатывается на отраслевом уровне (совместная ответственность отраслевых объединений и государства).

А.М. Бычкова также обозначила высокую роль и значение «Рекомендации об этических аспектах искусственного интеллекта», принятой на Генеральной конференции Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) 16 ноября 2021 г. Отмечено, что Россия является инициатором двух важнейших международных договоров: в 2011 году Россия предложила к обсуждению проект Концепции Конвенции ООН об обеспечении международной информационной безопасности, в 2021 году — более узкий проект Конвенции ООН о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях (внесен в ООН 27 июля 2021 г.). Таким образом Россия стала первой страной, разработавшей и представившей в спецкомитет ООН проект универсальной конвенции, посвященной противодействию информационной преступности. Безусловно, это важный шаг к оздоровлению информационно-психологической безопасности в целом через частные случаи противодействия киберпреступности. Но для преодоления угроз международной информационной безопасности (и психологической безопасности как важной её составляющей) чрезвычайно важно вернуться к обсуждению Концепции Конвенции ООН об обеспечении международной информационной безопасности, обновленный вариант которой представлен в 2021 г.

Рис. 6. С.А. Себекин

Сергей Александрович Себекин, старший преподаватель Иркутского государственного университета, в докладе «Проблемы классификации злонамеренного использования искусственного интеллекта в целях подрыва информационно-психологической безопасности как акта агрессии в международном праве» указал, что существующее «традиционное» международное право пока не приспособлено к рассмотрению ЗИИИ как актов агрессии, поскольку было сформировано в «доинформационную индустриальную»

эпоху, когда решающим фактором достижения военно-политических задач и влияния на стратегическую обстановку являлись обычные вооружения. В то же время потребность такой правовой классификации уже назрела.

Феномен злонамеренного информационно-психологического воздействия посредством ИИ «дуален»: с одной стороны — это характер воздействия, который является информационно-психологическим, воздействуя на мысли и сознание людей, и который применяется уже на протяжении нескольких сотен лет; с другой стороны — это инструмент воздействия — в перспективе ожидается полномасштабное применение ИИ в военных операциях. Ни одна из вышеописанных составляющих этого сложносоставного воздействия в полной мере не попадает в поле регулирования международного права с точки зрения их квалифицирования как акта агрессии.

Представляется, что главным критерием, по которому злонамеренное использование ИИ в целях подрыва информационно-психологической безопасности будет квалифицироваться как акт агрессии, являются произведённые эффекты и последствия от таких воздействий. Таким образом, решение вопроса квалифицирования применения ИИ в целях психологической дестабилизации требует поиска эквивалентных акту агрессии эффектов, которые в данном случае могут выражаться через социально-политические, экономические и физические последствия.

Рис. 7. В. А. Романовский

Виталий Анатольевич Романовский, главный советник Белорусского института стратегических исследований, представил доклад «Злонамеренное использование искусственного интеллекта для дезинформации и формирования повестки дня: современная практика в странах Африки». В.А. Романовский указал, что цифровая дезинформация и формирование повестки дня становятся все более распространенной чертой внутриполитического ландшафта Африки. Например, в отчете «Промышленная дезинформация: глобальный перечень организованных манипуляций в социальных сетях за 2020 год» исследователи Оксфордского университета обнаружили доказательства того, что в 81 стране мира социальные сети использовались для распространения пропаганды и дезинформации о политике. Среди этих стран — Тунис, Ливия, Египет, Судан, Гана, Нигерия, Эфиопия, Кения, Ангола, Зимбабве и др. Более того, по данным Национального демократического института, с 1 января 2020 года по 31 июля 2021 года в африканских государствах было проведено 32 различных электоральных кампании, для характеристики которых межправительственные и неправительственные организации использовали термин «фейковые новости».

По мнению В. А. Романовского, ввиду растущих свидетельств политически мотивированного манипулирования СМИ в нескольких африканских государствах разумно поддержать предположение о том, что технологии дипфейков на основе ИИ, вероятно, будут чаще использоваться для определения повестки дня. Это предположение подтверждается отчетом Европола 2022 года «Правоохранительные органы и вызов дипфейков», в котором говорится, что технология может способствовать различным видам преступной деятельности, включая распространение дезинформации, манипулирование общественным мнением и поддержку нарративов экстремистских или террористических групп. Национальным правительствам следует разработать более последовательную политику противодействия дезинформации. Например, можно было бы рассмотреть вопрос о создании специализированной государственной межведомственной структуры по противодействию дезинформации. Важнейшей задачей будет оперативное информирование внутренней и внешней аудитории о зарегистрированных случаях дезинформации.

Тему ЗИИИ рассматривали и докладчики из других секций. Так, член Research MUAI **Пьер-Эммануэль Томанн**, президент международной ассоциации «Eurocontinent», профессор Университета Жан Мулен, Лион III (Франция) представил доклад «Искусственный интеллект и Европа: между этикой и геополитикой великих держав». П.-Э. Томанн полагает, что системный характер и стратегический эффект от применения ЗИИИ станут реальны по мере расширения возможностей различных акторов для маневра в пространстве и времени. Великие державы, которые

Рис. 8. Выступление П.-Э. Томанна

смогут реализовывать стратегии, опирающиеся на ИИ, достигнут превосходства в наземных, морских, воздушных, кибернетических — пространственных и когнитивных — областях, а также обретут способность к прогностическому анализу. Данные обстоятельства чреваты ниспровержением международного порядка или глобальной дестабилизацией. Исследования, посвященные геополитическим последствиям стратегического злонамеренного использования ИИ, а также его последствиям для ЕС и международной информационно-психологической безопасности, в настоящее время отсутствуют. Анализ рисков злонамеренного использования ИИ в международных отношениях, как правило, сосредоточен на угрозах демократии и возможностях их использования недемократическими режимами. Связь ИИ с международными отношениями, возможные изменения геополитической конфигурации также требуют дальнейшего изучения.

Стратегическое злонамеренное использование ИИ, вероятно, окажет решающее влияние на эволюцию геополитической конфигурации, что приведет к усилению иерархичности и неравенства и, возможно, к новому биполярному миропорядку с полюсами в США и Китае. Докладчик проанализировал точку зрения Европейского союза на эти процессы. ЕС признаёт, что США и Китай будут доминировать в сферах ИИ и цифровизации на международной геополитической арене в ближайшие годы.

До 2020 года основное внимание ЕС в отношении ИИ уделялось этическим, нормативным и экономическим аспектам в контексте регулирования общего рынка ЕС, что отражено в основной коммуникационной стратегии Союза. ЕС продвигает идею «многосторонности» в качестве международной доктрины в своей Глобальной стратегии внешней политики и политики безопасности. Однако ЕС не изменил своей доктринальной позиции в отношении многосторонности и отказывается принимать многополярную модель мироустройства. Союз продвигает стратегическую автономию, но считает себя дополнением к НАТО и США — своему главному стратегическому партнеру. Таким образом, политика ЕС де-факто способствует реализации курса США на однополярность.

Рис. 9. М. Вакарелу

Мариус Вакарелу, профессор Национальной школы политических наук и управления (Румыния) и член Research MUAI в докладе «Международная и региональная политическая конкуренция в развитии искусственного интеллекта» исходит из понимания политической конкуренции как естественной ситуации, источника технического прогресса и экономического развития. При этом определенные стандарты политической конкуренции существуют как для лидеров, так и для экономик, армий, систем образования.

М. Вакарелу поставил вопрос, могут ли разработки в области ИИ сегодня сбалансировать затраты на осуществление политической конкуренции (привести к снижению военных и экономических затрат) и станет ли ИИ важнейшим инструментом политической конкуренции в будущем. Докладчик указал, что превосходство того или иного региона в сфере ИИ может привести к новым альянсам для достижения глобальных целей и, возможно, к войнам, для которых необходимо установить предел допустимости применения силы.

Представленные доклады свидетельствуют о необходимости дальнейших междисциплинарных исследований угроз информационно-психологической безопасности, обусловленных злонамеренным использованием ИИ. В борьбе с данными угрозами уже сейчас необходимы комплексные решения, объединяющие правовые, политические, экономические, технологические, психологические и образовательные меры. Проблема злонамеренного использования ИИ вызвала живой интерес у представителей научного сообщества и в политических кругах не только в России, но и у представителей зарубежных стран, представленных на конференции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Dolan K., Wang J., Peterson-Withorn C. The Forbes World's Billionaires list. — URL: https://www.forbes.com/billionaires/.

2. Kretchmer H. Global hunger fell for decades, but it's rising again. — URL: https://www.weforum.org/agenda/2020/07/global-hunger-rising-food-agriculture-organization-report/.

3. Statista. S&P 500: largest companies by market cap 2021. — URL: from https://www.statista.com/statistics/1181188/sandp500-largest-companies-market-cap/.

4. Suleiman E. Deepfake: A New Study Found That People Trust "AI" Fake Faces More Than Real Ones. — URL: https://reclaimthefacts.com/en/2022/03/25/deepfake-a-new-study-found-that-people-trust-ai-fake-faces-more-than-real-ones/.

REFERENCES

1. Dolan K., Wang J., Peterson-Withorn C. *The Forbes World's Billionaires list*. URL: https://www.forbes.com/billionaires/.

2. Kretchmer H. *Global hunger fell for decades, but it's rising again*. URL: https://www.weforum.org/agenda/2020/07/global-hunger-rising-food-agriculture-organization-report/.

3. *Statista. S&P 500: largest companies by market cap 2021.* URL: *https://www.statista.com/statistics/1181188/sandp500-largest-companies-market-cap/.*

4. Suleiman E. *Deepfake: A New Study Found That People Trust "AI" Fake Faces More Than Real Ones.* URL: https://reclaimthefacts.com/en/2022/03/25/deepfake-a-new-study-found-that-people-trust-ai-fake-faces-more-than-real-ones/.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Матяшова Дарья Олеговна (Москва) — магистр международных отношений, стажёр-исследователь, Международный центр социально-политических исследований и консалтинга (МЦСПИК) (109316, г. Москва, Волгоградский проспект, 42, e-mail: dasham0708@mail.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Matyashova, Daria O. (Moscow) — Master of International Relations, Intern Researcher, International Center for Social and Political Studies and Consulting (Volgogradsky Prospekt, 42, Moscow, 109316, e-mail: dasham0708@mail.ru).